

Paul Vinogradoff
1943

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

История в Политехническом университете
Выпуск 3

А. В. МАЛИНОВ

ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ

ВИНОГРАДОВ

Социально-историческая
и методологическая концепция

Санкт-Петербург
2005

УДК 1: 316Ю32(092)
ББК 60г (2)
М 19

Научный редактор д-р филос. наук, проф. В.В. Козловский (С.-Петербург. гос. ун-т)

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. А.И. Бродский (С.-Петербург. гос. ун-т);

д-р ист. наук, проф. С.Н. Погодин (С.-Петербург. гос. политех. ун-т)

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета*

Малинов А.В.

М 19 Павел Г^рилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб.: Издательство «Нестор», 2005. – 216 с. (История в Политехническом университете. Вып. 3).

ISBN 5-303-00218-7

В монографии рассматриваются социально-историческая и методологическая концепции крупнейшего историка-медиевиста рубежа XIX–XX вв., профессора Московского и Оксфордского университетов Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925).

Для всех интересующихся историей русской философии и исторической науки.

ББК 60г (2)

Исследование подготовлено
при поддержке РГНФ № 04-03-00334а

ISBN 5-303-00218-7

© А.В. Малинов, 2005

ВВЕДЕНИЕ

В сущности, характеристика развития научных взглядов и в других науках занимает важное место, но нигде она так не важна, как в науке исторической.

П.Г. Виноградов «История Греции» (1896)

По словам первого биографа Павла Гавриловича Виноградова Г.А.Л. Фишера, Виноградов был «выдающейся фигурой в интеллектуальной истории нашего века. Все великие ученые в некотором смысле вынуждены быть гражданами мира, но Виноградов был совершенный и прирожденный космополит». «Будучи русским, — продолжал Фишер, — он был одним из первых английских медиевистов. Будучи историком древних английских земельных отношений, он был великим исследователем сравнительного права»¹. Все это позволило Фишеру заметить, что Виноградов «находился в любой стране, как у себя дома»². Но то же можно сказать и о его научных интересах. Виноградов прекрасно разбирался в целом ряде общественных дисциплин: истории, юриспруденции, экономике, социологии. Причина этого — его широкие теоретические интересы.

Давно был известен факт, что многие историки-теоретики или, по выражению Н.И. Кареева, «историки-философы», обратившиеся на рубеже XIX–XX вв. к разработке философско-исторических проблем, в особенности теории и методологии истории, занимались у П.Г. Виноградова. Сохранились мемуарные упоминания с высокой оценкой методолого-исторических штудий самого Виноградова. А вот в чем состояли его методологические взгляды, сегодня сказать не просто. Опубликованные работы ученого имеют узко специальную направленность. Публичные выступления Виноградова популярного характера, как правило, не касались методологии истории. Так обозначилась задача исследования: собрать те немногочисленные высказывания, отступления и размышления, в которых он касался философско-исторических и теоретико-методологических вопросов.

Имя Павла Гавриловича Виноградова хорошо известно тем, кто занимается историей европейского средневековья и мало знакомо специализирующимся в других областях. Интеллигентный, образованный человек скорее всего спутает его с более ценимыми Мнемозиной однофамильцами. Между тем Виноградов принадлежал к тому поколению и, можно добавить, роду русских ученых, отличавшихся универсальностью подходов и широтой интересов, которые на рубеже XIX–XX вв. по праву составили славу российской науки. Научная деятельность Виноградова рано переросла российские пределы и стала по-истине космополитичной. Среди отечественных историков европейская слава Виноградова может быть сопоставлена, пожалуй, только с известностью М.М. Ковалевского. В наследи ученого можно выделить три доминирующие направления: медиевистика, история правоотношений и методологические исследования. Многие работы Виноградова по истории средних веков и сравнительному правоведению признаны классическими. Однако космополитизм научных поисков, перешедший в мировоззренческую установку, сделал из Виноградова, по его собственному признанию, ученого-скитальца. Последнюю четверть века своей жизни он провел в эмиграции. В результате, как не без сожаления отмечал в некрологе коллега Виноградова по академическому цеху Ф.И. Успенский, «его имя, как и направление ученой деятельности, пользовались будущей известностью за границей, чем у нас»³. Более полувека назад одна из исследовательниц творчества Виноградова отмечала: «Несмотря на общепризнанное громадное значение П.Г. Виноградова как историка-медиевиста, до сих пор в советской литературе не появилось ни одного специального исследования, посвященного Виноградову: раскрытию его исторической концепции, определению его роли и места в русской и западно-европейской медиевистике, анализу его общественно-политических и философских воззрений. Отсутствуют и работы, посвященные оценке его педагогических взглядов, его многосторонней общественно-педагогической деятельности»⁴. Отношение соотечественников к ученому не сильно изменилось и сейчас. Работы Виноградова не переиздаются, а его 150-летний юбилей прошел почти незаметно. Более того, восприятие и изучение научных трудов Виноградова приняло одностороннее направление: внимание привлекают только медиевистские работы ученого, в то время как его историко-правовые и методологические изыскания практически забыты. Исследования данных разделов творчества

Виноградова единичны⁵. В последние годы появились публикации А.В. Антощенко, как посвященные деятельности Виноградова, так и знакомящие российских читателей с рукописями поздних работ историка⁶. Нет необходимости подробно останавливаться на том банальном факте, что успех трудов ученого по европейскому средневековью в значительной степени объясняется теми методологическими приемами и установками, которыми историк руководствовался в процессе работы, а историко-правовой материал составляет источниковедческую основу его исследований. Влияние методологических разработок Виноградова гораздо шире его медиевистских сочинений. Методологическую школу Виноградова прошли многие историки, и лишь некоторые из них продолжили его исследования по европейскому средневековью.

Обращение Виноградова к вопросам методологии исторического исследования не было случайным. Можно даже сказать, что оно было симптоматичным, было своего рода потребностью времени. Интерес к теоретико-методологическим проблемам истории, пробудившийся еще в XVIII в., стимулировался постепенной институционализацией истории и необходимостью утверждения историографии в качестве науки. Этапы разработки теоретико-методологических вопросов истории и уяснения сциентистской специфики историографии легко проследить по дискуссиям, начавшимся с выступления «скептиков» и Н.А. Полевого против Н.М. Карамзина. Следующая полемика была вызвана работами К. Бэра конца 1840-х — начала 1850-х гг., а также оценкой «новых историков» (Э. Гиббон, Ф. Гизо, Ф.К. Шлоссер, Б. Нибур, Ф.А. Вольф, К.Ф. Савиньи). По существу она сводилась к вопросу о роли природного фактора в истории и о достоверности истории. В полемике приняли участие Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев и С.С. Уваров. В эти же годы развернулся спор о задачах и особенностях истории как науки между М.М. Стасюлевичем и учениками Т.Н. Грановского И.К. Бабстом и П.Н. Леонтьевым. В конце 1850-х — первой половине 1860-х гг. с серией критических статей о работах представителей «государственной школы», прежде всего «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, выступил К.Н. Бестужев-Рюмин, сформулировавший по ходу критики и свои методологические требования к историческому знанию. Поводами для возобновления полемики на рубеже XIX–XX вв. становились поочередно концепции Н.Я. Данилевского, Л.И. Мечникова и материалистическое истолкование истории.

Первые философско-исторические курсы, читавшиеся в российских университетах, относятся к 1860-м гг.: в Московском университете такой курс читал В.И. Герье (1866), в Петербургском – М.М. Стасюлевич (1861). В 1866 г. М.М. Стасюлевич защитил докторскую диссертацию по философии истории, следующей стала уже диссертация Н.И. Кареева (1883). В.И. Герье заложил в Московском университете традицию изучения теоретико-методологических и философско-исторических вопросов истории. Его ученики Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер продолжили разработку философских и методологических сторон исторической науки. Самостоятельную концепцию «исторической социологии» в эти же годы разрабатывал В.О. Ключевский. Участниками методологического «семинария» Виноградова, а также членами его кружка были Д.М. Петрушевский, П.Н. Милюков, Р.Ю. Виппер, М.М. Хвостов, оставившие работы по теоретико-методологическим и философско-социологическим проблемам истории. В Петербургском университете чтение курсов по философии и методологии истории связано с именами А.С. Лаппо-Данилевского и Н.И. Кареева.

Характерной особенностью теоретико-методологических поисков в рамках университетской исторической и философской науки этого периода была их ориентация на позитивизм и неокантианство, в разной пропорции представленных у разных мыслителей. Этим объясняется и сближение, а порой и отождествление философии истории с социологией, что наиболее заметно в построениях Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, В.М. Хвостова.

Философско-исторические и теоретико-методологические взгляды современников Виноградова нашли отражение в монографических исследованиях, посвященных Н.И. Карееву, Р.Ю. Випперу, В.О. Ключевскому, М.М. Стасюлевичу, К.Н. Бестужеву-Рюмину, П.Н. Милюкову, А.С. Лаппо-Данилевскому. Виноградов же до сих пор лишен такого исследования.

В предлагаемой работе предпринимается попытка реконструкции методологической концепции Виноградова. Этой цели подчинены и неизбежные отсылки к его чисто медиевистским и историко-юридическим трудам. Историческая концепция Виноградова и его исследования по историческому правоведению рассматриваются лишь в той мере, в какой в них обнаруживаются его теоретико-методологические взгляды. Известное постоянство научных пристрастий Виноградова дает возможность представить его методологическую концепцию в син-

хроническом единстве, без существенных поправок на более чем сорокалетнюю историю ее бытования⁷.

Примечания

¹ Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir // The Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. I. Historical. Oxford, 1928. P. 3.

² Ibid.

³ Успенский Ф.И. Павел Гаврилович Виноградов. Некролог // Известия Академии наук СССР. VI серия. Т. XX. 1926. 15 октября – 1 декабря. № 15–17. С. 1405.

⁴ Шевцова Г.В. Из истории русской медиевистики. П.Г. Виноградов. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1951. С. 3.

⁵ Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930; Мозильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969; Черниловский З.М. История и теория права в трудах П.Г. Виноградова // Труды ВЮЗИ. Т. 54. Критика буржуазной правовой идеологии. М., 1977; Моисеев Л.С. К вопросу об исторических взглядах П.Г. Виноградова // Проблемы историографии и источниковедения истории СССР. Днепропетровск, 1979; Она же. Об исследовательских принципах русского медиевиста П.Г. Виноградова // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985; Она же. Слово о Павле Гавриловиче Виноградове // История и историки. М. 1995; Она же. Павел Гаврилович Виноградов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., 2000; Дурновцев В.И. Россия в исторической концепции П.Г. Виноградова // Историографический сборник. Вып. 6 (9). Саратов, 1981; Стоянова Н.И. Объект исторического познания у П.Г. Виноградова // Актуальные проблемы социального познания. М., 1982; Мягков Г.П. Русская историческая школа: Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; Графский В.Г. Павел Виноградов как историк права // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990.

⁶ Антощенко А.В. Виноградов о земском самоуправлении в России // Государственно е управление и местное самоуправление на Европейском севере: Исторический опыт и современность. Петрозаводск, 1996; Он же. П.Г. Виноградов о возможной модели российского парламента // Социальные институты в истории. Омск, 1996; Он же. Реформы и власть в России во второй половине XIX — начале XX в.: иллюзии и разочарование П.Г. Виноградова // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. СПб., 1997; Он же. Взгляд из Англии (П.Г. Виноградов о революционных событиях 1917 г. в России) // 80 лет революции 1917 г. в России. СПб., 1997; Он же. Академик П.Г. Виноградов о революциях 1917 г. в России на страницах «Британской энциклопедии» // Революции 1917 г. в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия. Омск, 1997; Он же. Гражданс-

кая война в оценке академика П.Г. Виноградова // Гражданские войны, политические кризисы, внутренние конфликты: история и современность. Омск, 1998; Он же. Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) // Историки России. Биографии. М., 2001.

⁷ Как у всякой работы, у данного сочинения был, конечно, конкретный повод для написания – помянуть Виноградова в юбилейный (2004) для него год. Виноградов не избалован в исторической, особенно в историко-философской, литературе. Некоторые обстоятельства, не все из которых приятны, способствовали подготовке и публикации исследования. Однако я прекрасно сознаю те недостатки и, прежде всего, неполноту, которые, неизбежны в работе такого рода. Причина их в первую очередь в недоступности целого ряда сочинений Виноградова. Многие его произведения, изданные за границей, не удалось обнаружить в библиотеках. В частности, это относится к работам, посвященным русской истории и славянофилам. Отсутствовали и многие литографированные курсы его лекций, и, что еще обиднее, в некоторых из тех, которые удалось получить, не было многих страниц. Так, в литографированном издании лекций по истории средних веков за 1899–1900 г. отсутствовало более ста семидесяти страниц, в том числе обширное теоретическое введение. Об этом приходится особенно сожалеть в виду того, что Виноградов редко столь подробно формулировал в своих работах философские и теоретические предпосылки своего понимания истории. Но раритетами оказались и многие современные сборники, в частности, работы А.В. Антощенко, исследователя наиболее интенсивно изучающего в последние годы творчество Виноградова, опубликованные в ряд региональных изданий.

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ

Кроме возни с средневековыми свидетельствами, в моей жизни нет событий.

Из письма П.Г. Виноградова В.И. Герье (23 сентября 1883 г.)

...не ко двору я пришелся властям.

Из письма П.Г. Виноградова Э.Л. Радлову (11 марта 1902 г.)

Забавен был «П.Г. Виноградов», ходивший в черном фраке и в цилиндре, точно на бал, где центральной люстрой был он сам. «Потому что его уже приглашали в Оксфорд».

Бедная московская барышня ангажированная иностранцем.

В.В. Розанов «Опавшие листья. Короб первый»

Виноградов родился 18 **ноября** 1854 г.¹ в Костроме. Его отец, Гавриил Купреянович² (1810–1885) происходил из семьи священника. Получив образование в Главном педагогическом институте в Петербурге, он преподавал историю в Костромской гимназии, стал затем ее инспектором и директором. Он был человеком эрудированным, верным православным обычаям, разделял славянофильские и консервативные политические убеждения, что противоречило либеральным и западническим идеалам молодого Виноградова. Мать, Елена Павловна, была дочерью генерала П.Д. Кобелева, участника войны 1812 г. Братья матери были также военными, поэтому в семье серьезно обсуждался вопрос о перспективах военной карьеры сыновей. Один из братьев Виноградова стал морским офицером. В 1855 г. семья переехала в Москву, где отец получил место директора мужской гимназии, а позже начальника гимназий ведомства императрицы Марии. Им были открыты и устроены все пять гимназий этого ведомства. До двенадцати лет Виноградов воспитывался дома, с особым интересом занимаясь литературой, философией, всеобщей историей, иностранными языками; всего Виноградов владел двенадцатью языками. В юности будущий историк увлекался балетом и музыкой, любовь к которым он сохранил до конца жизни. Окончив в 1871 г. с золотой медалью 4-ю Московскую гимна-

зию, он поступил в Московский университет, где его учителями были С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев и В.И. Герье. Своими же учителями в исторической науке Виноградов признавал Т. Моммзена, Ф. Мейтланда и В.О. Ключевского, «своего рода Рембрандта в истории, который вскрывал существо исторического характера и движений сочетанием интуиции с искусственным критическим разбором», – передавал слова ученого биограф³. В гимназические годы Виноградов увлекся изучением западноевропейской философии. Как отмечал ученый в автобиографической записке: «Он рано стал интересоваться западной литературой и философией – и еще в старших классах гимназии читал классиков философии в издании Кирхмана»⁴. В университете занятия историей Виноградов дополнял изучением правовых и экономических отношений, постепенно переходя к исследованию социально-исторических явлений. Большое значение, по его собственному признанию, для формирования его научных взглядов имели работы Л. фон Ранке и А. де Токвиля: «Особенно ценным было для него чтение произведений Ранке и Токвиля. На него произвело сильное впечатление в сочинениях этих историков соединение научной объективности с умением приводить исторические явления в стройную, внутренне обусловленную связь»⁵. Школьные каникулы Виноградов проводил в деревне, а в студенческие годы предпочитал путешествовать. Любовь к путешествиям, тяга к общению с представителями других культур и наций остались у него на всю жизнь.

Воспоминания Н.И. Кареева сохранили образ серьезного молодого человека, сторонящегося соблазнов студенческой жизни. «Уже в эти молодые годы Виноградов, – писал мемуарист, – и по уму своему, и по своим знаниям, и по характеру казался старше своих лет, что мешало ему сближаться со своими однокурсниками. Уже тогда в нем и внешним образом проявилась известная степенность (солидность) взрослого человека, знающего себе настоящую цену, а товарищи прямо даже говорили о его важности и ею объясняли то, что он держал себя далеко от увлечений тогдашней студенческой молодежи. Я не говорю уже об увлечениях политических, которые были ему совершенно чужды. Среди революционного брожения семидесятых годов его политическое настроение было умеренно либеральным, притом западнического типа. Славянофильские мечтания и симпатии равным образом не имели над ним никакой силы. Скорее даже они вызывали в нем уже тогда отрицательное отношение. Говоря о степенности, уравновешен-

ности молодого Виноградова, я имею в виду и то, что он сторонился и тех студенческих компаний, которые поднимали шумные истории чисто школьного характера или тяготели к веселой жизни. Ни то ни другое не соответствовало темпераменту Виноградова, хотя он и не замыкался в своем кабинете, охотно посещал всякие собрания, где можно было встретить интеллигентных собеседников»⁶.

Знакомство Н.И. Кареева с Виноградовым относится к 1871 г., т. е. ко времени поступления Виноградова в университет. Между молодыми историками быстро установились дружеские отношения. «Вероятно, – вспоминал Н.И. Кареев, – на первых же порах мы стали говорить друг другу “ты”, что по обычаю того времени следовало за питием вина на брудершафт с соблюдением известной обрядности»⁷. «Его начитанность, его осведомленность в общих вопросах, его знания в иностранных языках были незаурядными», – передавал Н.И. Кареев свои впечатления от первой встречи с семнадцатилетним Виноградовым. Интенсивное общение историков продолжалось в течении десяти лет, пока жизненные обстоятельства не отдалили их друг от друга. Памятью о дружеском расположении, Виноградов в 1881 г. выступил шафером на свадьбе Н.И. Кареева.

По завершении учебы Виноградов по инициативе В.И. Герье, предпочитавшего его Н.И. Карееву, был оставлен при университете. Для продолжения образования в 1875–1876 гг. он был командирован в Германию, где в Берлине занимался у Т. Моммзена римским государственным правом, у Э. Курциса – историей и географией древней Греции, у Г. Бруннера – историей германского государства и права, у Г. Трейчке – историей эпохи реформации, а в Бонне – греческой историей у А. Шеффера. По словам Ф.И. Успенского, от Т. Моммзена и Г. Бруннера «он усвоил правовые воззрения и метод, оказавшие сильное влияние на его дальнейшие занятия по средневековой истории»⁸. Семинарий Моммзена Виноградов впоследствии называл «главным научным вдохновением своей жизни»⁹. «У того каждый факт, которого он коснулся, – писал Виноградов из Берлина В.И. Герье о занятиях у Т. Моммзена, – выставляется во всем своем смысле и значении, каждая подробность занимает должное место; никогда не бывает сухих перечислений, а все связано и приведено в порядок общими идеями»¹⁰. Семинары у Т. Моммзена стали для Виноградова образцом сочетания исследовательской и преподавательской работы. «Всякий осколок прошедшего есть, если можно так выразиться, исто-

рический микрокосм, в котором отражаются и соединяются великие всемирно-исторческие силы», – делился он впечатлением от семинаров немецкого ученого, попутно поясняя его подход¹¹. В Т. Моммзене Виноградов увидел и воплощение главных качеств историка. Берлинский профессор обладал «невероятной эрудицией, редкой силой обобщения и исторической конструкции, наконец, художественным талантом описания и характеристики»¹². К тому времени и сам Виноградов обнаружил незаурядные исследовательские способности. «Ему было 22 года, – писал Фишер, – и уже были очевидны два важных качества – энциклопедический взгляд на общность права и истории и способность к детальному изучению древности»¹³.

В 1876 г. молодой ученый («худой и бледный с коротенькими белесыми усами», – по описанию Фишера¹⁴) начал чтение лекций на Высших женских курсах в Москве, а в 1877 г. по истории средних веков в Московском университете. В том же году в его переводе вышла «История цивилизации во Франции» Ф. Гизо, а в 1879 г. Виноградов выступил оппонентом на защите магистерской диссертации Н.И. Кареева, хотя сам к тому времени еще не сдал магистерские экзамены. Выдержав их, он отправился в Италию для сбора в итальянских архивах и библиотеках материалов для собственной магистерской диссертации. Как отмечал В. Бузескул, «для своего времени исследование П.Г. Виноградова о происхождении феодальных отношений в Лангобардской Италии явилось выдающимся трудом»¹⁵. Успешно защитив диссертацию в 1881 г. Виноградов в должности доцента начал преподавать в Московском университете. После упразднения звания доцента в 1884 г. по новому университетскому уставу Виноградов стал экстраординарным, а в 1887 г. и ординарным профессором. В 1883–1884 гг. для подготовки докторской диссертации он провел полтора года в Англии. 7 марта 1884 г. Виноградов писал из Лондона В.И. Герье о подготовке своего диссертационного исследования: «Моя собственная работа продвигается, хотя и медленно. Главное по собиранию материала сделано – вижу границы, по крайней мере, хотя границы эти очень случайные ввиду громадной массы и разбросанности памятников. Нахожусь теперь во втором периоде работы кот[орый] можно характеризовать словом “perplexities” (затруднение – А.М.): сотни мелких и крупных вопросов раздражают и мучают. Представляю себя засыпанным едкой пылью, от которой надо поскорее умыться. В Лондоне буду еще с месяц, а затем отправлюсь опять в Оксфорд, где приятнее жить и спокойнее рабо-

тать. Не имею ни малейшей надежды "произвести диссертацию", хорошо было бы справиться с приготовлениями и привезти хоть первую половину»¹⁶. Диссертация Виноградова «Исследования по социальной истории Англии» была опубликована в 1887 г., а в 1892 г. с изменениями и дополнениями вышла в английском переводе под названием «*Villainage in England. Essays in English Mediaeval History*». «*Villainage in England*, – подводил Фишер итог научного наследия историка, – безусловно самая блестящая и возможно лучшая виноградовская книга»¹⁷. Как и в магистерской диссертации Виноградов сосредоточился здесь на исследовании социально-экономических и правовых аспектов происхождения феодализма. В опубликованной сразу после выхода английской книги Виноградова обширной рецензии-реферате Д.М. Петрушевский, давая высокую оценку новому труду своего старшего коллеги, отмечал общие характерные черты исторических исследований Виноградова: «Обширная эрудиция, широкий взгляд на исторический процесс, строго научная постановка вопросов и строго методическое их разрешение путем тонкого и всестороннего анализа архивного материала – вот те особенности его работ, которые делают знакомство с ними необходимыми для всякого, кто хочет получить истинное понятие о задачах и приемах научного исследования в области истории»¹⁸. «*Villainage in England*, – писал много лет спустя Д.М. Петрушевский, – это по истине классическое произведение европейской историографии и по своим результатам, и, может быть, еще более по своим исключительным методологическим достоинствам»¹⁹.

Оппонентами во время докторского диспута Виноградова выступили В.И. Герье и М.М. Ковалевский. М.М. Богословский вспоминал, что «П[авел] Г[аврилович] защищал свою книгу ("Исследования по социальной истории Англии" – А.М.) с большим достоинством. Беседа шла в очень дружелюбных тонах, а с М.М. Ковалевским – в тоне особенной дружеской близости. На какой-то из упреков Ковалевского П[авел] Г[аврилович] ответил: "Да, я это знаю, но мне хотелось поскорее выпустить книгу, потому я это и опустил". Ковалевский закончил возражения словами: "Ну об этом мы вами будем иметь случай поговорить в наших частных беседах"»²⁰. Описание защиты Виноградова оставил и А.А. Кизеветтер, также отметивший доброжелательную полемику диссертанта с М.М. Ковалевским: «Оппонировали Герье и Максим Ковалевский. Герье, не занимавшийся специально социальной историей феодальной эпохи, ограничился немногими мелкими замечаниями. Зато в лице

Ковалевского Виноградов имел достойного партнера для научного спора. И редкий университетский диспут производил такое сильное впечатление глубиной и содержательностью поднимаемых вопросов, той глубиной и содержательностью, которые проистекали из равносильности споривших специалистов. Помнится, одно из главных возражений Ковалевского состояло в том, что, по его мнению, Виноградов, при исследовании феодального строя средневековой Англии, слишком затушеввал влияние, шедшее с континента через Нормандию. Виноградов не давал спуска оппоненту и в оживленном обмене мнений оба ученых развернули такое богатство специальных познаний, такое, можно сказать, интимное знакомство с архивными хранилищами западной Европы, что внимательный и понимающий дело слушатель мог с истинным наслаждением лакомиться столь изысканной научной беседой»²¹.

Дружеские отношения Виноградова и М.М. Ковалевского подкреплялись не только вероятной взаимной симпатией и уважительным отношением к результатам научных поисков друг друга или даже известным личным обаянием М.М. Ковалевского, но и общностью исследовательских интересов, близостью научных, мировоззренческих, в том числе и политических установок. Представители одного поколения и одного научного направления, Виноградов и М.М. Ковалевский, оба оказались в эмиграции, оба заслуженно добились мирового признания своих ученых трудов, в равной мере поддались революционному соблазну принять участие в политической борьбе (М.М. Ковалевский в 1905–1907 гг. как депутат Думы и член Государственного совета, Виноградов после 1917 г. в рядах антибольшевистской эмиграции). За границей судьба их вновь на некоторое время свела не только как единомышленников, но и как коллег на преподавательском поприще. В 1901 г. в Париже стараниями Ковалевского и его товарищей была открыта Русская высшая школа общественных наук, в которой довелось читать лекции и Виноградову.

Близость научных интересов и исследовательских установок не могли не привести к откликам Виноградова на работы М.М. Ковалевского. Так, в 1895 г. в «Русской мысли» он опубликовал в целом комплиментарную рецензию на первый том «Происхождения современной демократии» М.М. Ковалевского. «Нельзя не удивляться неугомонной энергии М.М. Ковалевского, широте его кругозора и разнообразию сведений», — констатировал Виноградов в начале рецензии²². Критик отмечал, что книга свидетельствует о начитанности автора и «оригиналь-

ности его взглядов и способности представить в новом и интересном освещении вопросы, о которых писано так много и высказано столько авторитетных суждений»²³. Переходя к частным достоинствам нового труда М.М. Ковалевского, Виноградов писал, что «главная заслуга г. Ковалевского – в его обработке политических и хозяйственных теорий»²⁴. Доброжелательная оценка Виноградова понятна и объяснима из общности взглядов ученых. Тем интереснее его замечания, относящиеся не к деталям исследования, а к научному подходу М.М. Ковалевского. И здесь то, что в начале воспринималось как достоинство, выступало главным источником недостатков. Это прежде всего широта выбранной темы и, как следствие, обзорность проблем. Замечания Виноградова в большей степени раскрывают его собственную исследовательскую позицию, чем опровергают построения Ковалевского. Основное из них – преждевременность обобщений и необходимость продолжить частные исторические изыскания. Как писал Виноградов, «чтобы двинуть вперед изучение предмета, необходимы не столько общие характеристики, сколько точные специальные исследования»²⁵. «Определить относительное значение всех этих факторов не легко и едва ли пришло время подвести итоги. В этом направлении еще открыто поле для специальных исследований», – указывал рецензент далее²⁶.

Тем не менее, Виноградов ощущал конкуренцию со стороны Ковалевского. Работы Ковалевского были посвящены тем же проблемам, опирались на тот же материал. Более того, сам М.М. Ковалевский, и не без основания, претендовал на первенство в разработке целого ряда проблем истории английского средневековья, которые стали предметом исследовательских усилий и Виноградова. О научной, а не личной подоплеке своих взаимоотношений с Виноградовым М.М. Ковалевский писал в «Воспоминаниях»: «Его отъезд за границу для приготовления диссертации – причина тому, что более тесное сближение последовало между нами не сразу, а только с тех пор, когда тому же Виноградову, быть может под влиянием моей книги “Об общественном строе Англии в конце средних веков” пришло на ум заняться ранним средневековьем той же Англии и в частности историей ее крепостного права»²⁷. Возможно, этим объясняется образ М.М. Ковалевского, рисуемый Виноградовым в личной переписке в несколько пренебрежительных тонах. В письме, отправленном 11 июня 1884 г. из Оксфорда В.И. Герье, Виноградов писал: «На днях наткнулся в Лондоне на Ковалевского. Он засел там после эдинбургской

поездки, и когда я его видел, давился английскими ренталями, чтобы подбелить второй выпуск своего общинного землеуладения. Нам с ним, должно быть, суждено постоянно толкаться на этом свете: его выпуск появится, вероятно, несколько ранее моей книги, и ему придется касаться многих вопросов, которые войдут и у меня в исследование. Тем не менее мы встретились, конечно, весьма любезно. Теперь он, кажется, уехал во Францию или Италию»²⁸.

На смерть М.М. Ковалевского Виноградов откликнулся некрологом, зачитанном 9 мая 1916 г. на Общем собрании Императорской Академии наук. Близкое знакомство позволило Виноградову оставить запоминающуюся характеристику своего товарища. «Вообще в его характере, — писал он, — несмотря на все разнообразие привнесенных жизненных элементов, ясно обозначилась складка культурного барина, щедрого, хлебосольного, любящего общество и умеющего постоять за себя перед людьми. Другой унаследованной чертой был его южно-русский, можно пожалуй сказать, казачий темперамент — пылкий, подвижный и чрезвычайно привлекательный»²⁹. Отметил Виноградов и влияния, воспринятые Ковалевским и в значительной мере определившие направление его научной деятельности. Прежде всего это позитивизм, «который приобрел для него силу господствующего миропонимания»³⁰. В Ковалевском Виноградов усматривал «глубоко заложенное позитивное мировоззрение»³¹. Вторым по значимости было влияние К. Маркса. «Ковалевский как-то говорил мне, — вспоминал Виноградов, — что из всех политических мыслителей, каких ему приходилось когда-либо встречать, Маркс произвел на него самое значительное впечатление по силе и смелости ума. Максим Максимович был чужд воинствующему социализму, но он сочувствовал расширению прав и интересов рабочего класса и оставался верен общей тенденции исторического материализма, прошедшего от Маркса: в первой линии он изучает столкновения и взаимодействия экономических сил и интересов; течение *идей* рассматривалось им как существенный, но производный процесс»³². Однако, как замечал в итоге Виноградов, последователем экономического материализма Ковалевский все же не стал. Другой существенный аспект исследовательского подхода Ковалевского — это использование сравнительно-исторического метода, почерпнутого из произведений Г. Мэна. «Эти работы, — уточнял Виноградов, — привлекли внимание нашего ученого, как образцы конкретного изучения фактов, сведенных к общим выводам при

помощи сравнения. Как известно, этот прием стал для Ковалевского любимым орудием изыскания»³³. Указанные Виноградовым концепции, усвоенные Ковалевским, можно с некоторыми оговорками отнести и к самому Виноградову. Здесь четко обозначается общность концептуально-методологической базы обоих ученых: позитивизм, анализ экономических отношений и сравнительно-исторический метод. Близость усиливается и общностью исследовательских тем: история средневековья, прежде всего английского, внимание к правовым и экономическим сторонам исторического процесса, тяготение к построениям социологического характера. Последнее в меньшей степени обнаруживается у Виноградова и, напротив, выходит на первый план у Ковалевского. Социологическую направленность исследований Ковалевского Виноградов подчеркивал особо. По его словам, «кропотливая работа, точная до мелочей, была несвойственна нашему ученому, стремившемуся скорее к широким обзорам и обобщениям социологического характера»³⁴. «Как бы там ни было, — заключал Виноградов в конце некролога, — Ковалевский был именно социологом по преимуществу, историком же и юристом лишь потому, что история и наука права необходимы для социологии. Этой ориентацией его мысли объясняются многие особенности его работ. Он высоко ценил знакомство с первоисточниками, но уступал заботу об «источниковедении» историкам по специальности. Он дорожил своей юридической подготовкой, поскольку она приучила его к формулированию положений и к анализу общественных комбинаций, но он не проявлял ни малейшего интереса к отвлеченной диалектике и к подчинению материала юридическим конструкциям»³⁵.

Противоречивое отношение Виноградова к социологии — декларируемый отказ от социологических обобщений при частом использовании социологических методов и подходов — еще не дает достаточного основания для противопоставления двух историков. Различие проходит в другой плоскости. В каком-то смысле прав был Е.А. Косминский, писавший, что «Виноградов уступает Ковалевскому в литературном даре и превосходит его как ученый»³⁶.

Еще одной чертой, характеризующей как взаимоотношения двух ученых, так и личность Виноградова может служить то обстоятельство, что вскоре после увольнения М.М. Ковалевского из Московского университета, Виноградов объявил на юридическом факультете необязательный курс по истории государственного права, который намеревался читать на той же

кафедре, на которой работал М.М. Ковалевский. Первую лекцию он начал с похвального слова М.М. Ковалевскому и разрабатываемого им направлению. Подобная апология опального профессора требовала, несомненно, определенной смелости, а демонстративная солидарность со взглядами М.М. Ковалевского и фактическая попытка продолжить его дело, выглядели явной оппозицией режиму. Впрочем, Виноградов никогда не скрывал своих убеждений, хотя и не превращал занятия в их пропаганду.

В 1891 г. для продолжения занятий по английской социальной истории Виноградов совершил поездку во Францию и Англию. И тогда же по приглашению Оксфордского университета он прочитал так называемый «Ильчестерский курс» из шести лекций «Славянофильство и его влияние на русскую культуру». «Прямая цель моего путешествия, – писал Виноградов В.И. Герье 6 апреля 1891 г. с французского побережья об обстоятельствах своей работы над лекциями, – несколько отдалилась вследствие приглашения из Оксфорда прочесть 6 лекций о славянофилах и западниках. Не буду распространяться насчет трудности темы, для меня в особенности. Я принял и теперь погружен в изучение Самарина и Аксаковых. Лучше было бы делать это в Москве – скажете Вы. Может быть, только в Москве трудно найти для чего-нибудь время. А здесь в виду моря, среди экзотической растительности, работаете отлично. Читать придется в мае, и к этому времени я переправлюсь в Оксфорд»³⁷. «Цель В., – писал ученый о своих лекциях, – заключалась в том, чтобы показать своим английским слушателям, что славянофильство – плод романтического понимания истории и результат реакции против рационализма и революции»³⁸. Присутствовавший на лекциях Фишер позднее следующим образом передавал свое впечатление: «Он читал в одной из аудиторий Тейлоровского института для немногочисленного и разнообразного общества, которое собиралось в послеобеденный час для того, чтобы послушать выдающихся иностранных ученых. Это были одни из наиболее блестяще построенных и производящих сильное впечатление лекций, которые я когда-либо слышал и некоторые его фразы навсегда врезались в память»³⁹. И в последующие годы, отмечал тот же мемуарист, Виноградов неизменно демонстрировал уважительное отношение к славянофилам, несмотря на то, что сам, безусловно, принадлежал к противоположному направлению. По возвращении в Москву Виноградов выступил с публичной лекцией на ту же тему, опубликовав ее в 1892 г.

в «Вопросах философии и психологии». Для изучения древнескандинавского права в 1895 г. Виноградов посетил Норвегию.

Исторические исследования Виноградова были высоко оценены современниками и еще при жизни ученого были признаны классическими. Как отмечает Л.С. Моисеенкова, «труды историка в большинстве своем отличались ярко выраженным новаторством, а целый ряд их выводов и обобщений носили характер научных открытий»⁴⁰. «В целом историческая концепция, созданная П.Г. Виноградовым, – продолжает она, – обеспечила приоритет русской науки в исследовании целого ряда важнейших проблем истории английского средневековья и ознаменовала собой высший взлет в развитии отечественной историографии конца XIX – начала XX в. Сохраняет она свой авторитет и в наши дни»⁴¹.

Ряд открытий Виноградова стали эпохальными в изучении английского средневековья. Так в Public Record Office он нашел рукопись сотенных списков графства Уорвик датированную 1279–1280 гг., а вскоре в Британском музее он обнаружил сборник протоколов XIII в., составленный для знаменитого юриста того времени Генриха Брактона с его собственными пометками. Этот сборник послужил основанием для Note-book («Записной книжки») Г. Брактона. В номере «Athenaeum» от 14 июля 1884 г. Виноградов сообщил о своей находке и подчеркнул ценность рукописи для науки. Выдающийся знаток английского права Ф. Мэйтланд писал о находке молодого историка: «Этот русский ученый, в течение нескольких недель больше узнал относительно текста Брактона, чем кто-либо из англичан со времени смерти Сельдена»⁴². Роль Виноградова в развитии науки в Великобритании английский историк Ф.М. Поуик сравнивал с ролью итальянского юриста Вакарису, который, прибыв в XI в. в Оксфорд, положил начало преподаванию в Англии гражданского права⁴³. Современные издания Британской энциклопедии до сих пор включают статьи, написанные Виноградовым. Открытия Виноградова в английских архивах и созданная с их использованием концепция, позволили М.М. Ковалевскому вписать русского ученого в генеалогию британской медиэвистики. «Таким образом, можно сказать, – отмечал он, – что Виноградов до некоторой степени продолжал путь научной разработки английского common law, т. е. общего и земского права Англии. Недаром же Метланд шутя называл его если не отцом, то дедом долгое время заброшенных в Англии «юридических древностей»»⁴⁴.

В качестве итоговой оценки работ Виноградова по ис-

тории английского средневековья сошлусь также на мнение Е.А. Косминского. «Аграрная история Англии и особенно проблема свободной общины и крепостного поместья были излюбленными темами Виноградова; работая над ними, он добился заслуженной славы одного из первых, если не первого медиевиста своего времени»⁴⁵. Историограф также отмечал сильные и слабые стороны исследовательского подхода ученого. «Сила Виноградова, — писал он, — заключается в строгости и точности его исследовательского метода. Прошедший строгую историческую школу в семинариях Моммзена и Бруннера, Виноградов основывает свои выводы на глубоком изучении источников, привлекает горы архивного материала. Слабой стороной его исследований было его увлечение юридическим анализом и юридическими построениями, которые иногда заслоняли у него реальные, жизненные отношения. При том, необычайно сильный в анализе, он не был столь же силен в обобщениях. Он никогда не додумывал их до конца и в нерешительности останавливался на полдороге»⁴⁶.

Во время поездки в Скандинавию для изучения норвежского права Виноградов познакомился с очень красивой и состоятельной норвежкой, как говорили, вдовой датского банкира, на которой женился 29 мая 1897 г. Отец Луизы, так звали избранницу Виноградова, происходил из аристократического норвежского рода, а мать была англичанкой. От первого брака Луиза имела дочь Мэри, в 1898 г. она родила дочь Елену, а в 1901 г. сына Игоря. О красоте супруги Павла Гавриловича сохранились многочисленные упоминания. Работавший у Виноградова секретарем М.О. Гершензон признавался в письме к брату, что «мне Виногр[адова], знатная иностранка (она, между прочим, очень красива и грациозна)»⁴⁷. После свадьбы Виноградов переехал на новую квартиру. Большинство мемуаристов с теплотой вспоминают прежнее жилище профессора — небольшой одноэтажный деревянный флигель с полусгнившей верандой, в Мертвом переулке на Арбате, рядом с церковью Успения на Могильницах. Дом принадлежал священнику Словцову, служившему в этой церкви. Семья Виноградова снимала эту квартиру в течении многих лет. Один из учеников Виноградова, впоследствии крупный историк, академик М.М. Богословский застал здесь еще отца Павла Гавриловича, тайного советника, «высокого представительного старика в пенсне»⁴⁸. В доме священника Словцова Виноградов жил вместе с матерью, братом и четырьмя сестрами (всего у родителей Виноградова было десять детей). Небольшая комната служила ученому и кабинетом, и

спальной. Здесь он принимал учеников, в столовой соби-
рался кружок московских историков, а иногда и знаменитый «виногра-
довский семинарий». Новым местом жительства Виноградова
стала просторная квартира на четвертом этаже в доме графа
Шереметьева в Шереметьевском переулке; в доме с «подъём-
ной машиной», как пояснял Павел Гаврилович, желая сгладить
несоответствие, с его точки зрения, занимаемого им положе-
ния и высоты этажа.

Одновременно с научной Виноградов все больше време-
ни стал уделять общественной деятельности. Так в 1897 г. он
был избран гласным Московской думы, а с 1898 г. председа-
тельствовал в Училищной комиссии, уделяя основное внима-
ние реформе среднего образования. Работа по обновлению
«средней школы, которая, — пояснял Виноградов, — по-види-
мому, началась в главных чертах в смысле не только разрыва
с схоластичностью и бюрократизмом, но и созидательных по-
пыток провести в среднее образование дух научности и конк-
ретное художественное восприятие, призвать учащихся и об-
щество к самостоятельности в школьной жизни, расширить
социальные основания и социальные стремления школы»⁴⁹.
С той же целью он входил в состав комиссии министров на-
родного просвещения Боголепова и Ванновского, а в 1906 г.
был приглашен занять пост министра просвещения в прави-
тельстве П.А. Столыпина, однако отказался. Первоначально
в 1905 г. октябристы А. и Н. Горчаковы, обратились к Виногра-
дову с предложением принять на себя редактирование газеты
этой политической партии, или избираться от октябристов в
Думу, или, если правительство будет сформировано при их
участии, занять министерский пост. Предложение войти в пра-
вительство было повторено Львовым 27 декабря 1906 г. Пе-
ред Виноградовым встал выбор между академической рабо-
той в Оксфорде и административной карьерой в России. По
одной из версий Виноградов не принял предложение П.А. Сто-
лыпина в знак протеста после отказа оставить в Московском
университете его ученика М.О. Гершензона. Виноградов осоз-
навал, что возросшая общественная активность тормозит его
научную работу. В одном из писем в декабре 1899 г. он сооб-
щал, что еженедельно читает в университете шесть лекций, а
также заседает (как председатель или простой член) в шести
комиссиях и общественных организациях. В этой ситуации
возможность плодотворной научной работы он связывал с
поездкой за границу.

Реальным результатом реформаторских усилий Виногра-

дова в сфере среднего образования стал подготовленный для гимназии учебник всеобщей истории (в трех частях), выдержавший двенадцать изданий. Ссоставленная им книга для чтения по истории (в четырех томах) была удостоена Академией наук премии Петра Великого. Для того, чтобы лучше приспособить учебники к нуждам гимназического образования, историк в течение года вел занятия в пятой московской гимназии. Тогда же он принял участие в деятельности созданной по инициативе П.Н. Милюкова Комиссии по организации домашнего чтения, образцом для которой послужили английские University extension. Целью комиссии было составление и распространения программ домашних занятий по различным общеобразовательным предметам, руководство которыми должно было осуществляться по почтовой переписке. Комиссия ставила своей задачей создание своего рода демократического заочного университета. При комиссии было организовано издательское бюро, выпускавшее серию «Библиотека для самообразования». В этой серии вышла работа английского ученого А.В. Дэйси «Основы государственного права Англии» (том XXVI), под редакцией и с предисловием Виноградова. При нем же было учреждено лекционное бюро, которое взяло на себя организацию публичных лекций, в провинциальных городах. Виноградов выступил также инициатором создания при Московском университете Педагогического общества и был его председателем. В 1892 г. Виноградов стал членом-корреспондентом Академии наук в Санкт-Петербурге; в 1913 г. по предложению А.С. Лаппо-Данилевского он был избран сначала в сверхштатные, а в 1915 г. и в ординарные академики по Историко-филологическому отделению.

В 1901 г. из-за конфликта с министром народного просвещения генералом П.С. Ванновским и попечителем учебного округа Виноградов подал в отставку из Московского университета и переехал в Англию. Уходу Виноградова из университета предшествовали студенческие волнения, для выяснения причин которых в университете была создана комиссия. Виноградов был избран ее председателем. «Виноградовская комиссия» – этот первый (и последний) студенческий «парламент» в Московском университете», – вспоминал участник тех событий И. Херасков⁶⁰. Комиссия была образована 28 октября 1901 г. с целью заключить *modus vivendi* между студентами и университетской властью. «Мнение учебного начальства, в лице попечителя, имеет в виду, по собственному выражению «вовлечь профессоров» в устройство студенческих отно-

шений», — так оценивал предназначение комиссии сам Виноградов в письме М.М. Стасюлевичу⁵¹. 29 октября, т. е. на следующий день после учреждения комиссии он упоминал в письме тому же М.М. Стасюлевичу, что «начинается суматоха в университете и других высших заведениях»⁵². Незадолго до того назначенный министром народного просвещения бывший военный министр генерал П.С. Ванновский посетил Московский университет и заседание комиссии, на которой председательствовал Виноградов. Как признавался Виноградов, новый министр и задуманная им реформа университетов «Показались весьма несимпатичными... все это сулит мало хорошего»⁵³. Так оно и было. Недовольство привыкшего к субординации генерала вызвало то, что ректор являлся простым членом комиссии, а не возглавлял ее, о чем он и высказался на заседании. Виноградов, сочтя это заявление обидным для себя, подал в отставку и не изменил своего решения даже после письма министра с уверением его личного уважения. Вот как описывал ситуацию сам Виноградов сразу после произошедших событий: «...я был председателем Комиссии, где 12 профессоров, которая вела это дело при исключительно трудных обстоятельствах. Оно, не может не быть, как все признают, успешным. Однако, министр приехал в Москву специально, чтобы прекратить это на месте... я буду считать себя лично задетым, а положение официального представителя науки в университете для себя невозможным»⁵⁴. Топорность российского руководства и недалекость правительственных чиновников уже в то время сложились в печальную традицию, которая едва ли претерпела сильные изменения поныне. История университетской науки в России знает немало периодов гонений и травли, а имена Магницкого, Рунича, Ширинского-Шихматова, Делянова стали символами государственного попечительства о науке и образовании. Нет нужды перечислять сколько ученых было вынуждено оставить преподавание в России; но наука, вопреки властному надзору, продолжала существовать. Случай с П.С. Ванновским оказался, скорее всего, поводом, подтолкнувшим Виноградова к окончательному решению покинуть университет и не сопротивляться бестолковой политике государства в сфере образования. В одном из писем он признавался, что не собирается дожидаться окончательного разгона университета. Решение же уехать за границу, по мнению М.М. Богословского, было принято «кажется не без влияния жены, не могшей привыкнуть к русским нравам и обычаям»⁵⁵. Мнение жены, впрочем, едва ли сильно противоречило наме-

рениям самого Виноградова. «Виноградову с его взглядами, с его европеизмом было нелегко жить в России», – вспоминал В.А. Маклаков, другой участник «виноградовского семинария»⁵⁶. Трудно сказать, что переживал Виноградов и под давлением каких убеждений он решился на отъезд. Можно предположить, что это решение далось ему, все же, не легко, зная расколотость и противоречивость сознания русских европейцев. А.В. Антощенко считает отъезд Виноградова за границу политическим жестом⁵⁷. Впрочем, сам Виноградов оставлял для себя возможность вернуться в Россию, если правительство изменит свое отношение к университету.

Прояснить позицию Виноградова и отстаиваемые им взгляды в университетском вопросе отчасти может его большая статья «Учебное дело в наших университетах», опубликованная незадолго до отставки в журнале «Вестник Европы». Статья фактически посвящена анализу пагубных последствий университетского устава 1884 г. Реформирование системы высшего образования было предпринято из опасения радикализации интеллигенции и, особенно, молодежи. «Было время, и не так давно, – начинал Виноградов свой экскурс в историю университетского вопроса в России, – когда уважение к культурной роли университетов проникало все образованное общество, когда сравнительно немногочисленная культурная среда смыкалась около университетов в своего рода масонстве, гордом своими особенностями и солидарностью. Но мало-помалу наступил раскол. Передовой класс общества стал дифференцироваться. Среди него появились увлекающиеся, непримиримые, для которых университетский строй казался слишком тесным, слишком правильно организованным, слишком связанным с отвлеченной наукой. В самой университетской молодежи, вследствие вполне естественных свойств возраста и темперамента, эти течения нашли известную почву для деятельности. При этом в пылу споров и столкновений для многих затемнялось первенствующее значение университета, как организованной общественной силы, как проводника знаний и образованности, а временные интересы партий и рискованные соображения политической игры выдвигались на первый план.

Одним словом, и правительство, и общество пришли в замешательство вследствие того усиленного бега вперед, который сделался для России исторической необходимостью: одни стали отставать и тормозить, другие – порываться вразброд, и от этого массового движения прежде всего пострада-

ли университеты, судьба которых связана с движением вперед, но – с движением организованным»⁵⁸.

Причины появления университетского устава 1884 г. были чисто политические: «Университет явился козлом отпущения за грехи всей нашей интеллигенции, за прискорбные инциденты нашего духовного роста. Университетская наука и управление оказались виноваты в том, что в России появились радикальные взгляды и террористические кружки»⁵⁹. «Для того политического исцеления, – продолжал Виноградов, – которое имелось в виду, надо было не реформировать, а уничтожить университеты. На это не решились, вероятно, по педагогическим соображениям. Но в таком случае новый устав, как мера политическая, оказывался недостаточным или ненужным»⁶⁰. Вместе с этим новый устав был направлен против университетской самостоятельности и самоуправления; «реформа 1884 была принята, как выражение недоверия к добродетельности и благонадежности профессорских коллегий»⁶¹. Министр И.Д. Делянов пытался подменить и цель университетского образования: культивирование исследовательского духа при широкой системе знаний заменить овладением утилитарными дисциплинами. Одновременно реформа проводила масштабную бюрократизацию университетов. Развитие университетского образования виделось Виноградову совершенно в ином направлении. Согласно его точке зрения, «правильное и прочное решение университетского вопроса должно совершиться в смысле развития его просветительских задач и самостоятельности, и в то же время – укрепления его внутренней организации»⁶². «Нечего и говорить о том, – пояснял взгляды своего учителя А.А. Кизеветтер, – что в делах университетского самоуправления он играл выдающуюся роль, являясь стойким сторонником университетской автономии»⁶³. Образцом системы высшего образования ученый считал английские университеты, с их автономными правами, корпоративным духом и консервативной атмосферой. «Высшее образование еще в большей степени нежели среднее, зависит от самостоятельной инициативы общественных сил. Достаточно сказать, что университеты Великобритании свободны от всякой административной опеки государства... Университеты представляют своего рода федеративные республики, состоящие под покровительством национального правительства. Это одна из причин их глубокого консерватизма»⁶⁴. Однако деятельность правительства в университетском вопросе не только не устраняла негативные результаты университетской реформы, но лишь обостряла и

без того доведенные до крайности противоречия. То, на что не решился в 1884 г. И.Д. Делянов – разгон университетов – рано или поздно должно было произойти. Последние события, считал Виноградов, говорят о том, что это случится скорее рано, чем поздно.

Еще только ожидая введение нового устава, Виноградов писал из Оксфорда В.И. Герье 17 мая 1884 г. о том впечатлении, которое на него производят известия из России: «...общее впечатление – удручающее. Точно будто сперлась толпа в тесной комнате без выхода, и с каждой минутой атмосфера становится все удушливее, и не видно, как и когда откроется окно и потянет свежим воздухом»⁶⁵. Через семнадцать лет Виноградов решил радикально избавиться от кошмарного наваждения.

Однако надо признать, что обстоятельства отставки Виноградова до сих пор до конца не ясны; те свидетельства, которые до нас дошли, раскрывают скорее настроения и мотивы, которыми руководствовался ученый, но не факты. Не лишены разночтений и описания отъезда Виноградова. Сошлюсь на любопытное свидетельство С.П. Мельгунова, заранее оговорив, что оценки и образы, оставленные им в своих «Воспоминаниях» расходятся с восприятием большинства других мемуаристов. Возможно, это проистекает от того, что П.С. Мельгунов уже в университетские годы ощущал себя больше публицистом, чем ученым-историком. Он отмечает у своих университетских учителей прежде всего те стороны, которые характеризуют их как живых людей, личностей со своими привязанностями, переживаниями, общим мироощущением и т. п., и лишь затем уже обладающими политическими предпочтениями, практическими интересами, научными точками зрения. Отсюда и в Виноградове он усматривал способности обижаться, горевать, плакать – что не замечали «прямые» ученики историка, видевшие в нем прежде всего строгого профессора, маститого ученого. Итак, вот, что писал С.П. Мельгунов об оставлении Виноградовым Московского университета и последовавшем вскоре отъезде за границу: «Виноградов счел себя оскорбленным, как председатель Комиссии, которому были даны правительством известные гарантии и затем нарушены. Я был в числе делегации, направленной студентами к Виноградову. Помню, что на меня произвел сильное впечатление прием, оказанный Виноградовым. Этот холодный, как мне всегда казалось, человек плакал настоящими слезами. Как-то было не по себе видеть в таком положении человека, держав-

шего себя всегда с олимпийским видом великого ученого, свысока разговаривавшего со студентами и в сущности так же державшего себя на семинариях. Очевидно, Виноградову действительно тяжело было уезжать из России, оставлять Московский университет, с которым он связан был столькими узами. Виноградову устроили затем шумные проводы на вокзале. Студентов было не так уже много, но зато собралось много его учеников – московских преподавателей. И так странно после всего этого читать, что Виноградов натурализовался в Англии и сделался сэр баронет Виноградов. Любопытно, что и в университете ему был приписан баронетский титул: среди студентов он не иначе именовался, как йоркширский баронет, впрочем, без той злости, которая может вытекать из сочетания этих слов»⁶⁶.

Отъезд, состоявшийся в конце 1901 г., «произошел весьма торжественно и имел характер грандиозной овации Павлу Гавриловичу»⁶⁷. Московский обер-полицмейстер, опасаясь массовых выступлений студентов, предложил Виноградову тайно уехать из Москвы по Брестской дороге не с курьерским поездом, как предполагалось, а с особым экстренным, и уже в Можайске пересесть в курьерский. Возмущенный таким предложением Павел Гаврилович ответил: «Передайте генералу, что меня из Москвы не высылают, а я уезжаю сам и поеду с курьерским поездом»⁶⁸. М.М. Богословский описывает, что вся платформа Брестского вокзала была заполнена студентами, провожавшими любимого профессора. Жене Виноградова был преподнесен роскошный букет, а ему самому прочитан адрес от учеников, который подписали более полутора тысяч студентов и преподавателей. С площадки вагона Виноградов обратился к студентам с ответной речью, наставляя их продолжить обучение и заявляя, что в науке – сила. Немногословный на этот раз В.О. Ключевский в телеграфной манере записал в своем дневнике под 20–21 декабря впечатление от прощания с Виноградовым. «Письмо ему от комиссии и его прощальный визит ко мне: “Надеюсь, воротитесь к нам, прежде чем нас уберут с поля сражения”. Отъезд и сцены на вокзале: “До свидания, возвращайтесь!” – “Не надо, не надо”; рыдающий на груди [Герье?]»⁶⁹.

Сейчас, наверное, трудно представить подобные масштабные проводы профессора. И дело здесь не в том, что студент стал другим или, возможно, профессора измелывали и давно уже не подходят на роль властителей дум молодежи. Все это в общем-то понятно и объяснимо произошедшими из-

менениями в культуре. Поражает театральность проводов Виноградова, торжественность обстановки, осознание значительности происходящего (студенты зачитывают адрес, Виноградов с серьезным видом его выслушивает), патетика в общем-то банального выступления Виноградова с площадки вагона, как со сцены. Во всем облике Виноградова проглядывает поза серьезного, до крайности обеспокоенного сохранением своего достоинства человека. Уход его из университета, вероятно, был продиктован той же позой. На протяжении нескольких десятилетий Виноградов методично формировал этот образ серьезного человека и основательного ученого. «Виноградов был исследователем чрезвычайно аккуратным и осторожным», – со знанием дела констатировала Е.В. Гутнова⁷⁰. Словно самопризнание звучит оставленная им в письме фраза: «...надо прежде всего быть основательным»⁷¹. В мемуарах почти не упоминается о его шутках, забавах или даже чудачествах⁷². Его сложно представить в веселой компании или поступающим спонтанно. Даже увлечение Виноградова – шахматы (а он, по воспоминаниям современников, был выдающимся шахматистом) – играет на тот же имидж серьезности. Его старшие коллеги по историко-филологическому факультету были куда более колоритны. Это особенно контрастно заметно в тех мемуарах, где вместе с Виноградовым рассказывается, например, об ироничном и лукавом любителе рыбалки В.О. Ключевском или о стариковских чудачествах В.И. Герье. Однако поведение Виноградова все-таки не исключение, а следование артистическому духу «серебрянного века». Он серьезен до театральности.

Первым пристанищем добровольного изгнанника и его семьи стали Канны. «Я здесь свободнее. Думаю пробыть в Канне до мая», – писал он вскоре после прибытия М.М. Стасюлевичу⁷³. Еще до отъезда Виноградов пытался напечатать в «Вестнике Европы» свою статью «Школа на Скандинавском севере и борьба за нее». Оказавшись за границей, он возобновил переговоры со М.М. Стасюлевичем о ее публикации. Удаленный от дел, Виноградов оставлял за собой право словом отстаивать свою позицию: «...хотелось бы, чтобы она появилась до окончания работы Комиссии, хотя, конечно, влияния на эти работы она не окажет никакого. Но она будет своего рода загробным гласом, на который, быть может, кто-нибудь и обратит внимание в обществе, если не в министерстве»⁷⁴. Позиция стороннего наблюдателя лишь усиливала чувство безысходности от происходящих в России событий. В письмах

ученого о России звучит не ностальгия, а, скорее, печаль и горечь. «Могу себе представить, – признавался он в письме 26 февраля 1902 г., – каково Вам в России, когда меня здесь пробирает лихорадка при чтении отрывочных и искаженных известий из России. Кончится день приходится повторять – доколи Господи»⁷⁵.

После Канн Виноградовы перебрались в Англию и поселились в Tunbridge Wells. Скорая отставка и спешный отъезд из России не позволили ученому самому оформить пенсию, он успел лишь подать в министерство соответствующее прошение. Как проработавший в Московском университете более двадцати пяти лет (точнее, двадцать шесть), Виноградов мог рассчитывать на получение полной пенсии. Однако в министерстве народного просвещения дело затормозилось, и Виноградов вынужден был обратиться к Э.Л. Радлову с просьбой хлопотать о его разрешении. Лишь через два года стараниями Э.Л. Радлова Виноградову была начислена половинная пенсия.

В 1902 г. Виноградов был произведен в почетные доктора Оксфордского университета, а в следующем году возглавил кафедру сравнительного правоведения. Переезд в Англию был обусловлен не только спецификой виноградовских исследований или известностью московского профессора среди английских ученых, но и задолго до того проявившейся симпатией Виноградова к историческому и социальному пути развития Англии, воспринимаемого им в качестве образца. Л.С. Моисеенкова рассматривает Виноградова как представителя «англофильского либерально-реформистского направления»⁷⁶. Культурное и научно-просветительское англофильство историка укреплялось симпатиями к британскому политическому устройству, для которого характерна связь современного государственного строя с «историческими началами»⁷⁷, а также преобладание начала «правового порядка или господства права»⁷⁸. После смерти М.М. Ковалевского в 1916 г. Виноградов возглавил Англо-русское общество. Получив приглашение из Оксфордского университета, Виноградов письмом от 23 декабря 1903 г. уведомил об этом В.И. Герье: «Считаю долгом сообщить Вам о важном повороте в моей судьбе. Вчера юридический факультет Оксфордского университета избрал меня на освободившуюся кафедру сравнительной истории права (Corpus Professorship of Comparative jurisprudence) основанную для Генри Мэна и занимавшуюся до сих пор сэром Фредериком Поллоком. Я не считаю возможным отказаться от этого един-

ственного по своей почетности избрания. Русские дела идут так, что пропадает всякая разумная надежда на то упорядочение положения в университете, которое сделало бы для меня возможным вернуться в Москву. Два года сидел у моря и ждал погоды, а погода становится лишь все ужаснее. Пора решиться на что-нибудь. Не без боли отказываюсь от мысли опять действовать в Москве среди товарищей, из которых многие показали мне искреннее сочувствие и дружбу, и для слушателей, с которыми образовались такие превосходные отношения. Остается сосредоточиться на научной деятельности, которая нашла себе такое блестящее признание. Профессор сравнительного правоведения замещается на 5 лет – по истечении этого срока будет видно, что следует дальше делать. Во всяком случае прошу Вас сообщить об этом событии моим бывшим товарищам и передать им от меня привет и благодарность за добрую память и благосклонное сочувствие»⁷⁹.

Еще дважды, в осенних семестрах 1908 и 1910 гг., Виноградов в качестве сверхштатного (приглашенного) профессора читал лекции по историческому правоведению и социальной истории средневековой Англии и вел в Московском университете семинары по Кодексу Феодосия и рецепции римского права на Западе. В эти же годы к Виноградову пришла и заслуженная мировая известность. В 1917 г. он был возведен английским королем в рыцари. По приглашению многих университетов он читал лекции не только в Великобритании, например, в Лондоне в 1909 г., или английских колониях, в частности, в Калькутте в 1914 г., но и в различных университетах США, Норвегии, Швеции, Голландии, Бельгии, Франции. Виноградов был избран почетным доктором Оксфордского, Кембриджского, Ливерпульского, Дергамского университетов в Англии, Гарвардского университета в Америке, Калькуттского университета в Индии, Берлинского университета в Германии. Британская академия наук приняла Виноградова в свои действительные члены, а Берлинская академия в члены-корреспонденты. Известность ученого, его авторитет в научных кругах, а также усилившийся за границей его собственный интерес к России стимулировали ответный интерес со стороны англичан к России, русской истории и культуре. Т.М. Макогонова, разбиравшая архивные материалы одного из учеников Виноградова М.О. Гершензона, приводит интересное свидетельство известного английского журналиста и переводчика Г.В. Вильямса. «Он, – пишет исследовательница о письмах Г.В. Вильямса к М.О. Гершензону, – рассказывает о той роли,

какую сыграл авторитет П.Г. Виноградова в серьезном изучении России, о том, что почти все британские университеты ввели курс изучения русского языка и культуры. Учебники издавались во множестве и Вильямс мог заключить "Виноградов приехал, по-видимому, с большими планами" (30.25, л. 14)»⁸⁰.

Находясь за границей, Виноградов всячески поддерживал международные начинания Императорской Академии наук, способствовал публикации работ русских ученых в иностранных изданиях, в том числе и А.С. Лаппо-Данилевского, фактически руководившего работой Историко-филологического отделения. Деятельность Виноградова и А.С. Лаппо-Данилевского пересекалась в работе Международного союза академий, а также в работе международных исторических съездов, один из которых (1918 г.) планировалось провести в Санкт-Петербурге. Мировая война и революция в России не позволили реализоваться этому начинанию историков. По этим же причинам не состоялось и возвращение Виноградова в Россию, которое, вероятно, готовил А.С. Лаппо-Данилевский. Избрание Виноградова в 1915 г. в ординарные академики должно было послужить поводом к возвращению. Рассматривавший взаимоотношения двух историков Е.А. Ростовцев писал об этом: «По-видимому, избрание П.Г. Виноградова в сверхштатные члены было для А.С. Лаппо-Данилевского лишь этапом на пути введения своего кандидата в состав действительных членов Отделения. С образованием новых кафедр в составе ИФО А.С. Лаппо-Данилевский решительно настаивал на кандидатуре П.Г. Виноградова. Вероятно, и в этот раз ему пришлось преодолеть возражения своих коллег. В октябре 1915 г. П.Г. Виноградов замечал в письме А.С. Лаппо-Данилевскому: "Очень жаль, что моя кандидатура приносит Вам столько хлопот, во всяком случае, примите мою искреннюю благодарность за настойчивую поддержку... В случае моего избрания в штатные члены Академии, я буду смотреть на это положение как на главное, к которому все остальное придется приспособить". Однако, когда все препятствия удалось преодолеть и в конце 1915 г. П.Г. Виноградов был избран ординарным академиком, условия военного времени помешали ученому вернуться на родину, впрочем, как отмечено выше, в это время П.Г. Виноградов как бы являлся представителем интересов Российской Академии в союзнической Великобритании»⁸¹.

В 1915 г. Виноградов занял пост почетного секретаря фонда помощи русским узникам войны. Фонд занимался поставками продовольствия в тринадцать лагерей военнопленных.

После Октябрьской революции (в январе 1918 г.) Виноградов принял британское подданство и присоединился к антибольшевистской деятельности Комитета освобождения России. В эти годы ученый сотрудничал с журналом «Народоправство», публиковал в английских изданиях много статей, в которых критиковал политику Антанты в отношении России за непонимание исторической роли России, игнорирование ее исторических интересов. В 1919 г. под его редакцией и с его статьей в Оксфорде вышел сборник «The Reconstruction of Russia». Приводимая Виноградовым в статьях аргументация отчасти переключается с идеями русских консерваторов второй половины XIX в. «П.Г. Виноградов писал, как русский патриот, но не как “белый”... П.Г. Виноградов ненавидел большевиков всей душой, как патриот и как ученый. Как патриот, он видел в них разрушителей родины; как ученый, он усматривал в большевизме новую инквизицию, установившую господство одной доктрины с помощью террора», – делился наблюдениями Дионео (И.В. Шкловский)⁸². При этом Виноградов оставался русским европейцем, приверженцем широких культурных взглядов, отвергающим национальный культурно-исторический изоляционизм. «Человек, – писал тот же мемуарист, – сохранивший до конца жизни наружность костромича, был не только большой ученый, но еще и в роде в лучшем смысле слова»⁸³. В 1921 г. Виноградов принял участие в создании Международного комитета помощи русским ученым за границей.

13 июня 1925 г. на одном из торжественных обедов Виноградов обратился с благодарственной речью к представителям Оксфордского университета и приютившей его Великобритании. В ней он, в частности, высказал пожелание, чтобы на его могиле была помещена эпитафия: «*Hospitae Britanniae Gratus advena*» (Гостеприимной Британии благодарный пришелец). Осенью того же года ученый приехал в Париж, где 28 ноября в Сорбонне ему вручили степень *Doctor Honoris causa*, рассчитывая зиму провести в Риме для изучения канонического права. На посвященном этому событию торжественном приеме Виноградов простудился и через три недели в ночь на 20 декабря 1925 г. скончался в Париже⁸⁴. Прощание с Виноградовым и отпевание состоялось в русской церкви в Париже. После кремации его прах был доставлен для захоронения в Оксфорд. «Он успел совершить свое дело и умер в апогее славы, среди триумфа», – констатировал В. Бузескул⁸⁵. Таков жизненный путь и внешняя сторона научной биографии Виноградова.

Представление о Виноградове как о человеке будет неполным, если не упомянуть о его внешности. Мемуаристы единодушно указывают на строгость и даже суровость его фигуры, нахмуренные брови при чтении лекций, серьезность и продуманность всех движений и речей. Все это, по впечатлению В.И. Печеты, придавало Виноградову недоступный внешний вид. Большинство воспоминаний запечатлели образ молодого еще преподавателя. «В небольшую аудиторию, “Словесную внизу”, вошел совсем молодой еще тогда человек очень высокого роста в новом синем форменном фраке с очень открытым жилетом, с зачесанными сверху светло-русыми волосами, в пенсне на шнурке, заложенном через ухо», — передавал М.М. Богословский свое впечатление от первого появления Виноградова в аудитории осенью 1886 г. для чтения лекций по греческой истории⁸⁶. Таким же запомнился Виноградов и А.А. Кизеветтеру: «Тогда это был стройный, красивый, молодой профессор, являвшийся на кафедру не иначе, как в черном фраке и белом галстуке»⁸⁷. К более позднему времени относится описание Дионео. Инициатором встречи, состоявшейся в 1902 г. в маленьком ресторане близ Британского музея, выступил один из учеников Виноградова — М.М. Хвостов. «Я увидел широкоплечего, — вспоминал Дионео, — несколько грузного, слегка сутулого человека с подстриженной рыжей бородой. Лицо, на котором лежало выражение человека, точно знающего себе цену и желающего, чтобы и другие знали ее, было типичное профессорское; но в то же время и в нем, и в его фигуре, и толстой золотой цепи со многими брелоками было нечто, очень многое от родной Костромской губернии»⁸⁸. При следующей встрече, состоявшейся через пятнадцать лет, тот же мемуарист заметил, что Виноградов несколько не изменился, только поседел немного. «Виноградов высокий и массивный», — так описывает его облик в оксфордский период Фишер⁸⁹.

Типичный образ русского европейца в своих воспоминаниях сохранил М.М. Богословский, подробно описавший манеры и не лишенное щегольства и тщеславия поведение Виноградова. «В московском обществе, — писал М.М. Богословский, — он и по образу мыслей, и по изящной манере себя держать, и по внешнему облику был европейцем. Он стоял на высоте западно-европейской науки, держался либерально-конституционных взглядов, много путешествовал, прекрасно говорил на нескольких европейских языках, притом усвоение новых языков, которых он не знал ранее, напр[имер] норвежс-

кого, давалось ему необыкновенно легко. Европейскую куртуазность он вносил в приемы обращения с людьми, с которыми встречался, что не мешало ему, однако, у себя в кабинете с добродушнейшим смехом откинуться на спинку кресла и совершенно по-русски потягиваться, заложив руки за голову. Он выглядел европейцем, в особенности среди московской профессуры того времени: был очень корректно одет в костюм, иногда заграничного покроя, не совсем обычный для московской публики. Если был в пижаме, то из кармана на левой стороне виднелся по-модному кончик белого платка; носил лайковые перчатки, но снимал перчатку с левой руки, словом, внешний вид его имел все признаки хорошего тона»⁹⁰. Внешний вид и манеры Виноградова в определенном смысле отражали его ученые занятия. Конечно, он не стал феодалом или британоподобным законником. Однако, по словам Ф.И. Успенского, «его занятия и симпатии приняли бесспорный уклон к Западу»⁹¹. После свадьбы недоступность Павла Гавриловича стала уже признаком внутреннего состояния, а не только напускной внешней строгостью. Переезд на новую квартиру лишь метонимически обозначил эту усиливавшуюся отстраненность, завершившуюся вскоре буквальным и полным удалением от отечества. Простота в жизни и в поведении сменилась условностями в общении и стремлением войти в круг московского высшего общества. Часто ходивший пешком или ездивший на простом извозчике, Виноградов теперь «для выездов завел себе постоянного извозчика, имевшего кучерский вид»⁹². Появился у Виноградова и личный секретарь. «Он очень симпатичный человек, очень простой и деликатный», — опровергал М.М. Богословского тот самый секретарь⁹³. «При всей своей учености и серьезности, — с сожалением отмечал М.М. Богословский, — П[авел] Г[аврилович] был не чужд этого стремления к внешнему блеску и аристократизму, и это было напрасно, это была слабая сторона его натуры. Он был настоящий аристократ ума и мысли, крупнейший и виднейший ученый, высоко образованный и благородный человек, но этого ему было недостаточно»⁹⁴.

А.А. Кизеветтер в небольшом мемуарном очерке зафиксировал ту же черту. «Были у него, — писал историк, — конечно, свои слабости. Из них всего более бросалось в глаза некоторая заносчивость, некоторая склонность задать тон, поважничать»⁹⁵. Однако ученики, как отмечал А.А. Кизеветтер, принимая навязываемые Виноградовым правила поведения, сосредоточивались на той научной работе, которую так умело

мог направить их руководитель. «Все эти ученики только посмеивались добродушно над его "генеральством", не чувствуя от этого его свойства никаких уколов своему достоинству. Все дело было в том, что "важность" Павла Гавриловича чисто внешней коркой прилеплена была к его личности и нисколько не связывалась с подлинным внутренним существом его»⁹⁶. Иначе ученому вряд ли бы удалось удержать учеников и создать свою «школу».

Случай напускного европеизма, не удержавшегося в русской атмосфере, описывает М.О. Гершензон. Осенью 1908 г. Виноградов читал лекции в Московском университете. В один из октябрьских субботних вечеров Виноградовы принимали приглашенных гостей (московских коллег и учеников историка). «Великолепно сервированный стол, царственная хозяйка, тонко муштрованная прислуга — и все же Россия одержала верх над Европой: через полчаса все приняло простой, демократический вид, и чинность исчезла, так что, когда потом перешли в кабинет и принялись, стоя и сидя, за вино, была просто веселая толчея»⁹⁷.

Приведу еще одну портретную (в широком смысле) зарисовку Виноградова, оставленную В.А. Маклаковым, интересную тем, что мемуарист, обозначая различные стороны личности ученого, создает довольно цельный и живой образ ученого: «В личности Виноградова было мало загадочного; он просто был очень даровитый, нормальный человек, с детских лет превосходно воспитанный, разносторонне и широко образованный, европеец в лучшем смысле этого слова, более европеец, чем многие представители Запада, которым уже успела приесться культура Европы. Крупного, сильного сложения, на редкость здоровый (он не знал, что такое головная боль, даже если был болен), неутомимый в работе, он поражал глубиной и главной отчетливостью всех своих знаний, разнообразием интересов и вкусов. Казалось все ему давалось легко и было доступно; он был не только ученый историк и социолог; он обо всем имел определенное точное представление; знал превосходно европейскую литературу, любил и хорошо понимал музыку и другие искусства; был даже шахматистом, игроком первой категории в московском шахматном клубе. Раз зашла речь о флоте; он перечислил на память все наши боевые суда, с точным указанием водоизмещения каждого (правда у него был брат моряк). Его обширные знания, которые он всегда носил при себе, давали ему в себе большую уверенность; она сказывалась в его тоне, важном, несколь-

ко торжественном, которым он высказывал всегда категорические утверждения, не колебания или сомнения. Это был спокойный, даже несколько равнодушный человек, которому все происходящее казалось логично и ясно. Ничто не могло вывести его из душевного равновесия; оттого он сохранил и способность смеяться таким заразительным, детским смехом»⁹⁸.

Научная биография Виноградова, как видно, распадается на два периода: московский и оксфордский. Виноградов как бы предвосхищает судьбу многих русских ученых и мыслителей, вынужденно оказавшихся в XX в. в эмиграции. В зависимости от периодов различается и сфера научных интересов Виноградова: в Московском университете он занимал кафедру всеобщей истории, в Оксфорде – сравнительного правоведения. Хотя преемственность в его исследованиях в московский и оксфордский период, несомненно, была. «Как и многие другие, и я начал с изучения политического строя, но затем незаметно был приведен к исследованиям по правовой и социальной истории», – признавался он английским слушателям 1 марта 1904 г. во вступительной лекции в Оксфордском университете⁹⁹. Характеристики, даваемые Виноградовым своему предшественнику по кафедре сравнительного правоведения Г. Мэну, могут быть отнесены и к нему самому. «Предметом его исторических исследований, – писал ученый, – было не столько решение детальных вопросов, сколько проложение дороги для общего обзора правовой эволюции»¹⁰⁰. Специальные исследования Виноградова по средневековой истории, прежде всего его фундаментальные работы по генезису феодализма, строились не только на изучении фактического материала, но и предполагали восстановление более широкого контекста правовых, экономических и социальных отношений, в которые исторические факты были включены, а также непосредственно ставили ученого перед вопросом об общих закономерностях и развитии этих отношений. Так исследования Виноградова неизбежно выводили его на новый теоретический уровень, побуждая осмысливать проблемы происхождения общества, его эволюции и смерти, норм и правил общественного устройства, взаимосвязей общества с личностью и внешней средой. С другой стороны, логика научных исследований и философские предпочтения эпохи заставляли смотреть на историю как на область строго научной деятельности и стимулировали разработку методологической стороны историографии. Интерес к теории и методологии исторического исследо-

вания обозначился у Виноградова еще в студенческие годы. «Наши разговоры, – вспоминал Н.И. Кареев о встречах и беседах в доме Виноградова, – чаще всего касались общих теоретических вопросов исторической науки, которыми я тогда особенно интересовался и по которым у него были свои определенные взгляды»¹⁰¹. Б.Г. Софронов в книге о Р.Ю. Виппере цитирует письмо Н.И. Кареева М.С. Корелину (оба ученики В.И. Герье), из которого следует, что Виноградов первоначально собирался писать докторскую диссертацию по философии истории. «Кстати о диссертациях, – обращался историк к своему адресату 12 января 1883 г. – Виноградов мне пишет, что облюбовал себе тему логику исторического мышления. Что же в pendant к моей выйдет»¹⁰². В 1896 г. Виноградов просил разрешения вести ему дополнительные занятия по философии истории. Вопросам методологии исторического исследования был, в частности, посвящен специальный семинар Виноградова, пользовавшийся огромным успехом и в Москве и в Оксфорде.

Идея передать Виноградову ведение семинара со студентами принадлежала В.И. Герье. Узнав об этом из письма, Виноградов тут же откликнулся согласием. «Благодарю Вас за предложение относительно семинария, – писал он из Оксфорда В.И. Герье 11 июня 1884 г. – Я очень дорожу практическими занятиями со студентами и в последующие годы буду очень рад взять на себя часть семинария так, как Вы предлагаете»¹⁰³.

Об этом семинаре сохранилось много воспоминаний и высоких оценок учеников и коллег ученого. Как отмечал сам Виноградов: «Семинарии носили преимущественно методологический характер: В. старался преподавать своим ученикам умение самостоятельно обращаться с источниками и применять к ним приемы научной критики»¹⁰⁴. На своих занятиях Виноградов требовал от учеников хорошего знания научной традиции при критическом отношении к авторитетам, настаивал на необходимости дополнять знание фактов «творческими» приемами исследования. По свидетельству В. Бузескула: «В деле изучения истории в России для развития метода исторического исследования большое значение имела деятельность П.Г. Виноградова, как руководителя практических занятий в семинарии в Московском университете и у себя на дому. Успех этих занятий был огромный. В них принимали участие не только студенты, но и уже окончившие университетский курс молодые ученые разных факультетов, его ученики и младшие товарищи по специальности, так или иначе интересовавшиеся историей»¹⁰⁵.

Рефлексируя над особенностями проведения семинарских занятий, Виноградов писал в 1885 г.: «Система "семинара" может быть управляема очень различно, в зависимости от природы предмета и индивидуальных особенностей учеников и преподавателей. Она может быть использована как у Ранке для формирования исследователей средневековой и новой истории, как у Иеринга или Бинда для обучения класса трактовать случаи из гражданского и уголовного права. Вновь, если мы берем узкий предел исторического образования в качестве примера, то частная техника может быть постигнута различными способами. Студенты на моммзеновских семинарах самостоятельно работали над предметом и каждое эссе критиковалось профессором в течение двух и более часов, каждое положение внимательно проверялось и обсуждалось. Вайц обращался к какому-нибудь частному источнику по средневековой истории и весь класс работал над его анализом. Ведение семинара может быть адаптировано в этом случае к потребностям как продвинутых студентов, так и начинающих...»¹⁰⁶. В любом случае, настаивал Виноградов на ценности практических занятий, «семинар вводит в регулярный курс университетских занятий, дает больше возможности проверить реальные способности человека, чем экзаменационные задания и ответы»¹⁰⁷.

Один из первых участников этих семинаров, П.Н. Милюков, хотя и замечавший много позднее, что «П.Г. Виноградов, может быть, не удовлетворял нас, как теоретик»¹⁰⁸, тем не менее, высоко ценил сами семинары, принимавшие характер совместной работы. «Он, — писал П.Н. Милюков о Виноградове, — представлял полную противоположность Герье. В своем предмете он был полным хозяином, критики не только не боялся, но вызвать ее на себя считал главной своей задачей. Опытной рукой он водил студента в ученую лабораторию, привлекая его сразу к разработке первоисточников. Сделанная студентом работа подвергалась тонкому и строному анализу в присутствии и при участии других членов Виноградовского семинария. Вместе с интересом к предмету тут вырастало и сознание собственной силы. Вслед за Виноградовым мы принялись за изучение истории учреждений, преимущественно средневековых, считая это очередной задачей строго научной исторической работы. Мы почтительно изучали Вайца и Зома и строго критиковали Фюстель-де-Куланжа. Нужно, однако, сказать, что в известном смысле теоретически мы уже шли дальше и Виноградова. От истории учреждений мы считали методи-

чески необходимым перейти к изучению экономической истории»¹⁰⁹. Именно методологический подход Виноградова во многом определил выбор П.Н. Милюковым предмета своей магистерской диссертации: «Тема подсказывалась новыми взглядами на задачи исторической науки, усвоенными нами под влиянием П.Г. Виноградова»¹¹⁰. Направление исторических исследований, развиваемое Виноградовым, отчасти воздействовало и на выработку концепции самого популярного произведения П.Н. Милюкова — «Очерков по истории русской культуры»¹¹¹. А.Н. Цамутали полагает, что под влиянием Виноградова сформировались не только исторические, но и политические взгляды П.Н. Милюкова¹¹². Со своей стороны Виноградов хлопотал об оставлении П.Н. Милюкова при университете, хотя последний и выбрал специализацию по русской истории у В.О. Ключевского. «Будьте к нему благосклонны, — писал Виноградов из-за границы В.И. Герье о П.Н. Милюкове. — Он очень странный, но очень способный и трудящийся малый. Я твердо уверен, что из него выйдет хороший ученый. Только бьется теперь с бедностью: хорошо было бы дать ему стипендию»¹¹³. После окончания университета П.Н. Милюков, по-видимому, не без протекции отца Виноградова получил возможность преподавать в московских гимназиях. В 1893 г. Виноградов добивался для П.Н. Милюкова гонорара, а в 1894 г. — повышенного вознаграждения за обязательный семинарий, который тот вел в университете. В 1894–1895 гг. по настоянию Виноградова молодой историк получил два обязательных часа в Московском университете. Ученик В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова, впоследствии сам профессор Московского университета, Ю.В. Готье вспоминал, что лекции и семинары Виноградова — «лучшее с методологической стороны, что я вынес из университета»¹¹⁴. При этом Ю.В. Готье отмечал, что «По методологическим приемам семинарий П.Н. (Милюкова. — А.М.) был совершенно в виноградовском стиле»¹¹⁵.

Семинар Виноградова был настоящей научной школой для молодых историков. Педагогический дар ученого лучше всего раскрывался именно на этих практических занятиях. Особенностью исторического семинара было обучение на лучших историографических образцах, подобно тому, как художники учатся технике живописи, копируя шедевры мастеров. Уточняя принципы подобного рода занятий Н.И. Кареев писал: «Историки учатся научно работать не по историческим руководствам методологического содержания, а читая исторические сочинения, преимущественно мастеров науки, и решая

исторические задачи, особенно под руководством опытных преподавателей. Люди вообще научаются что-либо делать не по рассказу, а по показу, — практически»¹¹⁶. Фишер отмечал и сильное влияние личности Виноградова как руководителя семинара на учеников.

Влияние виноградовских семинаров, полученные на них навыки, знания, да, по-видимому, и особый эмоциональный настрой или напряженная атмосфера научного поиска, были настолько сильны, что участники занятий спустя десятилетия вспоминали о них с неизменным восхищением. «Этот образцовый, неподражаемый семинарий был превосходной школой, научавшей общению с текстами памятников и умению пользоваться ими», — писал М.М. Богословский¹¹⁷. «Виноградов поднимал нас на высоту новейших научно-исторических проблем», — вспоминал А.А. Кизеветтер и продолжал: «Великолепно ставил Виноградов занятия в своем историческом семинарии. Ни Ключевский, ни Герье не шли вровень с ним в этом отношении... Виноградов же делал из своего семинария истинную школу исследовательской работы. Тут именно можно было учиться тому, как стать ученым. Он умел втянуть всех участников семинария в равномерную общую работу по исследованию исторических памятников и собственное направляющее руководство вел так, что оно лишь возбуждало самостоятельность руководимых»¹¹⁸. «Это была своего рода историческая химия», — признавался М.М. Богословский¹¹⁹. «Они давали, — пояснял он далее, — для самостоятельной работы в области истории подготовку и выправку. Они приучали обращаться с источниками и пользоваться ими; они научили и приемам критики, и приемам конструкции на основании памятников. Эти навыки приобретались и путем упражнения при постоянной работе в семинарии, но, может быть, главным образом здесь действовал пример учителя. Наблюдая за той серьезной и вдумчивой работой над историческими памятниками, которую он в нашем присутствии проделывал в семинарии, мы, может быть, бессознательно усваивали или старались усвоить те же методы и приемы»¹²⁰.

По имени руководителя, как вспоминал А.А. Кизеветтер, участников семинара называли «павликианами». Иногда Виноградов проводил семинары в вечерние часы у себя на дому. Семинары были посвящены какому-нибудь крупному произведению исторической литературы. П.Н. Милюков, например, принимал участие в цикле семинаров, на которых разбиралась книга Фюстель де Куланжа «История общественного строя

древней Франции»¹²¹. М.М. Богословский в 1887–1888 гг. посещал семинары, посвященные «Германии» Тацита и «Истории» Геродота. Работа в семинаре строилась следующим образом: Виноградов распределял среди студентов темы рефератов на все предстоящие занятия, знакомился накануне занятия с представленными работами, а затем на самом семинаре, отталкиваясь от студенческого реферата, предлагал свой разбор изучаемого текста, стараясь при этом спровоцировать студента на спор. Виноградов, как отмечал М.М. Богословский, любил и «умел поднять на такой спор юношу студента»¹²². «Заседание семинария, – описывал мемуарист, – и заключалось в разборе поданных работ. Чтения рефератов не было. П[авел] Г[аврилович] сам формулировал вопросы, которые трактовали представленные работы, и резюмировал взгляды, высказанные референтами... Затем он ставил вопросы, составляющие существо темы, и переходил в связи с этими вопросами к разбору самого текста Тацита... Встречаясь в поданных рефератах и во время обсуждения в семинарии с мнениями, расходившимися с его толкованием, он вступал в спор, излагал аргументы в пользу своего толкования, развертывал всю широту и весь блеск своей необычайной эрудиции»¹²³. Аналогичную картину давал и другой участник виноградовского семинара – В.И. Пичета¹²⁴.

Студенты и молодые ученые воспринимали семинары Виноградова как подлинную научную мастерскую, приучающую к ученой работе, доставляющую удовольствие интеллектуального труда. В этом отношении В.А. Маклаков сравнивал занятия у Виноградова с блестящими лекциями В.О. Ключевского. «Но в чем Виноградов был незаменим, – писал он, – были его семинарии. Они давали не меньшее эстетическое наслаждение, чем лекции Ключевского и при этом наслаждение не менее ценное. Виноградов умел заставить студентов работать перед собой; вызывал возражения, старался отыскать в каждой сказанной глупости или наивности зерно правильной мысли; принимался развивать чужую идею, показывая, куда она приводила и где находилась ошибка. При этом он все освещал такой массой примеров и аналогий, не исключая и современной нам жизни, что логика исторических фактов сама собой обнаруживалась, а события современные получали новое объективное освещение»¹²⁵. В семинарах Виноградова студенты проходили не только научную подготовку, но и своеобразный ученый отбор, в результате которого вокруг профессора образовался круг преданных учеников, воспринимавших

свое единство как ученое братство, не переходящее, однако, в секту и открытое для всех жаждущих серьезной научной работы. «Он, – продолжал В.А. Маклаков, – устроил параллельные семинарии. Один обязательный, общий, другой необязательный, для избранных, как мы говорили не без претензии, для "специалистов"; в этом последнем и шло наше настоящее научное воспитание. Эти семинарии были не многолюдны; но как и на лекции Ключевского они привлекали п о с т о р о н н ю п у б л и к у; только шли сюда люди с более серьезными интересами, не затем, чтобы прослушать одну лекцию»¹²⁶. Кого-то полученная на виноградовских семинарах выучка подталкивала к продолжению занятий по истории средних веков, кого-то к разработке вопросов русской истории или античной истории, кого-то к исследованию методологических проблем.

Ученое мастерство, с щедростью первопроходца демонстрируемое Виноградовым перед студентами, находило зримое воплощение в специальных исторических исследованиях ученого. Умелый и методологически продуманный анализ текстов источников позволял Виноградову не только в новом свете представить уже известную проблему, но и обосновать оригинальную концепцию, в частности, о происхождении феодализма. «С точки зрения центральной темы, составлявшей главную жизненную задачу Виноградова (генезис феодальных отношений и социальная история Средних веков. – А.М.), позволительно будет указать далее, как мелочные и, казалось бы, давно сделавшиеся общим достоянием тексты и выражения писателей, в руках подготовленного к научной работе ученого могут открывать неожиданно новые перспективы», – отмечал Ф.И. Успенский зависимость конкретных исторических исследований ученого от выбранной методологии¹²⁷.

С особым уважением относился Виноградов к личности и мнению студента. «Как бы наивно не было замечание, – признавал М.М. Богословский, – с которым выступал студент, П[авел] Г[аврилович] относился ко всякому замечанию с неизменно сердечным вниманием. Каждое мнение студента он обсуждал, взвешивая достоинства и показывая недостатки, и весь этот разговор вел на совершенно равной ноге, нисколько не подавляя собеседника своим превосходством»¹²⁸. Посещавший семинары ученого в Оксфорде Фишер обращал внимание на строгость, требовательность и критичность Виноградова к работам студентов. Однако, где было нужно, он мог поддержать молодого ученого, но никогда не хвалил даром. Занятия в семинаре Виноградова служили лучшей трениров-

кой в методе исторического исследования. «Не будет преувеличением сказать, — вспоминал Фишер, — что виноградovsky семинар был лучшим курсом по методологии исторического исследования, который в то время можно было прослушать в университете Оксфорда; и посредством семинара он влиял на многих специалистов по истории средних веков в британских университетах»¹²⁹.

Несколько по контрасту звучат воспоминания о виноградovsky семинарах С.П. Мельгунова, не принадлежавшего, впрочем, к непосредственным ученикам историка и не стремившегося, по его собственному признанию, к научной деятельности. Субъективность всех воспоминаний, из которых здесь составлено описание практических занятий у Виноградова, не подлежит сомнению. Еще одно субъективное, пусть и альтернативное, мнение не прибавит, конечно, объективности. Но оно любопытно именно иным взглядом, иной оценкой того же самого события. «Несомненно школу создавал Виноградов, — писал С.П. Мельгунов, — у него был определенный круг учеников и почитателей: «Виноградовский кружок». Меня от Виноградова всегда отбрасывало его олимпийское величие, проявляемое как на лекциях, так и на практических занятиях. Метод его критики был убийственный — он почти высмеивал референта, ошпыливал его. Может быть, это приучало к научной работе, может быть, такой метод годился для немногих, избранных, но на большинство он действовал охлаждающе. Слушатели предпочитали молчать. Потому занятия носили холодный, слишком академический характер. Такой же холодный характер носили и его лекции»¹³⁰.

Раз в месяц в гостеприимной квартире Виноградова собирались ученики и коллеги ученого. Кружок Виноградова посещали как молодые, так и уже маститые ученые В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, С.Ф. Фортунатов¹³¹, Н.Я. Грот, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, М.Н. Покровский, В.Н. Сторожев, П.И. Беляев, С.Н. Трубецкой, А.Н. Филиппов, С.П. Моравский, М.С. Карелин, И.И. Иванов, Ф.А. Смирнов, Н.Н. Шамонин, А.И. Гучков, А.А. Мануйлов, а во время приездов Москву Н.И. Кареев и И.В. Луцицкий. Всего кружок Виноградова насчитывал тридцать пять членов. Как вспоминал А.А. Кизеветтер, «там разбирались новинки научно-исторической литературы, там работавшие над подготовкой диссертаций делали предварительные сообщения о своих изысканиях, и только что покинувшие студенческую скамью неопиты исторической науки сходились

с историками ряда предшествующих выпусков»¹³². Темы докладов не ограничивались историей, обсуждались рефераты и по истории права и по экономике. После доклада делался перерыв, во время которого участникам кружка предоставлялась возможность для более свободного общения. Затем следовало чаепитие и обсуждение доклада. Виноградовский кружок просуществовал до учреждения в 1893 г. при Московском университете исторического общества. Вопрос о вхождении в новое общество вызвал споры среди членов кружка и даже столкновение П.Н. Милюкова с В.И. Герье¹³³. Однако многие заседания официального общества, возглавляемого В.И. Герье, носили формальный характер и не давали возможности открытого совместного обсуждения проблем. Позднее Виноградов вместе с С.Н. Трубецким, по замечанию М.М. Богословского, «устраивал какие-то новые кружки из студентов окончивших курс»¹³⁴.

Лекции Виноградова значительно уступали по известности и популярности его же семинарам. «Лектор он был блестящий, – вспоминал В.И. Пичета, – и его лекции, при всем их историко-юридическом построении, были очень интересны и давали студентам много, тем более, что они были знакомы со специальными работами по обеим дисциплинам»¹³⁵. Оценка В.И. Пичеты, впрочем, расходится с другими воспоминаниями. М.М. Богословский отмечал, что Виноградов «не обладал даром общедоступного, популярного стиля»¹³⁶. «Заметно было... что он очень волнуется, входя на кафедру; лицо его было бледно, и голос в первых фразах дрожал, но затем он овладевал собою и говорил уже гораздо спокойнее, заглядывая довольно часто в конспект», – писал М.М. Богословский о первых слышанных им лекциях Виноградова¹³⁷. «Громкий, богатый оттенками голос, – отмечал далее М.М. Богословский, – медленная речь, отчетливая дикция, выражение лица с несколько нахмуренными бровями, показывавшие всю важность читаемого предмета и заразившее слушателей сознанием этой важности, выпуклое чтение цитат, навсегда остававшихся в памяти, после того как их услышал в аудитории, – все это оказывало внушительное действие на слушателей»¹³⁸. На «ровный, спокойный, громкий голос, отчеканивающий каждое слово, особенно на концы слов и фраз, как будто он боялся обычного недостатка их проглатывания» указывал В.А. Маклаков¹³⁹. Сходное впечатление передает другой мемуарист, слушавший двадцатью годами позже лекцию приехавшего из-за границы Виноградова. «На первую лекцию П.Г. Виноградова, – запи-

сал Н.М. Дружинин в своем дневнике 18 сентября 1908 г., — собрался весь филологический факультет и масса юристов. Виноградов вошел в сопровождении всего состава профессоров и был встречен продолжительными аплодисментами. Но лекция его многих разочаровала: самоуверенный холодный тон, сухое узкое изложение. Но в нем чувствуется солидный основательный ученый, а в некоторых определениях он тонкий диалектик»¹⁴⁰. Лекции Виноградова, возможно, проигрывая в форме, не теряли в содержании. Оценить учительную силу виноградовских лекций можно было только в результате регулярных занятий. «Многое з н а т ь и не потерять способности т в о р и т ь — в этом мерило ученого. Это Виноградов умел делать с державной легкостью. В нем не было блеска Ключевского, он о нем и не заботился. У него и не уходило столько времени и труда на то, чтобы отчеканивать свое изложение», — вспоминал В.А. Маклаков¹⁴¹.

Преподавательская деятельность Виноградова в течении двух десятилетий в Московском университете, а также сложившийся вокруг него кружок молодых историков, многие из которых стали крупными учеными, позволяют говорить о «школе Виноградова». По словам того же В.А. Маклакова «он для меня является идеалом университетского преподавателя... Я могу вспомнить о нем только как об исключительном преподавателе, который мог создать и до некоторой степени создал в Московском университете целую ученую школу. В Виноградове сочетались оба главных свойства большого ученого: память и творчество»¹⁴². «Вместе с тем, — отмечал А.А. Кизеветтер, — Виноградову был присущ дар группировать около себя преданных учеников, формировать школу, сплоченную общими научными интересами»¹⁴³. В другой статье, напечатанной в начале 1926 г. в Париже, т. е. фактически дублирующей некролог, А.А. Кизеветтер замечал, что Виноградов умел установить с учениками «нити духовной близости»¹⁴⁴. В разные годы «школу» Виноградова прошли А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский, В.И. Пичета, Д.Н. Егоров, П.Н. Милюков, С.А. Котляревский, М.Н. Покровский, М.М. Покровский, А.А. Кизеветтер, М.М. Хвостов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.А. Захаров, А.К. Дживелегов, М.О. Гершензон.

Запоминающийся образ М.О. Гершензона, участника виноградовских семинаров, оставил В.А. Маклаков: «На этих же семинариях усердным работником был Гершензон, знаток и поклонник московской старины; «один в России остался славянофил, да и тот еврей», острил про него Н.А. Хомяков. Бле-

стящий, увлекательный стилист и писатель, но не умевший связать двух слов устно, тонкий, изящный эстет, при этом с утрированной, почти карикатурной семитической внешностью»¹⁴⁵. Ранние работы М.О. Гершензона, посвященные античной истории и культуре, в частности, Аристотелю и его «Афинской политике», были непосредственным результатом занятий у Виноградова. Публикация некоторых из них сопровождалась предисловиями Виноградова. «Всем, что может оказаться верного в этой книге, – писал М.О. Гершензон в предисловии к своей первой книге, – я обязан участием в семинарии проф. П.Г. Виноградова по Афинской Политике Аристотеля. Предлагаемая работа не была прямым результатом этого семинария, но здесь я учился тому, чего нельзя найти в книгах, что может дать только или живое слово учителя, или тяжелей опыт собственных ошибок – приемам исследования, научному методу. За это живое слово, за ряд драгоценных указаний и теплое участие в моей работе приношу учителю глубокую сердечную благодарность»¹⁴⁶. «В его семинарах, – как пишет В. Проскурина о виноградовских занятиях, – происходило “погружение” в живой материал истории без насильственных привязок к теориям. Именно Виноградов привил Гершензону умение работать с непосредственным источником, научил идти от “живого” факта к реконструкции его значения»¹⁴⁷. Виноградов пытался оставить М.О. Гершензона при университете. Вот, как об этом повествовал сам М.О. Гершензон: «Он первый, прервав другой разговор, завел речь об оставлении при университете, и сказал: “Если бы не было распоряжения – не оставлять при университете не-христиан, а дело было бы только в сопротивлении факультетского совета, то я не остановился бы даже перед демонстрацией и добился бы своего”. Он был настолько умен, что ни одним словом не намекал о переходе в христианство»¹⁴⁸. Не имея перспективы оставить своего ученика при университете, в 1892 г. Виноградов предложил М.О. Гершензону стать его секретарем. «Он принимает во мне, как видно, большое участие, – писал М.О. Гершензон брату, – на днях он говорил с деканом о моей стипендии, и декан сказал, что мне, вероятно, нельзя будет выдать прошлогодней стипендии – в силу весеннего указа о стипендиях для не-христиан. В виду этого Виноградов как бы снимает с меня заботу о моем материальном положении и берет ее на себя. Он опять подтвердил, что с осени рассчитывает на меня как на своего секретаря, а пока тоже не оставит меня без работы»¹⁴⁹. Виноградов нашел для М.О. Гершензона переводы, рекомендовал

его в ряд изданий. «Работа [у] Виноградова доставляет возможность ежедневно в течение 2–3 часов разговаривать с замечательным человеком о всевозможных материях», – так описывал секретарскую работу М.О. Гершензон¹⁵⁰.

Не меньшее влияние оказал Виноградов и на английских историков, причем не только своими фактологическими исследованиями и их концептуальной разработкой, но и теоретико-методологической стороной своего подхода. Как писал М.А. Барг, Виноградов, «благодаря его тяготению, особенно в ранних работах, к историзму (позитивистски интерпретируемому), его склонности к широким обобщающего характера построениям, основанным на своеобразном сочетании общинной и вотчинной теорий. В них поражала не только оригинальная концепция генезиса манориального строя Англии, но прежде всего то, что процесс становления этого строя рассматривался на широком фоне экономической, социальной и политической эволюции общества в целом. Именно в этой попытке *синтеза* различных сторон общественного развития в единой концепции, а главное в обрисовке их сквозь призму социальных отношений П.Г. Виноградов оказался новатором и учителем нескольких поколений английских историков в данной области исследования»¹⁵¹. К английским последователям Виноградова принадлежат А. Леветт, Д. Дуглас, Ф. Стетон, Р. Леннард.

Оказавшись за границей, ученый, «перенеся в далекий Оксфорд свой московский “виноградовский” семинарий, игравший такую крупную роль в развитии русской исторической науки, и превратив его в международный рассадник строго научных приемов исторического изучения»¹⁵², продолжил свои методологические изыскания. «Вообще в Оксфорде П.Г. Виноградов, – писал В. Бузескул, – организовал семинарий еще в большем масштабе, чем это было в Москве. Участвовали не только английские студенты: сюда стекались из разных стран, главным образом, уже окончившие курс представители разных университетов и колледжей — из Америки, Австралии, Германии, Италии, Норвегии, Польши, России. Своего рода интернациональное ученое общество образовалось вокруг Виноградова, и он сам являлся как бы интернациональным ученым»¹⁵³. К сожалению, Виноградов не изложил свои теоретико-методологические взгляды в отдельном труде. Их приходится реконструировать на основе отдельных статей, чаще всего историографического характера, а также извлекать из предисловий и введений к его книгам.

Примечания

- ¹ Фишер указывает дату рождения 18 ноября.
- ² В письмах Виноградов называл отца Гавриил Киприанович
- ³ *Fischer H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 69. Г.В. Шевцова, напротив, настаивает на самостоятельности научных поисков Виноградова, на автохтонности его исторических представлений: «Будучи тесно связан с русской действительностью и питаясь источниками русской исторической науки, Виноградов не испытал сколько-нибудь заметного влияния западно-европейских ученых, хотя и общался с рядом из них (в период научных командировок за границу) очень часто» (Шевцова Г.В. Из истории русской медиевистики. П.Г. Виноградов. С. 6–7.).*
- ⁴ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904. С. 68.
- ⁵ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. III. Ч. 2. М-Я. Пг., 1917. С. 293.
- ⁶ Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Г. Виноградове // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. № 1. С. 81.
- ⁷ Там же. С. 79.
- ⁸ Успенский Ф.И. Павел Гаврилович Виноградов. С. 1405.
- ⁹ *Fischer H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 11–12.*
- ¹⁰ Из писем П.Г. Виноградова. Публикация и примечания К.А. Майковой // Средние века. Выпуск XXII. М., 1961. С. 268.
- ¹¹ Там же. С. 269.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Fischer H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 12.*
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 174.
- ¹⁶ Из писем П.Г. Виноградова. С. 277.
- ¹⁷ *Fischer H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 20.*
- ¹⁸ Петрушевский Д.М. Новое исследование о происхождении феодального строя // Журнал министерства народного просвещения. 1892. Ч. CCLXXXIV. Декабрь. С. 316.
- ¹⁹ Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930. С. 27.
- ²⁰ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов] // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 75.
- ²¹ Кизеветтер А.А. Научная и общественная деятельность П.Г. Виноградова // Голос минувшего на чужой стороне. Журнал истории и истории литературы. 1926. №2 / XV. С. 245–246.

²² Виноградов П.Г. Франция перед революцией (М. Ковалевский: «Происхождение современной демократии». Т. I. Москва, 1895 год) // Русская мысль. 1895. Кн. X. С. 83.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 85.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Ковалевский М.М. Отрывки из воспоминаний // Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 282.

²⁸ Из писем П.Г. Виноградова. С. 279.

²⁹ Виноградов П.Г. Максим Максимович Ковалевский. Некролог. (Отд. отт. из Известий имп. Академии наук). Пг., 1916. С. 1163.

³⁰ Там же. С. 1164.

³¹ Там же. С. 1170.

³² Там же. С. 1164–1165.

³³ Там же. С. 1165.

³⁴ Там же. С. 1164.

³⁵ Там же. С. 1170.

³⁶ Косминский Е.А. Исследования А.Н. Савина по истории Англии // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 37.

³⁷ Из писем П.Г. Виноградова. С. 279.

³⁸ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. С. 296.

³⁹ Fischer H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 19.

⁴⁰ Моусеенкова Л.С. Павел Гаврилович Виноградов // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.–Иерусалим, 2000. С. 117.

⁴¹ Там же. С. 119.

⁴² Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 15.

⁴³ Powicke F.M. Modern Historians and Study of History. Essays and Papers. London, 1956. P. 9.

⁴⁴ Ковалевский М.М. Отрывки из воспоминаний. С. 282.

⁴⁵ Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. С. 70.

⁴⁶ Там же. С. 71.

⁴⁷ Гершензон М.О. Письма к брату. Избранные места. М., 1927. С. 170.

⁴⁸ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов]. С. 75.

⁴⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 189. № 219. Л. 4–4 об.

⁵⁰ Херасков И. Студенческое движение в Московском университете (Воспоминания участника 1897–1903) // Московский университет 1755–1930. С. 438.

- ⁵¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. № 339. Л. 9.
- ⁵² Там же. Л. 7.
- ⁵³ Там же. Л. 8.
- ⁵⁴ Там же. Л. 9.
- ⁵⁵ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 92.
- ⁵⁶ *Маклаков В.А.* Орывки из воспоминаний // Московский университет 1755–1930. С. 316.
- ⁵⁷ *Антощенко А.В.* П.Г. Виноградов о возможной модели российского парламента // Социальные институты в истории. Омск, 1996. С. 91.
- ⁵⁸ *Виноградов П.Г.* Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Т. V. Октябрь. С. 539.
- ⁵⁹ Там же. С. 542.
- ⁶⁰ Там же. С. 545.
- ⁶¹ Там же. С. 544.
- ⁶² Там же. С. 539.
- ⁶³ *Кизеветтер А.А.* Научная и общественная деятельность П.Г. Виноградова. С. 247.
- ⁶⁴ *Виноградов П.Г.* Современный государственный строй Англии // Русское богатство. 1904. № 12. С. 105.
- ⁶⁵ Из писем П.Г. Виноградова. С. 287.
- ⁶⁶ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 106.
- ⁶⁷ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 93.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. IX. С. 321.
- ⁷⁰ *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 333.
- ⁷¹ Из писем П.Г. Виноградова. С. 276.
- ⁷² Секретарь Виноградова М.О. Гершензон приводит шутовское замечание историка об излишках авторских экземпляров. Готовя к изданию в Московском университете свою первую книгу «Афинская политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха», написанную по итогам работы в виноградовском семинаре, М.О. Гершензон в письме иронизировал о судьбе причитающихся ему экземпляров: «Вообще я решил, женясь, выбрать такую барышню, которая завивает папилютки, чтобы свои книжки не пропадали даром. Что останется – поберегу к тому времени, когда куплю дом: говорят очень хорошо ученые исследования клеить на стены под обоями. Впрочем, Виноградов предпочитает класть их на том месте, где потолок протекает: вследствие большой сухости, говорит, отлично впитывают воду» (*Гершензон М.О.* Письма к брату. С. 74.).
- ⁷³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. № 339. Л. 11.
- ⁷⁴ Там же. Л. 12.
- ⁷⁵ Там же. Л. 13.
- ⁷⁶ *Моисеев Л.С.* Павел Гаврилович Виноградов. С. 118, 120–121.

- ⁷⁷ *Виноградов П.Г.* Местное самоуправление в Англии. СПб., 1903. С. 3.
- ⁷⁸ *Виноградов П.Г.* Современный государственный строй Англии. С. 73.
- ⁷⁹ Из писем П.Г. Виноградова. С. 280.
- ⁸⁰ *Макогонова Т.М.* Дни и труды М.О. Гершензона (По материалам архива) // Записки отдела рукописей. Вып. 50. М., 1995. С. 83.
- ⁸¹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 147.
- ⁸² *Дионео. П.Г. Виноградов и революция* // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2 / XV. С. 255.
- ⁸³ Там же. С. 250.
- ⁸⁴ Фишер называет 19 декабря днем смерти.
- ⁸⁵ *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 187.
- ⁸⁶ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 70.
- ⁸⁷ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. С. 69.
- ⁸⁸ *Дионео. П.Г. Виноградов и революция.* С. 248.
- ⁸⁹ *Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir.* P. 16.
- ⁹⁰ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 91.
- ⁹¹ *Успенский Ф.И.* Павел Гаврилович Виноградов. С. 1412.
- ⁹² *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 91.
- ⁹³ *Гершензон М.О.* Письма к брату. С. 63.
- ⁹⁴ Там же. С. 91–92.
- ⁹⁵ *Кизеветтер А.А.* Научная и общественная деятельность П.Г. Виноградова. С. 246.
- ⁹⁶ Там же. С. 247.
- ⁹⁷ *Гершензон М.О.* Письма к брату. С. 171.
- ⁹⁸ *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний. С. 312.
- ⁹⁹ *Виноградов П.Г.* Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 59.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 69.
- ¹⁰¹ *Кареев Н.И.* Из воспоминаний о П.Г. Виноградове. С. 79.
- ¹⁰² Цит. по: *Софронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Випера и его время. М., 1976. С. 12.
- ¹⁰³ Из писем П.Г. Виноградова. С. 287.
- ¹⁰⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. С. 296.
- ¹⁰⁵ *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 181–182.
- ¹⁰⁶ *Vinogradoff P.* The Collected Papers. Vol. I. Historical. Oxford, 1928. P. 283–284.

- ¹⁰⁷ Ibid. P. 285.
- ¹⁰⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). В. 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 114.
- ¹⁰⁹ *Милюков П.Н.* Мои университетские годы // Московский университет 1755–1930. С. 265.
- ¹¹⁰ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 150.
- ¹¹¹ Там же. С. 177.
- ¹¹² *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985. С. 164. «Скорее всего под влиянием Виноградова, – пишет так же А.Н. Цамутали, – возникла и одна из главных идей в его историографических работах – мысль о том, что противостоящие друг другу направления в исторической науке в конечном итоге вносят свой положительный вклад в общий поступательный процесс развития историографии». (Там же. 167.).
- ¹¹³ Из писем П.Г. Виноградова. С. 277.
- ¹¹⁴ *Готье Ю.В.* Университет // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 4. С. 19.
- ¹¹⁵ Там же. С. 22.
- ¹¹⁶ *Кареев Н.И.* Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 215.
- ¹¹⁷ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 73–74.
- ¹¹⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 70.
- ¹¹⁹ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 79.
- ¹²⁰ Там же. С. 81.
- ¹²¹ *Думова Н.Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. С. 73–74.
- ¹²² *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 73.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ «На семинарах Виноградова рефераты не читались. Студенты не принимали участия в обсуждении тем. Обычно Виноградов два академических часа давал свое заключение, прочитывая очень интересную лекцию, особенно полезную для того, кто писал реферат» (*Пичета В.И.* Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 58.
- ¹²⁵ *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний. С. 310–311.
- ¹²⁶ Там же. С. 311.
- ¹²⁷ *Успенский Ф.И.* Павел Гаврилович Виноградов. С. 1410.
- ¹²⁸ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 77.
- ¹²⁹ *Fisher H.A.L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 39.
- ¹³⁰ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. С. 112.
- ¹³¹ Любопытные воспоминания об отношениях Виноградова

и С.Ф. Фортунатова оставил С.П. Мельгунов. В молодости Виноградов считал С.Ф. Фортунатова соперником, оспаривавшим то же место в Московском университете, на которое он сам претендовал. «Лицо, выдавшее много раз обоих в молодости, рассказывало мне, — делился С.П. Мельгунов просроченными университетскими сплетнями, — как Виноградов беспокоился, когда узнавал, что Фортунатов, например, отправился к Герье; прибегал к тетке Фортунатова и начинал ее расспрашивать по этому поводу: зачем и почему» (*Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники*. С. 173.).

¹³² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. С. 71.

¹³³ См. подробнее: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 81–86.

¹³⁴ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 87.

¹³⁵ *Пичета В.И.* Воспоминания о Московском университете. С. 57–58.

¹³⁶ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 89.

¹³⁷ Там же. С. 70.

¹³⁸ Там же. С. 71.

¹³⁹ *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний. С. 315.

¹⁴⁰ *Дружинин Н.М.* Избранные труды. М., 1990. С. 279.

¹⁴¹ *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний. С. 310.

¹⁴² Там же. С. 309.

¹⁴³ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 70.

¹⁴⁴ *Кизеветтер А.А.* Научная и общественная деятельность П.Г. Виноградова. С. 247.

¹⁴⁵ *Маклаков В.А.* Отрывки из воспоминаний. С. 312–313.

¹⁴⁶ *Гершензон М.О.* «Афинская политика» Аристотеля и «Жизнеописание» Плутарха. М., 1895. С. II.

¹⁴⁷ *Проскурина В.* Течение Гольфстрима: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 23.

¹⁴⁸ *Гершензон М.О.* Письма к брату. С. 59.

¹⁴⁹ Там же. С. 62–63.

¹⁵⁰ Там же. С. 72.

¹⁵¹ *Барг М.А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 5–6.

¹⁵² *Петрушевский Д.М.* П.Г. Виноградов как социальный историк. С. 1.

¹⁵³ *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 186.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Теоретико-методологические рассуждения Виноградова подчинялись одной задаче – обоснованию научности историографии. В то же время становление истории как науки не могло состояться без разработки теоретических и методологических вопросов истории. Сциентистское исповедание эпохи ищет опору в природе. Все плоды научного творчества, вплоть до рукотворных консеквенций техники, возводятся в ранг естественных отправления человеческого разума. Виноградов изъясняет науку в категориях знания, порядка и рефлексии. «Наука, – постулирует он, – есть знание, приведенное в порядок рефлексией, и как таковое является характерной особенностью человечества; наиболее фундаментальное различие между человеком и животным заключается в способности к рассуждению»¹. Столь общее понимание науки уточняется позитивистским изводом духа научности, характерным для XIX в. Более определенно Виноградов говорит о двух идеях, которые «господствуют над всеми научными взглядами века и глубоко отражаются на всем его мирозерцании; это – идея закона и идея развития»². Распространяя эти идеи на общественные науки, ученый конкретизирует свои взгляды. Идея закономерности вводит предмет общественных наук в область необходимых явлений. По словам Виноградова, «в общем наука понимает теперь *мировую жизнь не как сцепление случайностей*, а как результат действия законов, частью известных нам, частью неизвестных»³. В статье о Фюстель де Куланже ученый настоятельно подчеркивал потребность «понимать историю не как капризное сплетение разнокалиберных событий, а как проявление строгой внутренней необходимости»⁴. Имея в виду идею закономерности, Виноградов не противопоставлял ей телеологическое развитие социальных явлений, что вполне согласовывалось с принимаемой им органической точкой зрения. Закономерность в истории может быть как причинной, так и целевой. «Где есть дух и есть жизнь, там находит себе применение категория цели», – утверждал историк⁵. «Хотя каждое стремление, – пояснял он свой подход, – каждый волевой акт имеет свои причины и может быть рассматриваем как необходимое следствие, причинный механизм, который

приводит их в движение, часто остается скрытым или недостаточно выясненным, между тем как связь между средствами и целями выступает на поверхность и легче поддается наблюдению. Мало того, раз сложившийся план, раз установленная цепь, сами по себе приобретают значение причины, направляют энергию в известном смысле, вступают в конкуренцию с естественными условиями и влияют на конечный результат»⁶. К такому заключению Виноградов приходил от критики неокантианской философии истории, противопоставившей причинности ценность. «Едва ли нужно объяснять, что Риккерт и его последователи сильно преувеличивают отмеченную ими противоположность», — признавал ученый и добавлял, что в науках о культуре «огромное значение имеют... исследование причин и установление некоторых однообразий»⁷. Оппонируя неокантианской методологии, он утверждал, что общенаучные элементы присутствуют во всяком историческом исследовании⁸. В истории есть место и причинности и цели; «историкам так же мало можно обойтись без причинности и законсообразности, как и без целесообразности и идеальных мерил»⁹. Более того, историк, зная итог исторического события, как бы предвосхищает его развитие, имеет ввиду конечный результат, судит о причинах с точки зрения их последствий. «Разумеется, — уточнял Виноградов, — при историческом изложении вообще нельзя вести рассказ не забегая вперед: знакомясь с экономической организацией, мы уже должны были отчасти предвосхитить некоторые свои замечания относительно социального строя»¹⁰.

Обоснованию и иллюстрации закономерности общественных явлений Виноградов посвящал и свои лекции. Социально-исторические обзоры ученого должны были служить демонстрации закономерности происходящих в обществе процессов. «Но о чем бы с ним не говорили, — писал по этому поводу В.А. Маклаков, — в его распоряжении всегда находилась масса аналогий, сравнений, иллюстраций из разных эпох и народов, которые показывали с кристальной ясностью, что в истории все совершается по непреложным законам общественной жизни, что в ней нет ничего необъяснимого. В обнаружении и определении этой закономерности был лейтмотив Виноградовских лекций и его научных работ. При этом идею закономерности он нам не навязывал, не внушал "a priori", как аксиому своей исторической философии. Это был простой логический вывод, к которому каждый естественно сам приходил, усвоив его изложение»¹¹.

Идея развития в интерпретации Виноградова несет явные биологические коннотации, а ее применение к историческому процессу неизбежно приводит к установлению органической точки зрения. Историческая эволюция становится частным приложением общей органической периодизации жизни. «Другая проходящая повсюду научная идея века, – развивал свои соображения историк, – есть *идея развития*, – мысль, что все существующие формы – растения, животные, люди и общества – проходят естественный рост, развертывая постепенно свое строение и силы, питаясь из окружающей почвы в борьбе и взаимодействии с окружающими условиями, двигаясь сначала вперед, затем останавливаясь и разрушаясь, с тем чтобы передать жизнь новым существам подобного же рода. Эта идея развития в применении к истории обнимает две стороны *исторического процесса* – его *преемственность*, постоянную зависимость всего, что существует в настоящее время от прошлого, из которого оно вышло, и *изменчивость* – постоянное движение к разрешению новых задач и применение к новым условиям»¹².

Идея закономерности становится руководящей и в философско-исторических поисках. Так, согласно Виноградову, воспроизводящему традиционный взгляд на возникновение философии истории, философский интерес к истории зарождается и терминологически оформляется в гуманистическом мирозерцании XVIII в. Здесь обозначаются два направления философского постижения истории: поиск закономерности исторических явлений (Монтескье) и представление об историческом прогрессе (Гердер, Кант, Кондорсе). В XIX в. идея закономерности входит в сциентистский арсенал социологии и в различных вариантах, прежде всего каузальном, продолжает формировать научный облик историографии. Наметившееся еще в историческом сознании XVIII в. соотнесение естественно-научно понимаемой закономерности с законом в юридическом смысле, заметно и у Виноградова. Изучение истории права и внимание к юридическим, равно как и хозяйственным, отношениям в истории убеждали и побуждали Виноградова к научному построению истории. Вспоминая этот сложный период формирования своих научных взглядов, он следующим образом обосновывал свое признание научности историографии: «Ознакомление с правом и политической экономией сделалось важным элементом дальнейшего развития, так как они явились как раз в разгар болезненных сомнений относительно роли и приемов "истории как науки". Забота о

развитии научной стороны предмета, в противоположность литературно-художественной, осталась и укрепилась, но внимание направилось не к социологическим построениям, пока шатким и чисто словесным, а к установлению причинной зависимости между отдельными рядами исторических фактов»¹³. Сомнение в научности истории, впрочем, осталось. В изданной в Лондоне в 1915 г. брошюре «Русская проблема» Виноградов вновь кратко касался этой темы. Неповторимость исторических событий не позволяет от знания фактов предсказывать последующие события. История не проективная дисциплина. Если в брошюре «Накануне нового столетия» Виноградов, подводя итоги ушедшему веку, оптимистически пытался обозначить сложившиеся исторические тенденции, могущие иметь продолжение, то теперь ограничивал научную перспективу истории лишь составлением фактов в связанную цепь развития. «История, – писал он, – не является наукой, позволяющей нам точно предсказывать будущие события, но указывает, рассматривали ли мы факты социальной жизни вне опыта или связывали их в единую цепь развития»¹⁴. В конце жизни ученый, правда, еще настойчивее высказывал сомнение в возможности построения истории в качестве науки. «Довольно трудно предположить, – писал он, – будет ли когда-нибудь история наукой; во всяком случае ясно, что она не является таковой в настоящее время, об этом можно говорить разве что в отношении экономической теории»¹⁵. Главный критерий научности, по мнению Виноградова, – формулирование гипотез, объясняющих большое количество фактов. Соответствие фактам подтверждает истинность теории, служит ее верификации. Появление фактов, которые теория не способна объяснить, приводят к опровержению гипотезы, факты фальсифицируют теорию. «В индуктивных науках, – разъяснял историк, – факты важны исключительно в их отношении к теориям, и новые теории определяют значимость новых фактов»¹⁶. Однако подобные научные «стандарты», полагал Виноградов, пока к истории не применимы. «Истории, – сожалел он, – рассматриваемой как воплощение истины, похоже, еще долго придется оставаться почти чисто описательной дисциплиной»¹⁷.

Отсутствие у истории прогностической функции – серьезный удар по ее научной репутации, но не смертельный. Он лишь сужает научные притязания истории. Так, более частный характер приобретает и историческая закономерность. Сомнение в возможности закономерного объяснения в исто-

рии сопровождается недоверием к обобщениям в исторической науке. Для того, чтобы выдержать научность исторических исследований, необходимо опираться на индуктивные умозаключения, следуя обобщающей логике которых можно было бы сформулировать исторические законы. Но это невозможно не потому, считал Виноградов, что мы не имеем нужного количества фактов для наиболее полного индуктивного обобщения, а как раз наоборот, потому что этих фактов слишком много и случайный характер большинства из них препятствует корректному умозаключению. «Действительно, – полагал ученый, – большое число примеров не всегда необходимо для установления закона, позволяющего легко выявить среди сопутствующих явлению обстоятельств существенные. Но в истории так много незначительных и случайных по своей природе сопутствующих обстоятельств, что ни одно широкое и простое обобщение не возможно»¹⁸. Более того, в истории ценны не законы, а сами по себе факты, и этим историография принципиально отличается от естественных наук. Это, конечно, не исключает возможности обобщений в истории и даже их ценности и важности. Необходимо лишь учитывать ограниченность подобных умозаключений, обусловленность их конкретными обстоятельствами. Выводы истории не носят обязательный характер, хотя, порой, любопытны и даже полезны. «Тем не менее, – уточнял Виноградов, – история играет роль в современных делах, но не столь прямую, определенную и решающую. Она может, во-первых, предлагать малые максимы, чья истинность, когда они однажды предложены для обсуждения, становится очевидной вне зависимости от событий, из которых эти максимы выведены... Везде, где помимо фактов из несомненных предпосылок может быть выведен простой дедуктивный аргумент, история может преподносить полезные наставления»¹⁹. Однако допустимость упомянутых обобщений Виноградов был склонен ограничивать лишь областью экономической истории. Вопрос об исторической закономерности неоднократно обсуждался в русской академической философии истории. Результат обсуждений, правда, был более чем скромным. Установление исторических законов осталось в сфере пожеланий. Чувствуя неудобство такой, компрометирующей научность истории безрезультативности, Н.И. Кареев, например, предпочитал говорить о «законосообразности», а не «закономерности» исторических явлений; а П.Н. Милюков, признавая сложность установления исторических законов, переносил их в компетенцию социологии. В итоге идея исто-

рической закономерности, как правило, заменялась концепцией многофакторности исторического развития.

К такому разрешению проблемы тяготел и Виноградов. Исторический процесс охватывает различные стороны общественной жизни и представляет собой результирующую взаимодействия многих сил, ни одной из которых в порядке постижения прошлого мы не можем отдать абсолютного предпочтения. «Конечная цель истории – выяснить условия действительного развития общества, как целого, в живом соотношении всех слагающих общество сил», – писал Виноградов во вступительной лекции в курс сравнительного правоведения²⁰. Разбирая известную книгу Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», он отмечал, что воздействие географической среды необходимо дополнить влиянием расы, а также теми следствиями, к которым приводили столкновения и смешения народностей. В результате Виноградов указывал на два основных вида «исторической обстановки»: географическую среду и этнографический состав населения.

Точное установление исторических законов – дело будущего; но уже сейчас ясно одно: они должны быть частным приложением общих законов социальной эволюции, рассмотрению которых с органической точки зрения Виноградов посвятил в 1898 г. цикл лекций «О прогрессе». Поиски законов социальной эволюции служат ориентиром для соответствующих изысканий историков. «Законы развития, – полагал Виноградов, – могут пока еще представляться в виде неясных очертаний, которые более определенно могут быть прослежены будущими поколениями работников, но теперь уже нельзя спорить о том, что совершается постоянный прогресс обобщений на прочно установленных посылах в направлении к ним»²¹. Многофакторность исторического развития вовсе не означает разнообразия исторической жизни, точнее, вариативности социальной эволюции. Универсальность цивилизационного развития воспринимается Виноградовым как всемирно-исторический процесс; по его словам «в исторической жизни нам дано чувствовать солидарность больших организаций, которые неизмеримо возвышаются над личной жизнью государств и национальностей, образуя всемирную историю»²². Развитие цивилизованности или культурности такой же всемирно-исторический процесс, как и рост солидарности или кооперации. Если всемирная история ранжирует народы по степени их большей или меньшей развитости, то история цивилизации несколько сглаживает эту иерархию тем, что сопоставляет разные наро-

ды различным этапам, стадиям общего цивилизационного процесса. Всемирная история и есть для Виноградова история единой цивилизации. История цивилизации предпочтительнее в том отношении, что она дает больше возможностей пользоваться сравнительным методом, а, значит, согласно Виноградову, и больше уверенности в научности самого познания прошлого. В одном из последних университетских курсов, прочитанных им в Москве до отъезда в Англию, он выражал эту мысль следующим образом: «...во всем, что принадлежит истории, т. е. памяти и сознанию, в конце концов везде обнаруживается та же солидарность, и хотя она [не?] достигает такой конкретной самостоятельности, как в процессе образования языка или государственных учреждений и права у одного и того же государства, но, спрашивается, в самом деле, не представляет ли история человечества, помимо общего характера действий тех или других учреждений, помимо общности права, еще солидарной культуры, которая завязывается далеко на востоке и идет до нашего времени. Это самосознание культурного человечества в последнее время вызывает стремление к так называемой истории цивилизации, в противоположность истории отдельных народов и государств. Эта история цивилизации, уже вследствие своей объективности и устранения от себя забот и стремлений отдельных национальностей и отдельных исповеданий, становится шире и беспристрастнее в своем повествовании, являясь тем основанием, которое дает нам возможность стремиться к научным обобщениям, возможность сравнительных операций над историческим материалом»²³. Кажущееся многообразие цивилизаций, вариативность путей цивилизационного развития, по мнению Виноградова, проистекают от многогранности самой исторической жизни и отражающей ее многоаспектности понятия цивилизации. Согласно историку, «в сущности одной исключительной классификации в данном случае и быть не может. Общепринятое распределение тем и слабо, что оно набирает в одну систему разнокалиберные признаки. А научных периодизаций может получиться столько же, сколько есть разных сторон в самом понятии цивилизации. По социальному критерию факты расположатся одним образом, по политическому – другим, по религиозно-философскому – третьим»²⁴.

Разработка теоретико-методологических проблем истории началась еще в XVIII столетии, но научный облик истории – заслуга XIX в. Именно рост научности во всех сферах человеческой деятельности определил индивидуализирующие чер-

ты XIX столетия. «Поколения девятнадцатого века, – характеризовал Виноградов свою эпоху, – осознали воодушевляющую силу религиозных чувств; пытались возродить философские системы прошлых времен; подняли структуру теоретической и прикладной науки на такую высоту, которая едва ли могла быть представлена два века назад»²⁵. В авангарде онаучивания истории стояли английские ученые. Виноградов связывает новый взгляд на исторические проблемы и новый способ их осмысления с практикой политической жизни Англии. «Историческое исследование в истинном смысле слова, действительно, – настаивал он, – впервые появилось только в XIX в., и более успешно это происходило в Англии, чем в других странах, потому что Англия опережала континентальные государства в политическом отношении: влияние образованного общества на политические дела позволило ему легче понять условия политического развития»²⁶. Влияние политической обстановки, впрочем как и других сторон современной жизни на историческую науку, неоднократно подчеркивалось Виноградовым. Согласно наблюдению Б.Г. Могильницкого: «Проблема отношения между современностью и историей является центральной в историографических обзорах Виноградова»²⁷. Так, в статье по поводу известия о кончине Л. фон Ранке Виноградов специально оговаривал влияние эпохи, точнее, политических событий в Европе в 1812–1840-е гг. на становление взглядов немецкого историка. Исследователь указывал на «связь между действительно борьбою того времени и образованием нескольких основных мнений и приемов историка»²⁸. Два направления более всего отразились на работах Л. фон Ранке: романтизм, допускающий и оправдывающий иррационализм, мистицизм, чувственность и бессознательное, и рационализм, последовательно проводящий идею развития, что лучше всего заметно в гегелевской философии истории. И далее он писал о Л. фон Ранке, что «его отношение к историческим событиям проникнуто теми общими принципами, которые он развивал для современности»²⁹; «Политическая обстановка много содействовала образованию основных взглядов нашего историка»³⁰. Немецкий ученый понимал историю как историю государства и подчинял ей историю религии, учреждений, правовых отношений и хозяйственных условий. «С точек зрения, достигнутых современною наукою, – констатировал историк, – такая постановка является недостаточной, не обнимающей всего исторического содержания. По всем затронутым вопросам хотелось бы пойти дальше и глубже»³¹.

С аналогичной точки зрения Виноградов воспринимал и работы А. де Токвиля. О затронутых французским историком проблемах «почти невозможно наблюдать спокойно и рассуждать беспристрастно»³². В публичной лекции, посвященной Т.Н. Грановскому, прочитанной 11 февраля 1893 г. в пользу комитета грамотности Виноградов, в образной форме выражал ту же идею: «Как световые лучи собираются в фокусе человеческого глаза, так в голове мыслителя сосредоточиваются и своеобразно преломляются лучи идей, которые попадают на него с разных сторон, из различных умственных центров его времени»³³. В рассуждениях Виноградова звучат отголоски спора между Ю.Ф. Самариным и Б.Н. Чичериным о народности в науке. «Ведь ход мыслей, конечно, – пишет он, – зависит не от одного логического сцепления их, а значительно определяется обстановкой»³⁴. Обсуждая 1 июня 1893 г. в письме к К.Н. Бестужеву-Рюмину возможность публикации лекций Т.Н. Грановского, Виноградов пояснял свою установку. «Можно было бы, – писал он о своем выступлении, – и даже я мог бы сказать гораздо больше и об общественной деятельности Г[рановского] и об отношении его к западничеству и славянофильству. Но меня лично особенно интересовал вопрос о роли Г[рановского] в исторической литературе и, признаюсь, этому вопросу я пожертвовал многим»³⁵.

Отличительным признаком историографии XIX в. является забота о научной репутации истории. И здесь внешние обстоятельства во многом определяли и направляли исторические поиски ученых. Виноградов отмечает несколько ключевых политических событий, которые не только составили историческую эпоху, но и изменили ориентиры исторических исследований: Французская революция конца XVIII в. и последовавшая за ней реакция. «Переворот во взглядах на историческую работу, – утверждал он в одном из лекционных курсов, – совпал по времени с переворотом в общественных и политических условиях, стал движением, которое известно под именем Французской революции и которое вызвало сильное возбуждение умов в Европе. Это совпадение не может быть признано случайным; эти 2 движения не только совпадают во времени, но и зависят друг от друга»³⁶. «Если Революция, – пояснял ученый далее свою точку зрения, – была учительницей истории, что факты политической жизни податливы, то реакция была тоже учительницей того, что известные традиции крепко держатся, несмотря ни на какие порывы»³⁷. «Все это были исторические уроки, которые писались кровью. Ни один век не

сделал столько для истории, как проученный революцией и реакцией девятнадцатый век», – заключал Виноградов³⁸.

С точки зрения современности ученый предлагал оценивать и историю средних веков. Причинно-следственная цепь событий связывает прошлое с настоящим. Современность лишь замыкает каузальный ряд, теряющийся во тьме веков. Современность всего-навсего вершина причинно-зависимого корневища. Исходя из такого понимания, Виноградов рассматривал средневековье в качестве отдаленной причины происходящих событий. «В самом деле, – рассуждал он в лекционном курсе, – если смотреть на средневековую историю как на ряд отдаленных причин, то может, мне кажется, скоро возникнуть вопрос: не являются ли эти отделенные причины в то же самое время и причинами основными, именно потому, что в это время складывались первоначальные условия, вырабатывались общие формы существования европейских народов, с которыми приходится считаться и до сих пор»³⁹. Прежде всего ученый имел в виду то сочетание римских и германских элементов, которое сложилось в раннем Средневековье. Актуализация, а зачастую и преувеличение исследователем значения своего любимого предмета, эпохи, проблемы – обычное явление в науке. Виноградов обосновывает свой исследовательский интерес теоретической схемой, подводя исторические периоды под этапы жизни исторического организма. В результате, средневековье соответствует тому возрасту исторической индивидуальности, в который сложились политические, социальные, национальные и религиозные особенности современных европейских народов.

Что же касается того времени, в котором формировались исторические воззрения самого Виноградова, то здесь русский ученый говорит скорее о неопределенности современной эпохи, лишенной стимулирующего влияния ярких политических событий. «Мы не так счастливы, – признается он в статье о И.В. Киреевском, – как люди тех времен, – мы не застали ни старого порядка, ни кризиса, его опрокинувшего; мы... заняты частными, специальными работами, применением к новым условиям со всеми их местными особенностями и временными неудобствами. По необходимости работа идет в разброд и довольно случайно»⁴⁰. Политическая жизнь знает эпохи стабильности и эпохи изменений. Подстраиваясь под ритм политических обстоятельств в науке также чередуются периоды интенсивного развития и застоя. Поэтому, характеризуя состояние современной историографии, Виноградов с этой точки зре-

ния оценивал и свою эпоху. «А в исторической психологии, – писал он, – такая разрозненность – условие роковое: она тотчас отражается на самом свойстве достигаемых результатов»⁴¹. Для сравнения приведу диагноз В.О. Ключевского, поставленный русской исторической науке последних четырех десятилетий XIX в.: «Работа русской историографии идет ровным ходом и в довольно миролюбивом духе. Былые богатые битвы западников с славянофилами затихли и вместе с своими богатырями отошли в область героической эпопеи русской историографии... Новых направлений с принципиальными разногласиями не заметно; слышны только споры методологического или экзегетического характера»⁴². Однако не следует думать, что Виноградов полностью подчинял развитие науки политическим перипетиям современности. Историческая эпоха, конечно, неизбежно сказывается в историографии, но при этом наука обладает и своей имманентной логикой развития. «Школы, – писал ученый о складывающихся в историографии направлениях, – сменяют друг друга не в силу каприза или талантливости отдельных ученых, а в силу общих условий, действующих помимо прямого заимствования и сплетающих разноплеменных исследователей в теоретические группы. Толчок для образования групп приходит из практики, то есть, из общей исторической жизни, отовсюду облегчающей науку, образующей ученых, подсказывающей решения. И тем не менее теоретическое развитие самостоятельно – самостоятельно настолько, что вся сила этой многообразной жизни не в состоянии прервать или повернуть назад его течения, а принуждена склонять его в новых и новых изгибах все в том же поступательном направлении»⁴³. Воздействие политических событий, как и вообще любые внешние влияния на науку не являются исключительным фактором развития научной мысли. В равной мере наука трансформируется в зависимости от вновь открытых фактов и их дополнительной интерпретации. Достижения историографии, новые точки зрения и гипотезы также участвуют в развитии науки. «Всякое развитие научной мысли, – по словам Виноградова, – совершается под влиянием трех процессов. Во первых, под влиянием расширения материала, во вторых, под влиянием того, что каждое поколение или школа принуждены развивать работы предшественников, так как мысль не стоит на одном месте и с каждым днем являются все новые и новые запросы. В этом случае историография представляет как бы ряд вопросов, ответов и доказательств. Сам процесс разработки материала называется диа-

лектическим. Наконец, 3-ий процесс, обуславливающий движение научной мысли, есть процесс влияния или воздействия, который приходит со стороны обстановки и жизненных условий, так как полного разделения разработки научных вопросов в кабинете ученого и в сфере обыденной жизни быть не может»⁴⁴.

В предисловии к раннему изданию курса лекций по истории Греции Виноградов подробнее рассматривал условия развития историографии. Он указывал на четыре фактора, под влиянием которых формируется историческая литература. Первый из них – это тот материал, изучению и обработке которого отдают предпочтение историки в разные периоды. «Дело в том, – рассуждал ученый, – что в исторической литературе одна эпоха работает над одним материалом, а другая над другим. Чем дальше работают, тем полнее и шире захватывают материал»⁴⁵. Выбор ученым того или иного материала, а также полнота самого материала не поддаются рациональному объяснению; исследователь может их лишь констатировать. Здесь следует признать значительную долю случайности. «Можно заметить, – отмечал Виноградов, – что каждая эпоха ищет себе нового материала в известном определенном направлении, что одна эпоха больше хлопочет о том, чтобы найти рукопись поэта, а другая – найти больше административных надписей. Но все-таки роль случайности в этом случае наибольшая... влияние материала всего труднее объяснить совершенно рациональным образом»⁴⁶.

Фактор, зависящий уже исключительно от сознания и воли историка, – это используемые им методы исследования. Виноградов имеет здесь в виду как частные приемы исторического изучения, так и общенаучную методологию, а также универсальную логику развития мышления вообще, которую он называет диалектикой. «Вторая серия влияний, которую в данном случае приходится отметить, – признавал ученый, – может быть сведена на ту внутреннюю методологическую работу, которая происходит в самой науке, и которую я для краткости буду называть научной диалектикой... в обще-философском значении, как обозначение логического раскрытия и развития мыслей»⁴⁷. Диалектический уклон мышления историка позволяет не только, следуя формально логическим процедурам, проследить конкретность выводов в рассуждениях, но и оценить сами посылки. Указание на диалектику влечет и ожидаемое упоминание Гегеля. «Диалектический процесс, если отбросить все, что производит влияние со стороны, –

уточнял Виноградов, – процесс этот более или менее находится под влиянием трех основных операций. Сначала устанавливаются известные факты и взгляды (тезис у Гегеля). Затем появляется противоречие (антитезис), раскрываются противоречивые элементы в установленном и высказываются противоположные утверждения.

Наконец, делается попытка примирения противоречий в высшем единстве (синтез)⁴⁸. Обращение к диалектике для Виноградова – не демонстрация несколько чужеродных для позитивиста философских симпатий, а необходимый шаг к уяснению специфики исторического мышления, поскольку «диалектическая связь развития является существенным элементом всякого мышления, всякого построения, которое оправдывает себя доказательствами и что она ясно обнаруживается в историографии»⁴⁹. «Диалектически процесс в историографии, – конкретизировал ученый свою мысль, – сводится, значит, к тому, что одно поколение отмечает пробелы в мышлении другого и старается или опровергнуть их, или возвыситься от них до объединяющих точек зрения»⁵⁰.

На этом же основании, полагал Виноградов, всякое историческое изложение следует начинать как с определения методологических установок, так и с историографического обзора. Более того, методологические приемы лучше всего проследить на примере существующей исторической литературы. Историография служит материалом на основании которого выявляются методологические и теоретические посылки исторического исследования. Историографический обзор фиксирует, «как вопросы ставились, в какой последовательности и с каким успехом разрешались. Интерес этих наблюдений будет происходить от того, что историческая литература представится наблюдателю не как случайная последовательность талантливых и трудолюбивых, гениальных и ограниченных сочинений... все отдельные явления литературы мало-помалу сложатся в стройное целое, целое, обладающее – органическим развитием, в котором случайность, личный подвиг, личный талант подчинятся общим течениям, общим направлениям»⁵¹.

Третий фактор, о котором писал Виноградов, – «влияние наук родственных, соседних»⁵². Прежде всего, это, конечно, науки естественные. Полученные в них данные и выводы дополняют исторический материал, расширяют кругозор историка и стимулируют его мысль. Историк начинает более критично относиться к основным положениям своего подхода или к особенностям своего восприятия и обработки материала, и в

результате уточняет или пересматривает всю концепцию. «Опасность работ, замкнутых в специальности, – предостерегал исследователь, – заключается в том, что круг возможных разрешений исчерпывается, и начинается работа в пустоте; очень точная, очень правильная и очень бесплодная, то, что мы называем схоластической работой в дурном смысле этого слова. Сплошь и рядом для того, чтобы переменить посылки, чтобы дать свежую почву для дальнейшей работы, крайне важно проникновение точек зрения из какой-нибудь соседней области»⁵³. Для самого Виноградова такой смежной дисциплиной была юриспруденция. Вторжение историков в область юридической науки он считал не только допустимым, но и соответствующим научным тенденциям своего века. Он, в частности, признавал взаимную пользу такого интереса, полагая, что «в мышлении ученых юристов самым решительным образом сказалось влияние мышления историков»⁵⁴. Это позволило Виноградову утверждать, что «19 век не только век естественных наук, но в значительной степени и век истории»⁵⁵. Для самой историографии XIX в. одним из итогов подобной научной метисации стала разработка вопросов внутренней истории, «возбуждаемая» успехами политической экономии и права.

Четвертый фактор развития историографии состоит в неоднократно упоминаемом Виноградовым согласовании исследования с нуждами и запросами своего времени. Историк – сам представитель определенной исторической эпохи и ничто историческое ему не чуждо. По образному выражению Виноградова, «никто из своей кожи выскочить не может, каждый так или иначе является представителем своего времени, своего народа. Поэтому и мысль каждого ученого работает с известными свойственными времени и положению ограничениями и сноровками. Он будет хорошо видеть и сильно чувствовать то, что в значительной степени понял, увидел и почувствовал в своей собственной действительности»⁵⁶.

Связь историографии с эпохой непосредственно сближает ее и с искусством, поскольку только искусство стремится воспроизвести и передать всю полноту текущей жизни. История обречена быть синтетической дисциплиной, восполняющей разнообразие исторической жизни силой художественного воображения и интуиции. Как пишет Виноградов, «в основе эта способность художественная, поэтическая. Нельзя ни в каком знании обойтись одним логическим процессом. Самые замечательные открытия делаются чутьем или отгадыванием. Особенно велика область художественного творчества в ис-

тории, потому что она охватывает все формы жизни в прошлом и главную свою задачей ставит не характеристику отдельных сторон хозяйства, права, литературы, науки, религии – порознь, а изображение сложного взаимодействия, так называемой *жизни*»⁵⁷. Примером такого синтетического подхода может служить творчество Л. фон Ранке, который дополнял научный анализ и фактологическое исследование мастерством своего художественного таланта. «Для него история – наука, поскольку она искусство», – заключал Виноградов⁵⁸.

Неустраняемая синтетичность историографии отражается на «энциклопедичности задачи»⁵⁹, стоящей перед историком. Для успешного ее разрешения историку нужны знания и сведения из области экономики, богословия, литературы, искусства, права. Религия в ряду перечисленных дисциплин занимает особое место, поскольку менее всего претендует на научность. В «Очерках западно-европейской историографии»⁶⁰ – этом своеобразном отчете Виноградова о современном состоянии исторической науки, написанном на основе анализа работ прежде всего английских, итальянских и немецких ученых, он отмечал определяющую роль религии в формировании того, что можно назвать идейным фоном эпохи. Представления, идеи, убеждения, из которых в своей работе исходит историк в значительной степени складываются под воздействием тех или иных религиозных воззрений. По словам Виноградова, «не трудно показать, что если брать во внимание крупные исторические периоды, благотворное влияние религии на нравственность и практическую жизнь прямо пропорционально силе теоретических убеждений; что самое отделение морали от вероучения свидетельствует о распадении или ослаблении религии; что в борьбу с принципом свободы действительно может вступать только принцип авторитета»⁶¹. Так, согласно Виноградову, событиями, предрешившими историю Европы в Новое время были реформация и контрреформация. «Реформация и борьба с реформацией в значительной степени определили судьбы европейских народов», – писал он в рецензии на докторскую диссертацию Р.Ю. Виппера⁶². Осмысление религии как исторической силы вводит в социально-историческую концепцию Виноградова еще одну тему – роль идей в истории. В тех же «Очерках западно-европейской историографии» он касался этого вопроса, рассуждая о значении «культурного идеала», на примере такого исторического явления, как рыцарство, в частности, разбирая книгу Фримана «William Rufus»⁶³. Другим примером реального воздействия идей на об-

щую динамику исторического процесса и его конкретные проявления может служить рецепция римского права в средние века – излюбленный исследовательский сюжет Виноградова. Посвятив данной теме один из последних прочитанных им в Московском университете курсов, правда, уже в качестве приглашенного профессора, он следующим образом подводил итог своим разысканиям: «История римского права в средние века свидетельствует о скрытой мощи и организующей силе *идей* среди изменчивой обстановки фактов»⁶⁴.

Идеи, идеалы, цели – неустранимый, сугубо человеческий и в этом отношении существенный признак истории. Если что и выделяет историю из природы, так это наличие в ней интеллектуальной составляющей. «Важно, – подчеркивал Виноградов, – что без проникновения в сферу идеалов не может быть и речи о научном изучении человечества»⁶⁵. Исследование человеческого общества, особенно его цивилизационного развития, также предполагает преимущественное внимание к идеальным истокам социальной организации. Ссылаясь на В. Вундта, Виноградов отмечал, что «эволюция человеческой цивилизации немыслима без ведущей нити интеллектуального общения и размышления»⁶⁶. Ключевая роль в этом процессе принадлежит языку, чьи социализирующие потенции не способна компенсировать ни одна другая форма человеческого деятельности. «Он, – писал Виноградов о социальной функции языка, – дает возможность индивиду общаться не только с ближайшим окружением и не только в отношении простейших потребностей и чувств: он поднимает индивидуальное сознание до социального сознания у всех племен и всех народов в мире»⁶⁷. Подобное восприятие истории наталкивает исследователя на смысловое постижение прошлого, основания которого непосредственно не выводимы из известных фактов. Доступные историку данные о прошлом следует объединять в смысловые комбинации – исторические события, эпохи, периоды. Примером подобного подхода может, например, служить проблема начала средних веков. Согласно Виноградову, «такого рода обширный период не может начинаться с определенного года... Дело не в каком-либо определенном факте, но в ряде бытовых изменений»⁶⁸. Отсюда вытекает и требование типологической обработки фактов, согласно которой многообразие исторических явлений необходимо сводить к нескольким «руководящим принципам», «организующим идеям»⁶⁹.

Признавая, таким образом, значение идей и религии как

исторической силы, Виноградов все же усматривал прогресс исторической науки не в разрешении богословских вопросов и изложении истории церкви. Более заметные изменения в историографии, как уже указывалось, были вызваны ее сближением с другими науками. Главенствующее место среди научных образцов и приоритетов занимают, конечно, науки естественные. Естествознание выступает в первую очередь в качестве методологического эталона для истории. «Прежде всего, – фиксирует Виноградов умонастроение своего времени, – 2-я половина нашего века [находится] под влиянием того взгляда, что историческая наука по методу исследования должна приближаться к наукам естественным»⁷⁰. Общий позитивистский настрой эпохи лишь усиливал доверие к естествознанию. Однако и естественные науки движутся навстречу истории, обнаруживая в пределах своей позитивной программы историческое измерение. «Истинное влияние естествознания на историю, – замечал Виноградов, – начинается, когда само естествознание прониклось идеей превращения и развития и выработало себе, по выражению одного из наших выдающихся естествоиспытателей, исторический метод. Теоретическим понуждением к такому обороту дела послужила идея единства и круговорота сил природы»⁷¹. Сам Виноградов в лекциях «О прогрессе» находился под обаянием эволюционной концепции Г. Спенсера. Отсюда и биологические аналогии, распространяемые русским ученым на историю. На тех же предпосылках спенсеровского эволюционизма, в частности, немногим ранее строил свою теорию исторической эволюции Н.И. Кареев, посвятив ее обоснованию два тома «Основных вопросов философии истории». В качестве локального приложения этой теории он попытался создать теорию литературной эволюции («Литературная эволюция на Западе». Воронеж, 1883.). Виноградов не пошел столь далеко в исторической конкретизации позитивистской доктрины, как его коллега, а ограничился лишь общим рассмотрением воздействия естественных наук на историю. К чести Виноградова надо сказать, что он не заиклился на прямом перенесении методов естествознания на историю, а подошел к ним достаточно критически. Ближе всего к истории стоят науки также изучающие жизнь. История как наука о живом теснее всего сходится в этом отношении с психологией и биологией. Но даже и они не способны полностью элиминировать ни специфику исторической реальности, ни особенности исторического познания. Более того, здесь таится опасность редукционизма, сведения исто-

рических проблем к проблемам, лежащим вне сферы ее компетенции. Заманчивые перспективы скорых научных дивидендов не прельщают Виноградова, и он, не удовлетворяясь таким сближением, отказывается от попыток биологизации и психологизации истории. Как пишет ученый, «все эти теории в конце концов придавали точному изучению исторического процесса второстепенное значение, все отправлялись от общих положений, добытых на стороне, и применяли эти общие положения к материалу без должного внимания к его собственным характерным чертам и требованиям»⁷². «И приходится сказать, — подытоживал Виноградов свои наблюдения, — что наличный исторический материал не оправдывает слишком всеобъемлющих, слишком самоуверенных указаний на ход исторического прогресса»⁷³.

Частным приложением органического подхода к истории стал эволюционистский взгляд на развитие историографии. В эволюционной точке зрения реализуется научная и социологическая направленность современной историографии. Это, например, характерно для работ Белоха и Мейера; «в них нельзя не усмотреть большого социологического и научного успеха»⁷⁴. Научность эволюционизма обеспечивается отсылками к естествознанию, успешно применяющему его в своей исследовательской практике. «И мне кажется, — признавался Виноградов, — что современная историография, опирающаяся и на сравнительное изучение права, и на сравнительную этнографию, и на политическую экономию, и на естественные науки, — имеет главную цель показать: во-первых, в каком порядке и при каких условиях примыкают друг к другу главные формы человеческого развития и, во-вторых, в каком направлении идет движение. Второй вопрос в сущности выходит из сферы присяжной истории и связан с общей наукой о социальных явлениях, но это дело не меняет»⁷⁵. В то же время необдуманное применение идеи эволюции может исказить ход исторического исследования. Главная опасность здесь кроется в чрезмерной универсализации исторического процесса. «Идея эволюционная в приложении к историческому развитию, — писал Виноградов, — идея капитальная, но под условием, чтобы отмечать не только то, что является общим между развитием естественных организмов, с одной стороны, и развитием человека и групп общественных организмов, с другой. Важно отмечать не только то, что есть общего и сходного, но важно считаться и с отличиями»⁷⁶.

Иное методологическое обоснование истории способны

дать так называемые «моральные науки». Их метод состоит в телеологическом рассмотрении общественных явлений. Телеологизм, ближайшие образцы которого могут быть взяты из сферы жизненных процессов, лучше всего подходит и к историческим образованиям, понимаемым Виноградовым в качестве органических явлений. «Человеческое мышление, — предлагал ученый свое различие, — может рассматривать наблюдаемые им факты с одной из двух точек зрения: оно может наблюдать их взаимоотношения извне и стараться связать их в отношении к сознательной деятельности человека и оценивать по связи целей и средств. Первая точка зрения присуща естественным наукам. Вторая точка зрения свойственна моральным наукам. Разовьем это различие несколько полнее. В моральных науках мы замечаем две основные идеи, которые обуславливают особый характер этой отрасли знания и ставят их в противоположность к нашим понятиям об окружающей внешней природе — идеи воли и разумной цели»⁷⁷. По основным своим параметрам и характеристикам история в большей мере вписывается в сферу моральных наук, нежели естественных.

Помимо общетеоретических оснований, конкретные исторические работы Виноградова имели источник и в предшествовавшей историографической традиции. Д.М. Петрушевский упоминает влияния, сказавшиеся на виноградовской концепции происхождения феодализма. Это немецкая историческая школа конца XVIII — начала XIX в., а также взгляды русских народников, «школа общинников»⁷⁸. Виноградов сам в предисловиях обосновывал актуальность выбранной темы недавними спорами вокруг крестьянской общины и наделов, вызванных отменой крепостного права в России. Все еще актуальная для России последней трети XIX в. проблема крестьянской общины рассматривалась Виноградовым на примере английской аграрной истории. «Изучить общинный и крепостной строй, — писал Е.А. Косминский, — установить их соотношение и взаимодействие, проследить судьбы того и другого было легче на примере страны, где тот и другой прodelали уже весь круг своего развития. В этом отношении Англия могла быть классическим образцом»⁷⁹. История Англии служила для Виноградова своего рода парадигмой эволюции общинного землевладения. Исследовать эту проблему применительно к России в таком объеме и с такими выводами, как это позволял английский материал, историк не мог еще и по политическим соображениям. Болезненность крестьянс-

кого вопроса могла иметь политические, если не полицейские последствия.

Виноградов указывал на отличия немецкой историографии от английской. «Место общего изложения, — писал он в «Очерках западно-европейской историографии», — занимает исследование, место широких тем — специальные вопросы»⁸⁰. Можно дополнить историографические предпочтения, которые отмечал сам Виноградов. Так Л. фон Ранке, согласно русскому ученому, «был историком внешнего, а не внутреннего развития»⁸¹. Явной симпатией проникнута характеристика Виноградовым исследовательской программы Фюстель де Куланжа — этого, по его словам, историка «в широком смысле слова»⁸². «Его изучение прошедшего, — писал Виноградов в реферате, прочитанном 6 ноября 1889 г. в заседании Московского юридического общества, — всегда задавалось целью не разрешить те или другие частные вопросы, а объяснить руководящие принципы целых периодов человеческого развития; при этом внешние исторические события, смена царствований, подробности войны и дипломатии совершенно ступшевыаются, все внимание сосредоточивается на внутреннем строе: верования, нравственный склад, право, хозяйство, учреждения — вот что составляет содержание работ Фюстель де Куланжа»⁸³.

Идеал внутренней истории лучше всего согласуется с тем назначением исторической науки, которое виделось Виноградову. По существу, история понимается им как наука самопознания. Подобный взгляд на историю не новость. Достаточно упомянуть, что его развивал, например, С.М. Соловьев, чьи лекции в Московском университете посещал Виноградов будучи студентом. В принципе самопознания Виноградов непосредственно усматривает научную сторону истории. «Можно сказать, — осторожно начинает он свое рассуждение, — что у нас есть одно особенно важное основание для того, чтобы двигать научную разработку истории. Оно заключается в том, что, как сказано давно, история есть одна из форм самопознания»⁸⁴. Научный потенциал самосознания, по существу, заключается в изучении многообразных сторон минувшей жизни. «Историк, — дает Виноградов свою редакцию соловьевского тезиса, — не учит, чему верить, как думать, как отличать добро от зла, как вести хозяйство, как управлять государством, как издавать и применять законы: он изучает, как и почему протекла судьба обществ, которые жили известными верованиями и мировоззрением, по-своему понимали добро и зло, вели хозяйство, строили государства, создавали и применяли право.

Изучение общества в его прошлом, несомненно, является одним из самых могущественных средств, которыми человеческий дух стремится понять себя и окружающий мир»⁸⁵. Вероятно, и общее влияние «юридической школы» в русской историографии, к которой принадлежал С.М. Соловьев, не прошло даром для теоретико-методологической и исторической концепции Виноградова.

Изучение внутренней истории предполагает многосторонний взгляд на минувшие состояния общества. Задача историка интегрирующая: свести в единое целое различные стороны исторической жизни, представить их в неразрывной связи и развитии. Там, где это не удастся, работа историка остается незавершенной. «Руководство по древностям, – писал Виноградов в рецензии на английские работы по античной истории, – во всяком случае, могут иметь только вспомогательное значение, потому что они рассматривают факты с особой, неисторической точки зрения: их прямая цель – представить состояние государственного, административного права, судостроительства и судопроизводства известных эпох, а не условия и причины развития, тем менее общий синтез исторической жизни, в которой учреждения входят только одним из нескольких элементов»⁸⁶. В этом отношении синтетический метод в исторических исследованиях предпочтительнее аналитического. По крайней мере, Виноградов выступает против резкого разграничения синтетических и аналитических приемов. «В двух отношениях, – разъясняет он в статье о Фюстель де Куланже, – синтетический прием может оказать великие заслуги изучению даже ранее, чем исчерпан анализ наличных данных. Добытые по известному вопросу результаты не могут игнорироваться при изучении следующего вопроса; они войдут важную составную частью в это изучение наравне с прямо относящимися к нему фактами, а выводами, привнесенными со стороны на основании уверенности в неразрывной, живой связи целого»⁸⁷.

Следующее плодотворное применение синтетического метода Виноградов усматривает в гипотезах, которые он также называет «предварительными синтетическими комбинациями». Гипотезы, уточняет ученый, «вытекают не из его (наличного материала. – А.М.) всестороннего расследования, а из общих соображений, отдельных наблюдений, инстинктивной или глазомерной оценки»⁸⁸. Гипотезы служат достраиванию разрозненного исторического материала до исторического целого. Гипотеза, понимаемая как необходимый прием научного исследования, при историческом изучении как бы компенси-

рует недостаточность прочих научных методов, прежде всего непосредственного наблюдения и эксперимента. Отсюда возрастающая роль гипотез в историческом исследовании при неизбежной привязке их к имеющимся, пусть и отрывочным, фактам. «В истории, — развивал свою мысль Виноградов, — при неприменимости количественных измерений и экспериментальных методов, при отрывочности материала и чрезвычайной сложности задач, устранить такие гипотезы значило бы отказаться от самого изучения. При всякой характеристике целого, взаимодействий его частей, процесса как взаимного отношения причин и следствий, приходится выставлять такие предварительные гипотезы и сосредоточивать всю строгость методологических требований не на стеснении этого необходимого фазиса изучения, а на тщательной проверке предложенных комбинаций наличностью имеющихся в распоряжении данных»⁸⁹. Именно мастерское владение приемами исторического синтеза Виноградов больше всего ценил у Л. фон Ранке и Т.Н. Грановского. «Истинная сила Грановского, — писал он в статье о русском историке, — заключалась в историческом синтезе, в способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты в одно целое, указывать взаимодействие, зависимость»⁹⁰. Являясь в определенном смысле наследником Т.Н. Грановского на кафедре всеобщей истории Московского университета, Виноградов обнаруживает и общий с Т.Н. Грановским исследовательский интерес: не просто история средних веков, а изучение переходных эпох. Для Виноградова такой переходной эпохой было происхождение феодализма.

Однако история как наука не может остановиться на гипотезах. Гипотезы требуют дальнейшей проверки, удостоверения или опровержения. К более точным заключениям история приходит тогда, когда она сближается с социологией, изучающей универсальные формы общежития, повторяющиеся социальные явления. «В истории же в ее наиболее сложных частях, — признавал Виноградов, — доказательная сторона поставлена неудовлетворительно. Однако и в исторической науке есть такие отделы, в которых она сходит с почвы гипотез. Дело в том, что некоторые формы человеческого общежития однообразны; а чем они однообразнее и проще, тем легче подвергать их научному анализу. И одной из самых простых форм являются группировки социальные и политические...»⁹¹ К этой же категории явлений можно отнести анализируемые на основе этнографических данных родовые отношения.

Стоит затронуть еще одну тему общеисторических и теоретических изысканий Виноградова подробно, впрочем, им не разработанную — отношение общего и индивидуального в историческом исследовании. Историк, как правило, ограничивается изучением отдельных фактов. Однако и синтетический характер самого исторического исследования и задача научно понимаемой историографии вынуждают ученого выходить за пределы конкретных эпох или народов к обобщению. «С методологической точки зрения, — настаивал Виноградов в "Villainage in England", — столь же допустимо изучение "универсалий", на которые всегда указывает индивидуальное бытие, хотя оно и не создает их, но кажется составленным в каждом случае из отдельных элементов»⁹². Поясняя далее свою теоретико-методологическую позицию в предисловии к той же книге, он писал: «Все предметы и стороны общественной жизни, если рассматривать их в целом, схематично изучаются историками в приложении или отгадываются как загадки древности, выходящие на передний план и признаваемые как реально важные части истории. Словом, изучение прошлого колеблется между двумя крайностями: мелочным исследованием, не ведущим к общим результатам и общими утверждениями, не опирающимися ни на какой поиск фактов»⁹³. В каком-то смысле задаче исторического синтеза может соответствовать интерес к великим людям в истории. «Великий человек, — отмечал Виноградов в статье о Л. фон Ранке, — есть живое сосредоточие общих течений своего времени: рассмотрев общие течения, необходимо принять во внимание и жизненную искру, которая сводит их в индивидуальную личность»⁹⁴. Однако анализ роли великих людей не решает проблемы соотношения общего и индивидуального в истории; да и «общие течения времени» трудно принять за научное обобщение. Впрочем, Виноградов никогда не абсолютизировал роль личности в истории. Выбираемые им для изучения исторические явления (происхождение феодализма, рецепция римского права и т. п.) рассматриваются как социальные, а не личные процессы. Показательно в этом отношении высказывание Виноградова, приводимое В.А. Маклаковым: «Мой идеал, сказал он мне раз, прочитать историю средних веков, не назвав ни одного собственного имени. Они не нужны для ее понимания»⁹⁵. Даже обращаясь к современным реалиям, он подчеркивал безличный характер происходящих событий. Болезненно воспринимая деформацию эволюционного пути общественного развития, Виноградов в статье «Россия. Психология нации»,

опубликованной в газете «Таймс» 14 сентября 1914 г., скорее для самоуспокоения, чем для английских читателей утверждал: «К счастью, ход истории не зависит от неистовых преувеличений сторонников»⁹⁶.

Исходной точкой исторического исследования является документ в том смысле, что документ непосредственно отсылает к тому, что было на самом деле, т. е. к реальности. Действительность, всамделешность истории как науки или даже просто как рассказа обеспечивается именно документом. «Более того, — полагал Виноградов, — в одном документе жизни больше, чем в пятидесяти историях (за исключением очень немногих лучших); по той простой причине, что он содержит в себе то, что принадлежит этому действительному прошедшему, он имеет странную живую жизнь-в-смерти (life-in-death), как будто принадлежит нашему собственному прошлому, которое порой способны пробудить определенный звук и аромат»⁹⁷. Документ раскрывает фактическую сторону историографии, точнее, наличие документа и есть подтверждение самого факта, удостоверение его существования. Утверждения истории становятся истинными лишь прикрепляясь к фактам посредством документов. Истинность истории, в свою очередь, поднимает ее до уровня знания, ценность и сила которого в новейшей европейской науке неоспорима, по крайней мере, со времен отца индуктивного метода Ф. Бэкона. Однако на установлении фактов историческое исследование не заканчивается. Следующий шаг — отбор существенных, наиболее значимых фактов. Здесь уже возникает проблема критерия такого отбора, который не может быть почерпнут из самих фактов. «Тем не менее, можно сказать, — добавлял Виноградов, — что единственным истинным принципом отбора является чисто научный принцип: как важные должны рассматриваться те факты, которые ведут к установлению общих законов»⁹⁸. Трудность в определении законов в истории известна, отсюда вытекает сомнение в объективности любых критериев подобного рода. Из невозможности установить закономерную причинность в истории Виноградов делал вывод и о теоретической необоснованности любых «уроков истории». Особенно не подходит история для иллюстрации и подтверждения философских представлений. «Вред от этого становится особенно большим, — писал он о различных вариантах «уроков истории», — когда история рассматривается как учащая определенной общей философской доктрине, такой как: «Право (right) в конечном счете есть могущество», «истина всегда торжествует в конце» или

“прогресс есть универсальный закон общества”⁹⁹. Впрочем, у историков и философов предметы их научного интереса могут совпадать. Примером этого служит экономическая эволюция¹⁰⁰. Историю и философию в данном случае объединяет преобладание материалистической тенденции в современном Виноградову подходе к социальным явлениям.

Характеризуя теоретико-методологические взгляды Виноградова, следует отметить, что он проявлял устойчивый интерес к методологическим проблемам исторической науки. Продолжительность и популярность его методологического семинария – лучшее тому подтверждение. Достоверно судить о его содержании из-за отсутствия отдельных теоретико-методологических работ у самого Виноградова, к сожалению, не приходится. Остается исходить из тех кратких замечаний и наблюдений, которыми наполнены его специальные исторические сочинения. Методологическую направленность многих своих, казалось бы, сугубо исторически-конкретных исследований признавал и сам ученый. В автобиографическом очерке, рассказывая о своей магистерской диссертации, о тех спорах, которые велись по проблеме феодализма и о путях русской и европейской истории, он писал: «Согласно направлению, которое получило умственное развитие В., он прежде всего ставил себе целью вывести вопрос на почву методологического исследования»¹⁰¹. В начале «Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии» он более определенно высказывался о значении методологической стороны исторических разысканий: «Чрезвычайное значение имеет различие методологических приемов. Ученые всех категорий собирают факты, толкуют и группируют их, но при этом каждой категории свойственны способы, особенно отличающие и содействующие тому, что задача разрешается известным образом»¹⁰². Разбирая различные методологические приемы, Виноградов особо останавливался на «германской школе», в частности, на работах Вайца и его манере прибегать «для дополнения скудных источников к заключениям от общего духа известной эпохи»¹⁰³. Не приветствуя фактологически необоснованные обобщения, Виноградов и к методу Вайца отнесся с подозрением. «А priori ничего нельзя сказать против этого приема, – признавал он, – но видно только, что он может в частностях привести к ошибкам, и главное, послужить предлогом для удержания неправильных мнений»¹⁰⁴. В этом же произведении Виноградов наметил и две области методологических разработок, которым впоследствии

отдавал предпочтение: историческая критика и сравнительно-исторический метод.

Десятилетие спустя в статье о Фюстель де Куланже Виноградов специально останавливался на методологической стороне исследований французского историка. Он соглашался с целым рядом положений или, по его выражению, «основных идей» Фюстель де Куланжа. «Едва ли кто станет оспаривать мысли, — уточнял русский историк, — что надо исходить из текстов и не выдавать предположения за факты, что всякий ученый обязан относиться беспристрастно к своему делу и по возможности не вносить в него посторонних политических или патриотических предрасположений, что для успешного применения научного сравнения необходимо точное исследование сравниваемых объектов в отдельности»¹⁰⁵. Как принцип всякого научного исследования звучит следующее утверждение ученого: «Сознательное пристрастие или даже пассивное отношение к пристрастию в науке — вещь, которая не должна быть допускаема. Или наука должна работать для истины, или она не наука»¹⁰⁶. Общеизвестность и распространенность подобных положений, впервые провозглашенных полтора столетия назад, во времена Виноградова не требовала даже оговорок. Партийный подход к науке утвердился несколько позже на непререкаемых внелогических аргументах власти. Виноградов продолжал настаивать на беспристрастной атмосфере и фактологическом базисе исторической науки, однако так и не решился развить до полнокровной концепции философско-социологические интенции своего понимания истории. Во вступительной лекции в курс истории правоведения он вновь зачислял в достоинства историографии общенаучные требования. «По методу, — писал он об отличии истории от других наук, — потому что она оправляется прежде всего от критического изучения материала — и ничто не может заменить в ней точного знакомства с материалом и внимательно-беспристрастного, как бы судебного разбора этого материала. Никакие обобщения, никакие теории, как бы красивы и заманчивы они ни были, не имеют права на существование в глазах историка, если они не добыты непосредственным изучением материала. Метод историка не допускает умозрения, а *prior*'ных построений»¹⁰⁷.

Обобщение, как отмечал Виноградов, допускаются в истории лишь в виде гипотез. Однако гипотезы не могут иметь в историческом исследовании самодовлеющего значения. Они должны быть дополнены строгим исследованием фактов. По существу в изложении Виноградова историческая методоло-

гия предстает как сочетание индивидуализирующих и обобщающих приемов. Сопоставив индивидуализирующему приему фактологическое доказательство, а обобщению – гипотезу, мы получим методологическую формулу Виноградова. «Метод исследования, – рассуждал историк, – идущий от известного к неизвестному, не состоит непременно в том, чтобы идти от позднейшего к более раннему: важно строго различать доказательства и гипотезы, хотя необходимо систематически пользоваться и теми и другими»¹⁰⁸. Связь между доказательством и гипотезой можно рассматривать и как последовательную смену приемов, неизбежную по мере расширения и концептуализации нашего знания. За скептическим и критическим анализом источников должно последовать то, что Виноградов называл «положительной реконструкцией». Согласно его точке зрения, «идя таким путем, мы в конце концов окажемся в состоянии лучше проникнуть в исторические особенности мышления и социального уклада рассматриваемой эпохи»¹⁰⁹. Завершением исторического исследования должно стать «начертание общего хода социальной эволюции. Подобные попытки особенно нужны не столько ученым, занятым спорными вопросами и всецело поглощенным своими специальными работами, сколько исследователям общей истории и широкой читающей публике, которые имеют право знать, к каким результатам пришли специалисты»¹¹⁰. Подобное начертание Виноградов предпринял в лекциях «О прогрессе», хотя, надо признать, его теоретические и социологические построения продолжали существовать несколько самостоятельно от его специальных исторических работ. До систематической концептуализации своих теоретических и социологических взглядов, которые бы обобщали добытые им исторические факты, Виноградов так и не поднялся. Впрочем, как и не снизошел до последовательного отслеживания на материале детально исследованных им эпох и стран всех ступенек и изворотов социальной эволюции.

Недостаточную концептуальную разработанность Виноградов, в частности, ставил в упрек Фюстель де Куланжу. Можно вспомнить, что о необходимости теории для истории писал в своей знаменитой статье «Взгляд на юридический быт древней России» К.Д. Кавелин. Виноградов, по существу, продолжает рассуждения К.Д. Кавелина даже терминологически: замена «теории» на «диалектику» намекает (возможно и непреднамеренно) на кавелинское гегельянство. «Не следует ставить диалектику вместо истории, – начинается свой теоретический

пассаж Виноградов, – но самый простой анализ исторических фактов требует некоторой диалектики, уже хотя бы потому, что нельзя ограничиться прямым смыслом случайно дошедших до нас свидетельств, которые и отрывочны, и говорят часто не о том, что нас интересует и что действительно для нас важно. Приходится искать косвенного смысла, поворачивать свидетельства не тою стороной, которою они обращены к нам в повествовании источника. А раз дело идет о такой аналитической перестановке, нельзя обойтись без логических построений и диалектического развития положений, противоположностей и примирений»¹¹¹.

К диалектике как методу научного постижения и его применимости в исторических исследованиях Виноградов вернулся в лекциях «О прогрессе». Рассматривая Гегеля как представителя идеалистической версии теории прогресса в XIX в., он не мог обойти стороной и используемый немецким мыслителем метод. Отдавая предпочтение позитивистской философии в духе Г. Спенсера, Виноградов, тем не менее, готов принять идею диалектического развития, отказавшись от массы ее гегелевских интерпретаций. Русский ученый признает формальную правоту диалектического метода и, в частности, пишет следующее: «... с формальной стороны, течение мысли и жизненных отношений действительно дает множество примеров именно таких переходов, которые отметил Гегель. Нисколько не насилюя историю, можно показать, что утверждение известных взглядов или отношений по существу своему, вследствие того, что на них в данном направлении затрачивается энергия, совершается с известным преувеличением, с нарушением объективной меры и равновесия. Этот перевес вызывает к существованию противоположное, и борьба противоположностей обыкновенно приводит к третьему посредствующему мнению, стремящемуся устранить преувеличения того и другого из предшествовавших. Все дело в том, что ради формальной стороны нельзя забывать положительной: мнения и отношения могут получить силу независимо от идейных колебаний, вследствие того, что они отвечают потребностям данного положения, раз навсегда или хотя бы на известное время разрешают данные вопросы. Утверждение научных истин несомненно зависит не только от прилива и отлива диалектических противоположностей, но и от степени зрелости этих истин»¹¹². Отношение Виноградова к диалектике достаточно полно выражено в приведенной цитате и, как говорить-ся, не требует комментария. В курсе по истории Греции, про-

читанном в том же году, что и лекции «О прогрессе», Виноградов отмечал и конкретный пример диалектического развития исторической мысли. «Как на пример диалектического развития в области историографии, — писал он, — можно указать на историческую критику, возникшую в начале нашего века»¹¹³.

Больше всего внимания Виноградов уделял сравнительно-историческому методу, усматривая в нем, особенно в оксфордский период, истоки своей научной генеалогии. Еще работая над докторской диссертацией, Виноградов писал 23 сентября 1883 г. из Лондона В.И. Герье об увлечении новым для себя методом: «С другой стороны, сравнительно-историческое исследование очень меня привлекает по новизне приемов»¹¹⁴. Образцом сравнительно-исторического изучения были для него работы Мауэра и Мэна. Подробнее всего Виноградов разбирал подход Генри Мэна — своего предшественника на кафедре сравнительно правоведения в Оксфорде. Концепцию Г. Мэна о происхождении общества, разработанную им на основе изучения первобытных народов, Виноградов подробно проанализировал в третьем выпуске своих «Очерков западно-европейской историографии»¹¹⁵. Во вступительной лекции в Оксфордском университете, посвященной учению Г. Мэна, Виноградов изложил основные положения сравнительно-исторического метода. Рассматривая его достаточно широко, не только как метод исторических исследований, но и правоведения и социальной науки, он уточнял, что «исторические наблюдения часто суживаются случайным характером материала: вследствие прихоти времени в документальной истории не хватает иногда очень важных звеньев; целые эпохи и целые вопросы погружены в беспросветный мрак. В виду этих частых пробелов, здравый смысл подсказывает искать указаний в родственных процессах развития вместо того, чтобы довольствоваться простыми догадками и заключениями. Раз внимание остановилось на возможности такого выхода, глазам открывается огромное поле — не только в изучении других случаев, засвидетельствованных в истории, но и сходных фактов в жизни полуцивилизованных и диких народов, доступных наблюдению в настоящее время. Независимо от общественной помощи, представляемой сравнительным правоведением для воссоздания полуисчезнувших и чуждых форм, сравнительный метод изучения дает единственно возможное основание для индуктивного мышления в общественных науках и для исследования законов социального развития»¹¹⁶. Еще в последнем своем курсе в Московском университете, про-

читанном накануне отъезда в Англию, Виноградов отождествлял сравнительное и научное изучение прошлого. «Вот почему как раз те школы, — давал он историографическое пояснение, — которые относятся с особенной строгостью к научному методу и которые интересуются не столько литературным изложением предмета, сколько научным выяснением его основ, ищут прежде всего опоры в сравнительных точках зрения»¹¹⁷.

Интерпретация Виноградовым сравнительно-исторического метода во многом совпадает с проектом «генетической социологии», разрабатывавшимся, например, М.М. Ковалевским. Сравнительно-исторический метод, опираясь на здравый смысл, а в перспективе и на представление о единстве человеческой природы, фактически берет на себя задачу восполнения недостающих фактических данных. В этом отношении роль сравнительно-исторического метода совпадает с той ролью, которую в исторических исследованиях Виноградов отводил гипотезе и обобщению. Он и сам сопоставляет сравнительно-исторический метод с индуктивным обобщением. Научные потенции сравнительно-исторического метода находят опору и в концепции исторической эволюции, которая, в свою очередь, предполагает единство и однородность всякого общественного развития. В результате недостающие сведения об определенных ступенях исторических изменений можно почерпнуть из изучения народов все еще находящихся на этой ступени. Однако для успеха такой сравнительной процедуры необходимо разработать общую эволюционную шкалу, которую Виноградов, в частности, выстраивал по модели спенсеровского эволюционного органицизма.

Общие положения сравнительно-исторического метода были изложены М.М. Ковалевским в двух брошюрах: «О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений» (1878) и «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880). Источником, из которого был воспринят этот метод М.М. Ковалевский признавал сравнительное языкознание и переносил его на историю права. Виноградов же заимствовал этот метод из сравнительного правоведения и использовал при изучении средневековой истории. Для М.М. Ковалевского сравнительно-исторический метод лежал в основе новой науки — «истории естественного роста человеческих обществ»¹¹⁸, т. е. «генетической социологии». «Значение сравнительно метода вовсе не состоит в открытии новых фактов, а в научном объяснении уже найденных», — пояснял он его специфику¹¹⁹.

Сравнительный метод – частное приложение историзма к исторической методологии. Называя сравнительный метод «официальным методом» русской либеральной историографии, Б.Г. Могильницкий писал: «Использование сравнительно-исторического метода рассматривалось как необходимая предпосылка познания закономерностей исторического процесса, открытия законов, по которым происходит развитие общества, создания общей концепции эволюции человечества»¹²⁰.

Вступительная лекция Виноградова примечательна еще и тем, что в ней он четко прописывает базовые положения сравнительно-исторической методологии в приложении к правоведению. Сравнительное правоведение лишний раз подчеркивает универсальные возможности сравнительно-исторического изучения. Основы сравнительного правоведения были разработаны Г. Мэном, и Виноградов, по его собственному выражению, «готов подписаться» под ними. Обобщая методологические нюансы сравнительно-исторического подхода, ученый давал следующую формулировку, которую приведу полностью:

«1. Изучение права имеет целью не только приготовление к профессиональным обязанностям или обучение искусству обращаться с профессиональными задачами. Оно может рассматриваться также как предмет науки.

2. Два метода научного исследования приложимы к изучению права: метод дедуктивного анализа, основанный на отвлечении от существующих в настоящее время правовых понятий и предписаний, и метод индуктивного обобщения, основанный на исторических и этнографических наблюдениях.

3. В области индуктивного правоведения право – не что иное, как одно из проявлений истории; история же понимается в широком смысле изучения социальной эволюции человечества.

4. Поскольку каждая наука должна быть направлена к открытию законов, то есть общих начал, управляющих отдельными случаями, исторический метод в правоведении по необходимости является также методом сравнительным»¹²¹.

Приведенная, так сказать, «зрелая», формулировка сравнительно-исторического метода показывает, насколько верен оставался Виноградов выбранной методологической установке. Его толкование сравнительно-исторического подхода мало изменилось со времени подготовки магистерской диссертации. «Автор писал в то время, – указывал Виноградов на методологическую сторону своего исследования, – когда в литературе сильно выдвинулся вопрос о применении сравнительного

метода: пользование им в духе Мена представлялось ему слишком случайным и опрометчивым, но великое значение сравнительных точек зрения казалось неопровержимым и приводило к попыткам применить их в тесно ограниченном круге явлений»¹²². Впоследствии критическое отношение к Г. Мэну, как видно, смягчилось. Однако и материал, к которому Виноградов применял сравнительно-исторический подход был иным; он рассматривал уже не первобытные общества, а эпоху раннего средневековья. Давая методологическое пояснение в начале своей магистерской диссертации, историк отмечал, что сравнительный метод не годится для исследования сложных культурных и политических явлений. «При этом сравнительное изучение, — уточнял он, — может быть направлено к целям двоякого рода — к определению черт явления, сгладившихся в известиях об одном случае и ясно переданных в другом, или же к выяснению причин сходных явлений. В первом отношении нельзя [не?] быть слишком осторожным, — так как велика опасность под предлогом дополнения традиции перенести в нее совершенно чуждые черты»¹²³. Опасность подстерегает и во втором случае. Предпочтительное внимание к общим чертам общественного развития, уделяемое при сравнительно-историческом подходе, как и вообще универсализм социальной эволюции, из которой исходит сравнительный метод, грозят элиминировать идиографическую специфику самой истории. «Зато при определении причин, — писал Виноградов, — сравнительный метод может оказать значительные услуги. Изучая историю отдельного народа, подбирая в ней по мере возможности причины к следствиям, мы, постоянно подвергаясь опасности приписать какому-либо частному явлению слишком большое и слишком общее значение. Повторение того же результата в другой исторической сфере и при иных исторических antecedентах выведет нас из заблуждения и заставит искать причин поглубже, в явлениях общих обеим формам развития. Сравнительный метод может послужить к поправке и проверке раздельного изучения эпох и народов; надо прибавить, что для правильного применения он сам нуждается в опоре этого “раздельного” изучения. Стараясь схватить прежде всего одинаковое и сходное, представители сравнительной науки слишком пренебрегают различиями и коренными особенностями, слишком быстро приводят к одному знаменателю самые разнообразные исторические величины, слишком легко вырывают из всей связи развития какие-нибудь две-три черты, на которых и строят свои заключения»¹²⁴.

Сравнительно-исторический метод удачно согласуется и с концепцией многофакторности исторического развития. «Неосомненно, – утверждал Виноградов, – что сравнительные наблюдения в области культуры складываются в целый ряд эмпирических однообразий применительно к почве, климату, расе, условиям господства и подчинения, исключительности и смешению классов и национальностей, и т. п.»¹²⁵. С этой стороны однообразия, получаемые в результате применения сравнительно-исторического метода, способны обеспечить историческому построению недостающую научность, пока окончательно не разрешен вопрос о закономерности в истории.

Другим разделом методологических разработок Виноградова была историческая критика. В методологическом плане она, непосредственно примыкая к источниковедению, предшествует сравнительно-историческому подходу. Историческая критика – это прежде всего критика источников, а ее конечный результат – установление достоверных фактов, т. е. привязка исследования к реальности. От итогов критических изысканий зависит ход, направление, а в перспективе и успех исторического исследования. «Всякая предварительная критика, – отмечал Виноградов в статье о Фюстель де Куланже, – различает материал, устраняет часть его, выдвигает вперед другие и своими общими результатами поэтому предreshает до известной степени дальнейшие задачи исследования и толкования»¹²⁶. Здесь же ученый указывал на слабость критики источников у Фюстель де Куланжа, проистекающую от его «боязни субъективных примесей». Однако в другой своей статье «Ранке и его школа», Виноградов дал следующее сжатое определение назначения исторической критики. «Все отдельные задачи исторической критики сводятся, в сущности, к одной – отстранению субъективного элемента в передаче источников о событиях»¹²⁷. Упрек, сделанный Л. фон Ранке, в данном случае состоял в малом внимании к роли материальных факторов в истории.

С утверждения исторической критики, полагал Виноградов, началось развитие современной научной исторической литературы. У истоков этого движения стоял Нибур, на примере которого русский ученый и рассматривал специфику исторической критики. По его словам, «постановка критической темы» состоит в том, чтобы «прежде чем рассказывать, необходимо представить критику свидетелей... Вопрос о времени происхождения свидетельства является, таким образом, первым вопросом исторической критики»¹²⁸. Следующий вопрос – об источ-

нике и его составе: «Историческая критика решает, имеем ли мы дело с простым источником, с рассказом одного автора, или с источником сложным, представляющим собою переработку»¹²⁹. После анализа источника критической проверке подвергается автор-свидетель. Это вопрос «об осведомленности свидетеля. Свидетель может быть близок к событиям, но недостаточно осведомлен в силу каких-либо обстоятельств»¹³⁰. Затем историческая критика задается вопросом о том, можно ли ему доверять. «Человек, — пояснял Виноградов, — может быть близок к событиям, прекрасно осведомлен, но рассказ у него получается никуда не годным, п[отому] ч[то] он пристрастен, п[отому] ч[то] он пишет в интересах партии»¹³¹. После критики наступает черед исторической реконструкции.

Фрагментарность высказываний Виноградова о методологическом значении исторической критики не позволяет подробно представить его методологическую программу. Специфика приемов исторической критики в конце XIX в. уже вполне определилась и Виноградов не нуждался в подробной разработке этого вопроса. Свою точку зрения он выражал лишь тогда, когда появлялся конкретный повод. Отдельного догматического изложения своих теоретико-методологических взглядов Виноградов так и не предпринял. Помимо статей о Фюстель де Куланже и Л. фон Ранке он затронул проблему исторической критики источников в статье «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства», связанной, вероятно, с прочитанным им в 1891 г. в Оксфордском университете цикле лекций о славянофилах. Обозначая общие параметры своего исследования, Виноградов писал: «Критика каждого произведения мысли, в том числе и работы Киреевского, может быть двоякая: она может, так сказать, уединить произведение, взять его само по себе, как связь посылок и выводов, и раскрывать неполноту или недостоверность данных, непоследовательность, превратность, преувеличения в рассуждении. Или она может задаться целью поставить произведение в его историческую обстановку и судить его, как выражение известных идей и стремлений, сообразно с относимым значением этих идей и стремлений, применительно к тому, насколько они сами оказались крепкими и плодотворными»¹³². Этим, конечно, не исчерпывается содержание приемов исторической критики. Ее методологическое предназначение определяется не только той подготовительной работой, которую она проводит с источниками, но и общими органическими предпосылками социальной эволюции. «Предварительный критицизм, — утверждал

Виноградов в "Villainage in England", – привел как к улучшению метода, так и дал важные результаты. Говоря широко, сфера сознательного сузилась, сфера органического развития и бес-сознательной традиции расширилась»¹³³.

Примечания

¹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 6.

² Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. М., 1902. С. 25.

³ Там же.

⁴ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. I. С. 84.

⁵ Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения // Со-временные записки. 1921. № 7. С. 156.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. II. Oxford, 1928. P. 254–255.

⁹ Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения. С. 155–156.

¹⁰ Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 гг. М., 1899. С. 218.

¹¹ Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний. С. 310.

¹² Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. С. 26.

¹³ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904. С. 68–69.

¹⁴ Vinogradoff P. The Russian Problem. London, 1915. P. 2.

¹⁵ Виноградов П.Г. Об истории // Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х – 30-х годов. М., 2002. С. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Виноградов П.Г. Задачи правоведения // Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета. М., 1909. С. 8.

²¹ Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1892. P. 3.

²² Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. М., 1901 (литография). С. 11–12.

²³ Там же. С. 12–13.

²⁴ Виноградов П.Г. Влияние рек на происхождение цивилизации // Северный вестник. 1892. № 6. С. 40.

²⁵ Vinogradoff P. Villainage in England. P. 1.

²⁶ Ibid. P. 6.

²⁷ Могильницкий Б.Г. П.Г. Виноградов как историк исторической науки // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 217.

²⁸ Виноградов П.Г. Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн. IV. С. 216.

²⁹ Там же. С. 218.

³⁰ Там же. С. 219.

³¹ Виноградов П.Г. Предисловие // Ранке. Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II (в 1854 г.). М., 1898. С. IV.

³² Виноградов П.Г. Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1896. С. 5.

³³ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV. С. 46.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ РО ИРЛИ РАН. 24724/CZXXIX6.48. Л. 2.

³⁶ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. (литография) С. 10–11.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 4.

⁴⁰ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 98–99.

⁴¹ Там же. С. 99.

⁴² Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 388.

⁴³ Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. С. 33.

⁴⁴ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. С. 3–4.

⁴⁵ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции профессора Императорского Московского университета П.Г. Виноградова 188[?] г. Б. м., б. г. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 7–8.

⁴⁹ Там же. С. 8.

⁵⁰ Там же. С. 10.

⁵¹ Там же. С. 3.

⁵² Там же. С. 10.

⁵³ Там же. С. 11.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 14.

⁵⁶ Там же. С. 13.

⁵⁷ *Виноградов П.Г.* Т.Н. Грановский. С. 57.

⁵⁸ *Виноградов П.Г.* Ранке и его школа. С. 221.

⁵⁹ *Виноградов П.Г.* Задачи правоведения. С. 7.

⁶⁰ Взяться за составление историографических обзоров Виноградова вынудили ограниченные материальные средства. Собираясь в командировку за границу для подготовки докторской диссертации, он обратился к Л.Н. Майкову, редактировавшему «Журнал министерства народного просвещения» с предложением стать научным корреспондентом журнала. «Денег мне университет дает, по обыкновению, не особенно много, — писал он 13 мая 1883 г., — и я был бы не прочь для округления бюджета заняться какою-нибудь подходящей побочной работой. Не найдете ли Вы возможным поручить мне составление для Журнала М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения] научных корреспонденций или отчетов о научном движении в области истории и истории литературы на Западе?» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 270. Л. 6 об.). 21 мая 1883 г., когда согласие Л.Н. Майкова было получено Виноградов оговаривал условия, обещая присылать каждый месяц по одному печатному листу: «Я не могу взять на себя ведение обзоров по гуманитарным наукам вообще — не будучи достаточно подготовленным в этом отношении, принужден был бы слишком много тратить подготовительной работы. Само собою разумеется, однако, что "истории обзор и литературы" я не буду понимать узко, а буду извещать о выдающихся произведениях по истории древней и средневековой философии» (Там же. Л. 8 об.—9.).

⁶¹ *Виноградов П.Г.* Очерки западно-европейской историографии / Журнал министерства народного просвещения. 1883. Сентябрь. Ч. ССХХIX. С. 165.

⁶² *Виноградов П.Г.* Кальвин и Женева (Р. Виппер: «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма». Москва, 1894) // Русская мысль. 1894. Кн. IX. С. 134.

⁶³ *Виноградов П.Г.* Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Август. Ч. ССХХVIII. С. 398—399.

⁶⁴ *Виноградов П.Г.* Римское право в средневековой Европе. М., 1910. С. 95.

⁶⁵ *Виноградов П.Г.* Перспективы исторического правоведения. С. 156.

⁶⁶ *Vinogradoff. P.* Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. Oxford, 1920. P. 39.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ *Виноградов П.Г.* История средних веков. Лекции, читанные ор-

динарным профессором П.Г. Виноградовым на филологическом факультете Московского университета в 1897/8 учебном году. Литография. Б. м., б. г. С. 3.

⁶⁹ Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. I. P. 112.

⁷⁰ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. С. 17.

⁷¹ Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. II (42). С. 282.

⁷² Там же. С. 292–293.

⁷³ Там же. С. 293.

⁷⁴ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 48.

⁷⁵ Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции ординарного проф. Московского университета П.Г. Виноградова. Издание III без перемен, с разрешения проф. И.М. Гревса, с добавлением указателя имен и предметов. СПб., 1906. С. 40–41.

⁷⁶ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 49.

⁷⁷ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 10.

⁷⁸ Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. С. 11–12.

⁷⁹ Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. С. 69.

⁸⁰ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Декабрь. Ч. ССXXX. С. 497.

⁸¹ Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 218.

⁸² Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 83.

⁸³ Там же. С. 83–84. Еще одну характеристику французскому историку Виноградов давал в курсе «Истории Греции». «Его сочинение "Гражданская община античного мира" произвела огромное впечатление как среди ученых, так и среди всей образованной публики. Ф. де Куланж стоит на культурно-исторической точке зрения, и главная цель его заключается в том, чтобы показать зависимость всех учреждений и всего строя древнего общества от некоторых основных религиозных взглядов и главным образом от культа предков. Книга блестящая и во многих отношениях самая замечательная во французской историографии; она возбуждает мысль, как немногие, пытаясь свести все разнообразие целого периода исторических явлений к немногим, даже к одному принципу. Вследствие этого является необыкновенная стройность и ясность плана; получается впечатление чего-то необходимого и рокового в развитии исторических явлений, потому что все факты выводятся из одного принципа. Вот эта-то логическая, идеальная стройность составляет главную притягательную силу и главный недостаток книги Ф. де Куланжа; потому недостаток,

что в своем стремлении свести факты к одному принципу Ф. де Куланж обращается довольно насильственно со своим материалом, устраняя все, что могло бы запутать правильность построения и внушить мысль, что древность явление не простое, а сложное; все осложнение, которые вызывали бы более искусственный сюжет, — устранены Ф. де Куланжем. Потому, пользуясь книгой Ф. де Куланжа, постоянно приходится проверять его выводы» (*Виноградов П.Г. История Греции. Лекции, читанные проф. П.Г. Виноградовым на I и III семестрах историко-филологического факультета в 1896–97 ак. г. М., 1896. С. 18.*).

⁸⁴ *Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 11.*

⁸⁵ *Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 8.*

⁸⁶ *Виноградов П.Г. Новые работы по истории Греции // Русская мысль. 1883. Кн. III. С. 47–48.*

⁸⁷ *Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 93.*

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 57.*

⁹¹ *Виноградов П.Г. История средних веков. М., 1893. С. 26.*

⁹² *Vinogradoff P. Villainage in England. P. VIII.*

⁹³ *Ibid. P. 2–3.*

⁹⁴ *Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 221.*

⁹⁵ *Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний. С. 310.*

⁹⁶ *Vinogradoff P. The Russian Problem. P. 32.*

⁹⁷ *Виноградов П.Г. Об истории. С. 12.*

⁹⁸ Там же. С. 13.

⁹⁹ Там же. С. 15.

¹⁰⁰ *Виноградов П.Г. История средних веков (1906 г.). С. 39.*

¹⁰¹ *Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 70.*

¹⁰² *Виноградов П.Г. Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 13.*

¹⁰³ Там же. С. 15.

¹⁰⁴ Там же. ¹⁰⁵ *Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 92.*

¹⁰⁶ *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 13.*

¹⁰⁷ *Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 8.*

¹⁰⁸ *Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911. С. 6.*

¹⁰⁹ Там же. С. 4.

¹¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹¹ *Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 92.*

¹¹² *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 280–281.*

¹¹³ *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. С. 6.*

- ¹¹⁴ Из писем П.Г. Виноградова. С. 276.
- ¹¹⁵ Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. CCXXIX. Октябрь. С. 371–385. См. так же: *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence*. Vol. I. P. 138–140.
- ¹¹⁶ *Виноградов П.Г.* Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 71.
- ¹¹⁷ *Виноградов П.Г.* История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 13.
- ¹¹⁸ *Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 22.
- ¹¹⁹ Там же. С. 23.
- ¹²⁰ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 270.
- ¹²¹ *Виноградов П.Г.* Учение сэра Генри Мэна. С. 74.
- ¹²² *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 69–70.
- ¹²³ *Виноградов П.Г.* Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии. С. 17.
- ¹²⁴ Там же. С. 17–18.
- ¹²⁵ *Виноградов П.Г.* Перспективы исторического правоведения. С. 155.
- ¹²⁶ *Виноградов П.Г.* Фюстель де Куланж. С. 94.
- ¹²⁷ *Виноградов П.Г.* Ранке и его школа. С. 222.
- ¹²⁸ *Виноградов П.Г.* История Греции. Лекции 1896–97 ак. г. С. 10.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 11.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² *Виноградов П.Г.* И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 115.
- ¹³³ *Vinogradoff P. Villainage in England*. P. 36.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Юридическая направленность исторических исследований Виноградова хорошо известна. Он сам признавал, что отдавал предпочтение анализу правовых отношений при изучении конкретных исторических эпох. Причина такого приоритета, скорее всего, в лучшей сохранности и доступности юридических документов, служивших основным источником для исторических построений Виноградова. Материал диктовал и точку зрения. Со временем ученый все больше стал интересоваться не только историческими аспектами правоотношений, но и их логической и догматической сторонами. Постепенно формально-юридический взгляд начал проявляться даже в личных отношениях. Это могло сказаться, например, в выражении соболезнования. М.М. Богословский вспоминал, что «наклонность его к юридическим вопросам проявилась и здесь (речь шла о смерти отца М.М. Богословского. — А.М.) в выражении сочувствия: он спрашивал, осталось ли завещание или я буду наследовать по закону»¹.

Однако Виноградов, не будучи юристом по образованию, рассматривал правоведеление не как узко специальную дисциплину, а как систему отношений, характеризующую взаимодействие людей между собой и в этом плане применимую к истории. «Юриспруденция адресована тому, — объяснял ученый свое расширенное толкование, — кто изучает право, как часть системы знания»². Прежде всего, право соответствует сознательной, разумной деятельности человека. В праве находят отражение основные принципы логического мышления. «Фактически, — констатировал Виноградов, — все принципиальные операции юридического мышления необходимо включают элементы логического анализа»³. Но даже не формально-логические определения или диалектические извивы юридических формулировок интересуют Виноградова в праве, а его синтетичность, пограничность права со многими другими сторонами человеческих взаимоотношений. В соприкосновении с правом входят не только логика, но и психология, физиология, мораль. «Обучение теории права, — пояснял исследователь, — не может позволить игнорировать такие вопросы, как взаимозависимость функций рассудка, анализ ин-

стинкта и страсти, изучение воли, пересечение морали и права и т. д.»⁴.

Виноградов как историк считал наиболее перспективным сближение истории с юриспруденцией. Он видел много точек соприкосновения между этими дисциплинами. Пользу от такого сближения могут извлечь обе науки. «Мы должны, в частности, помнить, — уточнял он, — что во многих отношениях историку и юристу приходится трактовать одни и те же вещи, хотя они и подходят к ним с разных точек зрения и пользуются различными приемами. Тенденция к специализации, которая преобладает в наше время легко может зайти очень далеко и если историк будет ограничиваться изучением летописей и памятных дат, то его представление о прошлом будет несомненно односторонним. Для этого недостаточно даже дополнить политическую историю изучением законов и протоколов парламента. Административное право в судах, несмотря на некоторые технические трудности, дает более ценные результаты студенту историку»⁵. Историк способен проследить сменяющие друг друга системы политических и правовых отношений. Так, для древнегреческих городов характерен конфликт законов. В Римской империи мы видим гарантию договора и торговых операций благодаря унификации политической власти. Средневековая теократия перемещает центр мирового государства от секулярной империи в церковь, понимаемую как посредник между небом и землей. Современная история начинается с восстания индивидуального сознания и индивидуального права против града Божьего в его земном аспекте. Современное общество стремится подавить гражданскую борьбу и обеспечить свободу договора при содействии суверенных территориальных государств, но успех в этом движении сопровождался жестокими войнами, которые угрожали самому существованию цивилизации. История показывает, что разрешать существующие конфликты и спорные вопросы следует путем консультаций и компромиссов на международных конференциях и в международном суде⁶. В этом ценность истории для юриспруденции. Исторический подход означает изучение права как продукта социальных условий.

Теснее всего анализ системы правоотношений соприкасается с политической историей. Здесь яснее всего обозначаются фундаментальные категории как исторической науки, так и правоведения: единичное и общее, личность и государство, индивид и общество. Каждая историческая эпоха определяет отношения между ними. К этому по существу сводятся и пери-

петии политической истории и исторически сложившиеся системы права. «Кажется ясно, — писал Виноградов, — что содержания политической и правовой эволюции не могут быть сведены к универсальным абстрактным формулам: отношения между Правом и Государством, между сообществами и их членами очень различны в истории и должны быть оцениваемы по различным стандартам. Только две универсальные и постоянные точки существуют в этом отношении — индивид как реальная данность и общество как необходимо реальное отношение. Проблема, которая в каждую эпоху требует решения состоит в том, чтобы найти подходящие комбинации между ними»⁷.

И все же свое основание право находит в разуме и морали или в том их единстве, которое получило название практического разума. В истории, рассматриваемой с юридической точки зрения, мы видим проявление «λογος — разума, управляющего миром»⁸. «Мысль человека, — заканчивал Виноградов свой курс по истории правоведения, — не примиряется с правами и приказами, данными извне и гарантированными государственною силою; *мысль человечества все время стремится к их проверке, к их совершенствованию, мысль человека судит и направляет, строит право на началах разума и справедливости*»⁹. Разум и справедливость — идеальные принципы, на которых строятся, точнее, должны строиться правоотношения. Право, конечно, имеет отношение к тому, что есть, к тому, что существует, но рассматривает существующее положение дел не со стороны сложившихся в нем отношений, а со стороны должного, т. е. идеального состояния. Право оценивает сущее со стороны должного. Право идеально как по своим основам, так и по своим интенциям. Именно это вводит право в круг моральных дисциплин. «Право, — провозглашал Виноградов, — не может примириться с господством фактических условий, которые слишком часто представляют отражения насилия и эксплуатации. Оно стремится дальше от того, что есть, к тому, что должно быть!»

В этом, несмотря на все недочеты и неудачи, его нравственное величие. Историческая рамка изучения не уничтожает и не заслоняет этой особенности»¹⁰. В статьях, написанных в последние годы жизни, Виноградов все больше внимания уделял моральной стороне правовых отношений.

Юриспруденция является типичным представителем моральных наук. Опираясь на распространенную, хотя и несколько даже в его время устаревшую классификацию, Виноградов

писал: «Очевидно, правовые нормы занимают место между *правилами поведения*, которые обеспечивают социальный порядок и социальное общение. Поэтому среди социальных наук теория права относится к отделу так называемых *моральных наук*»¹¹. Продолжая свои рассуждения, историк еще больше сближает право с моралью. Общим для обоих отделов гуманитарного знания является понятие справедливости. Основная правовая терминология равно принадлежит и области морали. «В самом термине *право* моральные и юридические коннотации, – пояснял ученый, – неразрывно связаны: как требования личности, так и социальный порядок имеют свой корень в моральном чувстве – в этике социального взаимодействия»¹². Однако даже выведение права из моральных привычек и обычаев еще не означает, что в праве господствует альтруистическая точка зрения. Общим достоянием правоведения и морали является понятие справедливости. Справедливость может быть истолкована как в юридическом, так и в этическом смыслах. Как писал Виноградов, «право не может быть оторвано от морали, поскольку оно ясно содержит, как один из своих элементов, понятие правильности, которому соответствует моральное начало справедливости»¹³. «Справедливо, – уточняет он, – то, что мы находим правильным, совпадающим с известным образцом, поставленным нашим суждением; неправильно то, что противоречит ему»¹⁴. Двойное измерение справедливости не проясняет, однако, дальнейшие отношения права и нравственности. Виноградов не дает четкого решения этой проблемы. В «Очерках по теории права» он ограничивается лишь общим замечанием: «Одно ясно с самого начала: в случаях юридической обязательности мы имеем дело с предписаниями более строгого и более *принудительного* характера, чем моральные обязанности»¹⁵. Несколько проясняет ситуацию ссылка Виноградова на И. Канта. Но и здесь ученый ограничился самыми общими замечаниями. «Социальное мышление, – писал он, – соотносит обязанности с правами, потому что человек как свободное и разумное существо ограничен признанием такой же свободы и разума за другими: как установил Кант, справедливым в отношении других необходимо считать то, что считается справедливым в отношении себя самого»¹⁶. В те эпохи, когда юридические нормы и требование справедливости резко расходятся, возникает потребность в пересмотре всей системы правоотношений. Наступает период кризиса, проявляющийся в противопоставлении позитивного права и «естественного права»¹⁷.

Однако между правом и моралью, безусловно, существуют различия. Виноградов в данном случае не повторяет традиционных для либеральной философско-правовой мысли рассуждений о различии сфер внутренней и внешней деятельности, добровольного подчинения общему началу и принуждения. Он лишь указывает на специфичность юридического восприятия морали. «Что касается этических учений, — писал он, — то они тесно соприкасаются с юриспруденцией, но рассматриваются юристами главным образом в их практическом аспекте как влияние на поведение. В этом смысле данные этики более важны для психологии как действия мозга, порождающие определенное поведение»¹⁸. Разбирая проблему происхождения моральных идеалов, Виноградов приходил к выводу, что последовательный позитивистский взгляд на этику утверждает ведущую роль эгоистических мотивов в человеческой природе, способных ниспровергнуть любые социальные конвенции. Подобный взгляд на происхождение моральных и социальных норм не мог удовлетворить ученого. Согласно Виноградову, «эгоизм абсолютно неадекватен для объяснения существования общества, утилитаристская доктрина должна быть модифицирована в двух направлениях: с одной стороны, к симпатии, которую следует признать основой *альтруистического* поведения, с другой стороны, к социальному прессингу в виде различных форм образования, признаваемых в качестве принципиального фактора в формировании моральных идей»¹⁹.

Право по сравнению другими обществоведческими дисциплинами в большей степени связано «с условиями практической жизни». По словам Виноградова, «даже в самых поэтических своих стремлениях, если можно так выразиться, право отправляется от нужд и интересов действительности»²⁰. Привязка к реальной жизни проявляется и в базовом принципе правовой интерпретации — здравом смысле. Здравый смысл, из которого в своей основе исходят все юридические умозаключения, обеспечивает праву общепонятность и общераспространенность. «Хотя детали законов и являются сложными, — разъяснял Виноградов, — и изучение их требует специальных познаний, но самые операции рассудка в области права основаны на здравом смысле и доступны без затруднения лицам, обладающим обыкновенным умственным развитием и образованием»²¹. Однако право относится к сфере практической, а не теоретической деятельности. Теория права, конечно, допустима, но не она определяет смысл правоведе-

ния. Поясняя различие между теоретическим исследованием и практическим действием, Виноградов подчеркивал, что «первое старается осмыслить все оттенки и отголоски материала настолько это возможно в полной зависимости и в согласии с базовыми принципами; последнее руководствуется наиболее легким достижением цели, однако на основе неполной и противоречивой информации»²². В своих работах по историческому правоведению ученый неоднократно отмечал эту «противоположность между теорией и практикой»²³, которая является лишь общим отражением противоречия между должным и сущим в правовых отношениях. Частным образом оно реализуется и в деятельности английских государственных учреждений, где «практическое осуществление не вполне соответствует теории»²⁴.

Итак, основной источник права – требования жизни, практические нужды общества, а не теоретические умозаключения мудрецов. Однако не следует упускать из вида, что правовые формулировки подчиняются законам логического мышления и требования систематизации наших представлений и выводов. Более того, право должно преследовать и «общественную пользу»; в нем находят защиту и частые требования, как результат компромисса, преодолевающего конфликт интересов. Сочетание общих положений и частных точек зрения при формулировке права позволяет Виноградову говорить о «диалектике права»²⁵. Важным для юриспруденции остается и убежденность в абсолютной ценности истины. «Следовало бы заметить, – писал Виноградов, – что идея права неразрывно связана с идеей истины. Право реализуется как условие человеческой жизни, потому что оно осознается как истина в своих принципах и своих последствиях»²⁶.

Уяснению источников права может способствовать и историческая точка зрения в юриспруденции. Виноградов неоднократно подчеркивал важность исторических исследований для понимания теоретических проблем правоведения. «Благодаря исторической точке зрения, – уточнял он, – нам приходится считаться с тремя источниками права: социальный обычай, профессиональные формулировки и законодательство»²⁷.

Другой важнейший источник права – конфликт индивидуальных и общественных тенденций, личных и государственных интересов. Иными словами, право возникает как компромисс, устанавливающий пределы допустимых поступков личности и государства. «В качестве общего заключения, – пояснял Виноградов эту мысль, – можно сказать, что воля государ-

ства не является единственным фактором создания Права и Закона в человеческом обществе. Есть второй фактор равно важный – сознание людьми их прав. На практике Право проявляется как подвижный компромисс между этими двумя факторами»²⁸. Рассматривая источники права, не следует игнорировать и такую категорию, как «признание», о чем также напоминал Виноградов²⁹.

Доминирующая в последние столетия историческая тенденция, как настаивал Виноградов, состоит в господстве права. Лучший тому пример – история английского законодательства и государственных учреждений, всецело исходивших из практических нужд и интересов. Английская правовая практика, судебная и административная, «развилась путем жизненного опыта и компромиссов. Ясно, что ввиду такого характерного направления исторические условия должны были играть решающую роль»³⁰. Этим Виноградов обосновывал и актуальность изучения английского правового строя. «В настоящую эпоху является особенно современным, – пояснял исследователь свою задачу, – изучить исторические основы английского публичного права в области общественной администрации»³¹. Даже изменения, происходящие в России, или, по словам Виноградова, в «Восточной Империи», вызваны возрастающей ролью правового регулирования. Он специально акцентирует внимание на правовой стороне исторического процесса. «Одной идеи следует придерживаться все время, – полагает историк. – Это не столько технические изменения, которые важны, хотя этим и придется заняться; самой важной точкой является замена произвола законом и свободой»³². В то же время не следует понимать практицизм права в смысле прямой зависимости развития правоотношений от изменяющихся условий реальной жизни. «Мы видим, прежде всего, что право развивается в *тесной зависимости* от исторических и особенно материальных условий, среди которых оно действует. Но *это тесная связь не есть рабская связь*. Право не исчерпывается теми условиями, которые можно сказать, дают ему существование»³³. Отталкиваясь от практики, настаивает Виноградов, право сохраняет свою самостоятельность; «право не есть простое повторение того, на что толкает первоначальные условия экономические, социальные, и даже культурные...»³⁴. Господство права сказывается на различных сторонах жизни. Лучше всего это заметно в хозяйственной и общественной жизни. По словам исследователя, «обзор действительных фактов показывает усиление с каждым шагом влия-

ния правовых идеалов на направление экономического и социального развития»³⁵.

Однако русский ученый не подменяет историческое исследование историко-правовыми экскурсами. История права служила обоснованию его социально-исторической концепции. «Виноградова интересуют не юридические нормы и институты сами по себе в их правовом существе и в их эволюции, — уточнял подход своего коллеги Д.М. Петрушевский, — ответственные группы в их генезисе и сложном, многообразно обусловленном процессе их развития и взаимодействия, и изучение юридических идей и институтов является для него лишь одним из средств для исследования и уразумения этого социального процесса»³⁶. Д.М. Петрушевский также высказывал сомнение в ценности сугубо юридических разработок Виноградова и отмечал, что его юридические работы «едва ли вносят что-либо очень значительное и по существу новое в историю права»³⁷. Однако следует также добавить, что историко-правовые исследования относятся преимущественно к оксфордскому периоду деятельности Виноградова и представляют собой, как правило, лекционные материалы.

Широкий подход к праву, вызванный особенностями исследований Виноградова, привязка права к экономическим, социальным, политическим отношениям, исторический срез правоотношений — все это заставляло ученого давать достаточно пространное определение права. Прежде всего, право — логически выстроенная система норм. «Как бы не были разнообразны по своему происхождению господствующие правовые принципы, — рассуждал Виноградов, — сколько-нибудь культурное право по необходимости стремится выровнять их в систему. Неизбежные пробелы и противоречия устраняются так или иначе путем юридических конструкций, в которых главную роль играет опять только диалектика»³⁸. В своих практических устремлениях право сближается с политикой как волевая и целенаправленная деятельность, согласующаяся с требованиями разума и устанавливающая разумные нормы, право сближается с этикой и законотворчеством. «В серьезной общественной науке достаточно установлена роль права, как самого характерного проявления сознательной политики. В теории право есть проявление общественной воли: направляясь к тем или иным целям, оно подчиняет себе индивидуальные стремления... проявление законодательной власти обставляется обыкновенно особыми гарантиями обдуманности и предосторожности, каков бы ни был государственный

строй, который их санкционирует»³⁹. Но основные понятия, посредством которых изъясняется право – это порядок и власть. Цель права – максимально возможное достижение общего блага. «Законы, – разъяснял Виноградов, – могут быть распоряжениями монарха в формальном смысле, но *право* не является собранием таких распоряжений, а собранием всех правил, направленных на обеспечение порядка общего блага, созданы ли эти правила законодателями, установлены ли судьями в их административно-правовой деятельности или в обычной практике. Закон существует ради порядка, в то время как *право*, по существу является мерой *власти*. Следовательно, адекватное определение права связано с понятиями порядка и власти»⁴⁰.

Однако право не сводится только к логическим формулировкам, не способным исчерпывающим образом выразить, в чем состоит общее благо. Помимо формального, право может иметь и содержательное измерение, т. е. может рассматривать правоотношения с точки зрения справедливости или «соображений нравственности и общественного интереса». Право даже может ставить «себе определенно творческие цели в смысле направления отношений по тому или другому руслу»⁴¹. Такой творческий подход можно найти, например, в наследственном, земельном, семейном, брачном праве, в теории наказания в уголовном праве. Так в юриспруденцию допускается точка зрения целесообразности. «Но во всех случаях, – разъяснял Виноградов, – право слагается и санкционируется с целью утверждения общественного порядка, соглашения интересов, предупреждения и разрешения столкновений. Таким образом, над правом господствует идея целесообразности, хотя, как все явления природы, оно несомненно может рассматриваться и с точки зрения причинности»⁴². Тем не менее, ученый признавался, что решение вопроса «в чем должна состоять эта целесообразность» возможно «лишь в связи с философским движением»⁴³.

Уточнению принципа целесообразности служит предлагаемый Виноградовым в исторических исследованиях метод типологизации. «В главных чертах она, – писал Виноградов о целесообразности в юриспруденции, – сводится к характеристике того общественного типа, которому служит данная система права»⁴⁴. Экономические отношения – лишь один из факторов, определяющий этот тип. Для его пояснения ученый разбирал вопрос об ассоциациях. «В каждом соединении общественных элементов преобладает какая-нибудь форма ассо-

циации: свободно-договорной тип, или родовой союз, или городская община, или церковное правление, или социалистическое соединение»⁴⁵. «Но точка отправления и цель правовых норм в каждом из этих типов зависит от общего характера ассоциации, и сообразно с более или менее успешным проведением этих основных определений оценивается и значение той или иной правовой системы»⁴⁶. Контекст, в котором Виноградов использует понятие «общественный тип», даваемые им разъяснения, а также известные органические предпочтения ученого дают основание предположить, что здесь он переформулирует и перелагает для нужд своей юридической концепции теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Такие выражения, как «жизненные целесообразности», «синтетическое целое» лишь усиливают эту ассоциацию. Социальный тип у Виноградова, в отличие от культурно-исторического типа, получает более выраженную интеллектуальную интерпретацию, согласно которой стороны или основы социального типа понимаются как входящие в него, как в синтетическое целое, доктрины. «Каждый из этих типов, — излагал Виноградов свою мысль, — представляет из себя сложное целое, в котором комбинируются политические, экономические, моральные и религиозно-философские доктрины. Каждый подлежит поэтому анализу в своих элементах. Но в то же время каждый общественный тип обнаруживает жизненность, как синтетическое целое. Только благодаря этому синтезу род, народ, церковь, индивидуалистическое государство, социалистическое государство способны устраивать человеческие отношения на началах права. И изучение этих жизненных целесообразностей представляется, несомненно, одной из наиболее интересных задач для историков и юристов»⁴⁷.

«Существует на так много фундаментальных типов социальной организации, по крайней мере в Западном мире», — писал Виноградов⁴⁸. От социального типа зависят понятия собственности, преступления и наказания, права самого по себе. Виноградов выделял пять таких типов: род, город-государство, церковь, договорная ассоциация, коллективистическая ассоциация⁴⁹. Родовой тип основывается на родственных (кровных) связях, реальных или мнимых, естественных или искусственных. Его правовым выражением является провозглашенный обычай. Для города-государства характерно обособление «круга или клуба привилегированных граждан». Церковный тип, исторически реализовавшийся в средневековой Европе отличается дуализм феодального изоляционизма и экклезиастическо-

го универсализма. Правовым выражением этого типа служат иудаизм, каноническое право христианства и мусульманское право. Источником права здесь выступают божественные предписания. Социальный тип договорной (индивидуалистической) ассоциации представлен «нашей настоящей цивилизацией». В ее основе лежит «атомистический индивидуализм» и представление о суверенной воле как законодателя. Виноградов подробнее всего останавливается на особенностях этого типа. «Движение, которое характеризует современную историю от XVI века до XIX, – писал он, – и величайшим проявлением которого стала Французская революция 1789 г. было направлено к индивидуализму. Общество было реорганизовано на основе свободного соглашения между его членами. Договор стал принципиальной формой кооперации и все социальные отношения стали подразумеваться как подвижные группировки между свободными и равными индивидами»⁵⁰. Идеалы общественной пользы, а также компромисс, вызванный постоянными столкновениями индивидуальных интересов с государственными, привели к тому, что цель развития государства стала пониматься как поиск улучшения благосостояния и гармонизации интересов между индивидами и между личностью и самим государством.

Социальные типы позволяют не только обозначить историческую специфику и сущность права, но и осмыслить его развитие. Само направление исследований, на котором сосредоточился Виноградов в эмиграции – историческое правоведение, – привело его к изучению права и юридических доктрин. Более того, для Виноградова сущность правоотношений, поясняемая понятиями общего блага, справедливости, власти, порядка, полнее всего раскрывалась в историческом движении правовой мысли. Свои юридические исследования ученый специально строил по эпохам развития юридического мышления и смене правовых концепций. Виноградов предлагал историографическое рассмотрение вопроса о целях и методах юриспруденции, сложившихся под влиянием других наук⁵¹. В своих курсах он выделял несколько основных эпох в истории права: правоведение греков и римлян, каноническое право средневековой Европы, новоевропейские правовые системы, включающие, прежде всего, правовые учения Возрождения и рационализма (Г. Гроций, Т. Гоббс, С. Пуффендорф, Г. Лейбниц), а также английскую юридическую традицию, представленную Блэкстоном и Д. Бентамом. Как отмечал Виноградов в заключении своего курса «История правоведения», «во всех этих

эпохах человечество в своей правовой мысли проводит несколько основных принципов и дорожит ими, испытывает их, можно сказать, даже экспериментально»⁵². В сменяющихся юридических доктринах мы видим, прежде всего, как фиксируются отношения между личностью и государством. У греков заметно подчинение личности государству; римляне, напротив, в правоотношениях делают упор на личности, отмежевывая ее от сферы государственных отношений; в средние века центр правоотношений переносится в трансцендентный, внеземной мир, в «град Божий».

Греческие, римские и ренессансные юристы заложили философские и технические основы последующих исследований. Однако наиболее жизненный (*vital*) вклад в развитие правосознания был сделан учеными за последние три столетия. Виноградов предлагает рассматривать становление современной юридической теории как часть общего развития европейского мышления. «Это бросающиеся в глаза вехи, — намечает он его основные этапы, — которые помогут нам найти путь в лабиринте доктрин: говоря пространно, направление юридических теорий рассматривалось по трем главным течениям, соответствующим общим движениям европейского мышления: оно началось с преобладания *рационализма* в философии и науке; решительная *романтическая реакция* выступила против стандартов рационалистических методов и, наконец, идея эволюции распространилась во все области естественных и социальных наук»⁵³. С конца XVIII и вплоть до начала XX в., уточнял Виноградов, в правоведении обозначились две тенденции: «...в сторону постановки права по отношению к его целому — преимущественно в идеалистических школах, и с другой стороны, эволюция права по отношению к причинам, в школах исторических и социологических»⁵⁴. История юриспруденции иллюстрирует идею постепенного развития права. «Эта идея основана на "справедливости" и естественном праве», — заключал Виноградов⁵⁵.

Рационалистическая школа права родилась из борьбы двух направлений философской и научной мысли Нового времени: рационализма и эмпиризма. Появление рационализма и эмпиризма было связано с заметным прогрессом в XVII–XVIII вв. в математике и естественных науках, прежде всего в астрономии, механике, физике, опирающихся на метод наблюдения и дедуктивные умозаключения. Рационалистическая точка зрения получила распространение и в науках об обществе. «В *социальной науке*, — полагал Виноградов, — метод рационали-

стической рефлексии столь же заметен, хотя и более труден в применении, поэтому он не столь плодотворен по научным результатам, близким к тому, что дает политическая экономия»⁵⁶. В юриспруденции рационалистический подход получил распространение в виде теории естественного права. «Естественный закон, конечно, реконструируется посредством разума», – подытоживал ученый, объединяя рационалистическую и естественно-правовую доктрины⁵⁷. Для рационалистического правоведения характерны опора на отдельного индивида и понимание общества как совокупности разумных существ. Принципиальное место в рассуждениях занимает анализ мотивов поведения такого изолированного индивида. В качестве доминирующего мотива социально (в том числе и юридически) санкционированного поведения принимается стремление к счастью, которое есть достижение удовольствия и избегание страдания. Исходный импульс социальной доктрины рационализма – эгоизм, который должен быть трансформирован в моральные качества, наиболее полно раскрываемые в учении утилитаризма. «Но история, – пояснял Виноградов теоретические импликации рационализма, – сама по себе не имеет ценности для рационалистов и как социальное развитие была для них всего лишь суммой индивидуальных выражений, полной трансформацией эгоизма в мораль, эффективной, благодаря расчетам выгоды»⁵⁸. Из правовых теорий, сложившихся на основе рационализма, Виноградов рассматривал, с одной стороны, либерально ориентированные доктрины Д. Локка, Ж.Ж. Руссо и И. Канта. «Высшей точкой их учения, – пояснял историк, – стала идея договора, как основы политической и правовой организации»⁵⁹. К этому же направлению Виноградов относил концепцию Блэкстона. С другой стороны, ученый анализировал теории Т. Гоббса и С. Пуффендорфа; их «высшей точкой является идея *власти* (authority) как противоположность идеи свободы»⁶⁰. С. Пуффендорф разрабатывал учение о полицейском государстве. Согласно же Т. Гоббсу, «право и Государство должны управляться суверенной волей, опирающейся на безграничную силу»⁶¹.

Более подробно Виноградов разбирал учения Бентама⁶² и Остина⁶³. Со ссылкой на Остина, Виноградов рассматривал один из основополагающих принципов рационалистического правоведения – идею суверенитета. «Суверен, – разъяснял исследователь, – определяется как личность или личности, обладающие полнотой власти в государстве»⁶⁴. Подводя итог сильным и слабым сторонам рационалистической юриспру-

денции, Виноградов писал, что «критическая проверка результатов, достигнутых рационалистическим правоведением, обнаруживает тот факт, что их убедительные достижения состоят в анализе определенных формальных понятий позитивного права. Это помогает объяснить работу того механизма, посредством которого законодательная власть устанавливает правила, предписанные для судов статутного и общего права (Courts of Law) и полиции. Оно не решает проблем происхождения правовых правил и их отношение к жизни и обществу»⁶⁵.

Пересмотр социального и правового учения рационализма стал следствием политической борьбы своего времени, в результате которой сформировалось представление об историчности социально-правовых норм, возникающих в конкретной исторической обстановке и отвечающих нуждам конкретной эпохи. Французская революция вызвала всплеск иррациональных, подсознательных и бессознательных проявлений человеческой природы. Борьба с Наполеоном спровоцировала рост национальных движений. Для объяснения общественных процессов чаще стали прибегать к чувству, инстинкту, воображению, традиции и мистике. На этом фоне и сложилось романтическое движение, давшее толчок развитию науки о языке, сравнительной фольклористике, истории религии. Романтические идеи эпохи реализовались в «исторической школе права», главой которой в Германии стал Ф.К. Савиньи. «Деятельность “исторической школы права” не была напрасной, — писал Виноградов, — и последующее развитие не стерло ее с доски. Если рационалистические школы проясняли логическую связь между формальными принципами положительного права, то историческая школа и романтическое движение выработали органический взгляд на институты и правила и заменили просветительские рационалистические концепции более широким индивидуалистическим и социально-психологическим взглядом. Но мистический национализм романтической теории не устоял перед критической проверкой научным прогрессом. Нации существуют вполне определенно, но не в том же смысле, как индивиды: их развитие не ограничено неподатливыми формами, они более свободно реагируют на обстоятельства и имеют в своем распоряжении больше возможностей для приспособления. Традиция является могущественным фактором в их жизни, но есть и прогресс. Действительное направление европейской истории не сводится к реакции и консерватизму: через одно или два поколения она снова встает на путь реформ и перемен»⁶⁶.

С критических позиций Виноградов рассматривал учение экономического материализма⁶⁷. «Мы выступаем против попытки объединения экономического анализа с конкретными процессами истории в одной исчерпывающей схеме, – возмущался исследователь, – которая, однажды признанная, не просто объясняет, а стремится к практическому применению»⁶⁸. Согласно Виноградову, «экономический материализм есть искажение истины. В литературной последовательности он представляется противоположным полюсом идеалистического монизма, который провозгласил Гегель»⁶⁹. «Спекуляции подобного рода, – еще более резко писал ученый, – ничего не имеют с исследованием истины: они очевидно предназначены для партии фанатиков»⁷⁰. Основной упрек марксизму – односторонность объяснения общественных явлений. В историко-правовом отношении марксизм разрушает принцип, выработанный многовековым развитием юриспруденции – принцип господства права. «Главное же недомыслие экономического материализма, – уточнял Виноградов, – состоит в игнорировании целесообразности, как мерила ценности. Отсюда нелепое отрицание права как общественной необходимости и как науки»⁷¹. Философская установка, искажающая в марксизме познание исторической жизни, состоит в смешении вещей самих по себе и вещей для нас, в навязывании миру наших субъективных представлений и априорных схем. «Все разнообразие исторического монизма, – начинал свой философский анализ Виноградов, – кажутся в равной мере ошибочны, поскольку они так или иначе подразумевают торжество факта и идеи, следствия и конца. Предполагая однажды, что такое тождество является, они делают их научно невозможными, поскольку мы ограничены нашим разумом, рассматривающим все, что существует в двух различных аспектах – со стороны данности фактов и со стороны их реакции на наше восприятие и активность индивидуальности. Философия может пытаться примирить эти точки зрения, но научное исследование вынуждено трактовать каждую серию в согласии с методом, предназначенным для него»⁷².

Значительно большую научную ценность Виноградов признавал за антропологической юриспруденцией, появление которой было вызвано развитием во второй половине XIX в. антропологии и праисторической археологии. «Область социальных исследований была буквально атакована во второй половине девятнадцатого века антропологическими открытиями», – отмечал Виноградов⁷³. Антропология и археология да-

вали знание о ранних стадиях развития общества, которые отождествлялись с образом жизни современных, так называемых, примитивных народов. В науке закрепилось убеждение, разделяемое и Виноградовым, что ранние этапы определяют последующее развитие общества. «В долгой истории цивилизации первые шаги во многих отношениях самые решающие», — писал ученый⁷⁴. На основе данных, добываемых при исследовании примитивных обществ, сложилось сравнительное правоведение, а в рамках него и антропологическая юриспруденция. Ее становлению как самостоятельной области юридических исследований способствовали сочинения Г. Мэна, а в России — М.М. Ковалевского. «Одной из существенных черт этих работ, иллюстрирующих естественную историю правовых обычаев и правил посредством сравнения и аналогии, была попытка формулировать обобщения, как нормальные последствия развития, или то, что может быть названо эмпирическими законами в юриспруденции»⁷⁵. Однако недостатком антропологической юриспруденции была описательность, стремление дать расширенное толкование правовых и социальных явлений в ущерб глубине их анализа.

Антропологическая юриспруденция, в частности проект «генетической социологии» М.М. Ковалевского, пересекается с еще одним характерным направлением в юриспруденции второй половины XIX в. — социологической школой права. К этому направлению примыкают и исследования самого Виноградова. «Акцент на социальной обусловленности происхождения и развития права, который присутствует в исторических и теоретических построениях Виноградова, дает достаточные основания причислять его к социологическому течению в современном правоведении», — заключает В.Г. Графский⁷⁶. Разбирая «социологическую трактовку правовых фактов»⁷⁷, Виноградов касается концепции Р. Иеринга, прежде всего выраженную в его книге «Цель в праве», а также возрождения модифицированного учения о естественном праве. «Руководящие идеи сводились к тому, — пояснял взгляды Р. Иеринга ученый, — что все человеческое поведение направлено к целям, эти цели определяются пользой, стремятся к добру и избегают зла. Секрет истории состоит в том факте, что добро и зло оценивается не индивидами, а обществом, и что общественные цели прививаются индивидуальному сознанию посредством воспитательного воздействия общества через моду, конвенциональные правила, моральный тренинг и этические идеалы, в конце концов и наиболее эффективно — через право. История

правовых учений и институтов посвящена прослеживанию эволюции этого социального воспитания, осложненного всеми разнообразными влияниями расы, географического положения, климата, экономического устройства, политической организации, отношениями с соседями, взаимодействием религиозных и научных идей и т. д., но при этом направленном на достижение благосостояния при помощи социальных средств»⁷⁸. Виноградов настаивал на социальной природе юридических норм и их исторической ценности. Историзм означал возможность изменения и относительности правовых установлений, их модификации в зависимости от общества и сложившейся исторической ситуации. «Принципы прав по существу социальные. Такие принципы, – уточнял Виноградов взгляды Е. Эрлиха, – должны быть широкими и общими, но они не могут быть универсальными и вечными: они обращены к природе человека, но не абстрактно, а как определенные обстоятельствами. Каждый век будет иметь свои собственные идеалы...»⁷⁹

Научный авторитет социологической школы права, задающий взгляд на историю правоведения как на обусловленный общественным развитием процесс изменения и совершенствования юридических представлений, может быть усилен теми научными дивидендами, которые можно извлечь из обособленной дарвинизмом эволюционной точки зрения. «Ни одно событие в истории научного мышления, – утверждал Виноградов, – не имело такого значительного влияния на формирование мыслительных навыков исследователей и философов, как возникновение дарвинизма. Биологический взгляд, принявший форму эволюционизма, стал преобладать не только в естественных науках, но так же и в изучении человека и общества»⁸⁰. Приложение концепции биологической эволюции к обществоведению привело к перенесению в социальную науку таких представлений, как борьба за существование, процесс отбора, адаптация посредством наследственности, единство организма. И это перенесение, на взгляд Виноградова, не было бесплодным. «Главные принципы этого движения, – писал он, – были доказаны очень убедительно развитием социальных исследований. Три идеи сыграли в этом отношении решающую роль: идея постепенного приспособления к условиям, идея непрерывной связи между становлением высших животных и человеческой жизнью и идея трансформации индивидуальных способностей в зависимости от жизни социальных групп»⁸¹.

В юриспруденции эволюционная точка зрения сыграла не

менее плодотворную роль. Как в организме мы видим, с одной стороны, функцию наследственности, связанную с закреплением навыков и сохранением организма, а с другой – функцию, обеспечивающую приспособление организма к окружающей среде, так и в развитии юридической мысли взаимодействуют и противостоят две тенденции: стабилизирующая, традиционалистская и прогрессирующая, реформистская. «В целом, – писал об этом Виноградов, – не может быть сомнения в том, что идея эволюции потенциально влияла на юридические занятия. Она не только наводила юристов на объяснение последствий перемен мышления, которые все системы положительного права проходили в своей истории, но она помогала нащупать собственный метод, оценивая направления развития: мы все признаем сейчас, что право выросло из осознанных усилий разрешить специальные проблемы, порожденные прежними стадиями развития и влиянием окружения. В то же время, задача уяснения последствий эволюции закона и права лежит, на самом деле, в источнике любой юридической деятельности. Эволюция в ее доминирующих значениях утверждает борьбу между двумя противостоящими тенденциями – уверенности и постоянства правовой системы и прогресса и приспособления к обстоятельствам для того, чтобы достичь социальной справедливости»⁸². Итог приобщения исторического правоведения к сциентистскому потенциалу эволюционизма таков же, как и всякой другой исторической дисциплины – онаучивание по образцу естествознания. «Эволюционное движение в науке и философии, – рекламировал Виноградов достоинства эволюционной методологии, – раскрывает тесную связь между условиями прошедшего и целями будущего. Историческое правоведение получает мало-помалу характер сравнительно-исторического изучения и тем самым приближается по своему методу к естественным наукам»⁸³.

Принципы эволюции права, отмечал Виноградов, опираясь на «старую историческую школу», отстаивал Р. Иеринг⁸⁴. В своей исторической эволюции юриспруденция, согласно русскому ученому, прошла три стадии: преобладание идеи провидения, рационалистическое понимание права в Новое время. «Не может быть сомнения в том, – указывал он, – что мы живем в начале нового периода в истории социально мысли... Общий характер этого процесса, кажется, состоит в том, что может быть названо научной трактовкой социальной жизни, отличной от рационалистического индивидуализма. Он сопря-

жен не со свойствами человеческого атома, но с законами социальной комбинации, связанной с преобладанием концепции справедливости»⁸⁵.

В корреляции с исторической тенденцией в праве находится и так называемая «общая юриспруденция», устанавливающая фундаментальные принципы правоведения. В ее компетенцию входит и вопрос о методе права, традиционно отсылающий к логике. Развитие общей юриспруденции, заключает Виноградов, показывает, что она находит опору в индивидуализме; в ее основе лежат «юридические принципы индивидуалистического общества»⁸⁶. Ученый также говорит об историчности догматической, или, как предпочитают выражаться в Англии, аналитической юриспруденции, которая больше не может претендовать на абсолютность. «Мне кажется, – рассуждал Виноградов о методологической стороне общей юриспруденции, – что ключ найден в разнообразных попытках построения *общей* юриспруденции для цивилизованного человечества. Такие попытки привели на самом деле к конструированию *типологической* юриспруденции *индивидуалистического* направления»⁸⁷. В новоевропейской правовой мысли индивидуализм, как известно, получил свое юридическое оправдание в рационалистических системах права. Отсюда и базовые положения общей юриспруденции в интерпретации Виноградова явно отсылают к естественному праву. «Они, – пишет ученый, – представляют концентрацию ведущих юридических принципов различных разделов права вокруг концепции происхождения из природы социальных связей – как согласования индивидуальных волей»⁸⁸.

12 сентября 1908 г. во вступительной лекции в курс «Истории правоведения», прочитанной Виноградовым в Московском университете после семилетнего пребывания в Англии, он ставил вопрос о соотношении истории и юридической науки: «Какой интерес представляет для историков правоведение, а для юристов – его история? В каком смысле будет идти речь о ведении, о знании права? Можно ли излагать историю правоведения вне национальных и временных рамок, так сказать, с всемирно-исторической точки зрения?»⁸⁹. Общий предмет истории и права – жизнь – неизбежно сближает обе дисциплины; а органическая методология уравнивает исторический и юридический способы познания общества. «Как все живое, – развивал Виноградов органический взгляд на право, – оно происходит, растет и разлагается, и для полного его понимания необходимо уяснить себе условия его происхождения,

роста и видоизменения»⁹⁰. Юридические отношения – обязательная составляющая постижения прошлого. По словам Виноградова, «право так же мало может отсутствовать в совокупности исторического знания, как оно не может быть пропущено в действительной жизни: его вес и значение в истории прямо пропорциональны его роли в современной действительности»⁹¹. Виноградов, конечно, несколько модернизирует историю и от важности правоотношений в современном мире по аналогии заключает об их месте в прошлом. Продолжая свои рассуждения о переплетении истории и права, он упоминает историю политических учений: «История политических учений, несомненно, представляет очень важную часть исторического образования. Но политические учения не что иное, как отдел правоведения, посвященный литературному развитию государственного права»⁹². В то же время и само право вполне естественно (в том числе и в органическом смысле) может рассматриваться с исторической точки зрения. История права – обязательная часть юридической науки. «Но так как право есть явление историческое, – уточнял Виноградов, – так как оно дано не раз навсегда, а в изменяющейся общественной обстановке, то всякая математическая теория права нуждается по необходимости в исторических оговорках»⁹³.

Этим, однако, аргументы Виноградова не исчерпывались. Он неоднократно возвращался к вопросу о неизбежной дополнительности работы историка и юриста. Следуя диалектическому течению мысли, Виноградов видел перспективу такой взаимодополнительности в единстве исторического и логического, в укоренности юридической догмы в условиях социальной жизни. Историческое измерение правовых явлений состояло для него, по существу, в их социологической интерпретации. Как писал Виноградов в начале статьи «Перспективы исторического правоведения», «всякий раз, когда заходит речь о духе тех или иных постановлений, о *смысле* тех или других правовых норм, юридический вопрос по необходимости становится социологическим, оказывается как бы в рамке условий общественности и притом общественности исторической. Исторической потому, что нет возможности провести точную границу между *догмой* настоящего и *условиями* вчерашней жизни. Все что живет во времени составляет достояние истории. Настоящий момент принадлежит ее наблюдению не менее вчерашнего или третьего дняшнего, поскольку он есть звено в цепи развития.

Поэтому главнейшие методические задачи историческо-

го знания по необходимости обнимают область права, и юристы не могут пройти мимо главных контrovers, разделяющих историков»⁹⁴. Одним из примеров общих для историков и юристов «контrovers» может служить «спор о границах применения естественно-научных методов»⁹⁵, спровоцированный немцами неокантианцами. Ответ на него Виноградов для себя нашел. Он критиковал неокантианский подход, признавая возможность в социальных науках как причинного, так и телеологического объяснения. Общенаучные элементы присутствуют во всяком историческом исследовании⁹⁶.

В своих специальных исследованиях Виноградов также часто прослеживал общность исторических и правовых проблем. «В моих юридических и исторических работах, — признавался он, — постоянно акцентировалась одна крупная проблема — проблема соотношения условий и следствий, целей и судьбы»⁹⁷. Вопрос о соотношении истории и права у Виноградова постоянно переплетается с вопросом о соотношении истории и исторического правоведения, т. е. дисциплин, которыми непосредственно занимался сам ученый. Историческое правоведение, конечно, не совсем то же, что история права. Прежде всего они различаются по методу: хронологический у истории права и типологический у исторического правоведения. Но, признавая такое различие, Виноградов, задавая ретроспективную интерпретацию правовых систем, все же не считал это различие принципиальным. «Наука о праве — общая теория права — или о правоведении, — рассуждал он в начале курса «История правоведения», — может быть, конечно, изложена, и часто излагается, как отрасль логики наук, в системе общих определений, подкрепленных и иллюстрированных анализом отдельных примеров. Но так, как право есть явление историческое, так как оно дано не раз навсегда, а в изменяющейся общественной обстановке, то всякая систематическая теория права нуждается по необходимости в исторических оговорках, а затем, даже не поднимая бесплодный вопрос о том, что лучше и важнее, систематическое построение или характеристика развития, ясно, что во всяком случае наряду с систематической общей теорией или энциклопедией права есть место для изложения смены теорий, подсказанных мыслящему человечеству постепенным применением его задач и обуславливающей обстановки»⁹⁸. Развивая те же мысли в поздней работе, ученый писал: «О связи между историей и юриспруденцией мы можем говорить во многих случаях. Сейчас достаточно констатировать, что история не может противопостав-

ляться теоретическому изучению права, потому что она предусмотрена одним из существенных элементов юридического метода. Как для философии ее влияние является всепроникающим и непременно чувствуется в обращении к любому предмету: его форм, как это было, атмосфера научных исследований»⁹⁹.

Историческое правоведение, несомненно, еще теснее примыкает к исторической науке, чем систематическое, догматическое или теоретическое изложение права. Ощущение общности усиливается и методологической близостью двух дисциплин. Речь идет о сравнительно-историческом методе, прописавшемся как в юридических исследованиях, так и в истории. «Историческое правоведение, — отмечал Виноградов научную тенденцию XIX в., — получает мало-помалу характер сравнительно-исторического изучения и тем самым приближается по своему методу к естественным наукам, вводит принцип закономерного развития»¹⁰⁰. Схожий процесс онаучивания постиг в XIX в. и историю. Общим для историографии и правоведения является не только сравнительно-исторический метод, но и понятие «культурной традиции»¹⁰¹. Историческое рассмотрение правоотношений, осуществляемое при помощи сравнительно-исторического метода, необходимо для лучшего уяснения целей и методов права. Оказывая взаимные услуги, история и историческое правоведение могут успешнее продвигаться на своем научном поприще. Однако, сетовал Виноградов, их взаимодействие не столь интенсивно, как хотелось бы. «Определенное знание исторической юриспруденции необходимо историкам, — писал ученый, — потому что оно помогает упорядочить данные политической и социальной жизни в соответствии с постоянными схемами права. Для правоведов историческая юриспруденция является лучшим введением в социальную интерпретацию их бесчисленных профессиональных технических правил и доктрин. К несчастью, сотрудничество между юристами и историками, все-таки очень желаемое, не столь часто достижимо на практике. Историки еще не пришли к осознанию того, что частное право может быть более важно для общественного развития, чем конституционное устройство. Так же и правоведы часто довольствуются стереотипными утверждениями из более или менее устарелых учебников»¹⁰².

Историческое правоведение, учитывая хронологическое расположение материала, должно строиться все же не по строго временному, а по типологическому принципу. «Существен-

ный пункт состоит в признании ценности *исторических типов* как основания теории права», – отмечал Виноградов¹⁰³. Типологическое конструирование предполагает выявление смысловой или идейной комбинации базовых принципов юридического мышления и правовых отношений для каждого типа. Виноградов выделял шесть типов, в соответствии с которыми строил свои исследования по исторической юриспруденции: 1) Происхождение тотемистического общества; 2) Родовое право; 3) Гражданское право; 4) Средневековое право в его комбинации с каноническим и феодальным правом; 5) Индивидуалистическая юриспруденция; 6) Начала социальных тенденций в праве. Исторические типы права в значительной степени повторяют предлагаемое Виноградовым деление на социальные типы.

С другой стороны, теоретической опорой правоведения служат философские системы. «Соглашение права и философии, – утверждал исследователь, – составляет, без сомнения, одно из важнейших условий для развития правоведения»¹⁰⁴. Универсальность философского подхода и широта предмета философского интереса не могут пройти мимо правоотношений. «Право, – бросал Виноградов панорамный взгляд на юриспруденцию, – есть один из важнейших отделов человеческого мышления и социальной активности. Как такое, оно требует внимания не только со стороны юристов, но и со стороны изучающих общественную науку, философов и, в широком смысле, всех образованных людей»¹⁰⁵. Отмечая теоретическое значение философии, Виноградов, тем не менее, сводит ее по позитивистским канонам к мировоззрению. Мировоззренческая функция философии задает тот теоретический фон, на котором проходит развитие юридической науки. В то же время философия включает в себя такую нормативную дисциплину, как этика, что еще теснее увязывает ее с правоведением. Виноградова, конечно, не занимала широкая теоретическая проблема соотношения философии и права со всеми ее пространными умозрительными импликациями. Он лишь намечал точки пересечения историко-философского и историко-правового исследования. Историко-философская точка зрения задает теоретическое направление рассмотрению историко-правовых сюжетов. «Комбинация исторического правоведения с философской или, лучше сказать, – пояснял Виноградов, – с историей философии, знаменательна. В ней выражается тот факт первостепенной важности, что образование юридических теорий теснейшим образом связано с

общим мирозозерцанием данной эпохи. Философия подводит итог этому мирозозерцанию и дает ему теоретическое обоснование – уже поэтому она составляет как бы духовную атмосферу для развития правоведения. Кроме того, конечно, установка этики ближайшим образом отражается на праве, которое в известном смысле является политическим приложением этики... Соотношение права и философии составляют таким образом, без сомнения, одно из важнейших условий для развития правоведения»¹⁰⁶. Философия и право сопрягаются в единой теоретической перспективе. Виноградов отмечает и устойчивое влияние отдельных философских концепций на право. Причина такой живучести философских представлений в правовых теориях состоит в общности их задач и понимания социальных явлений.

В итоге своих рассуждений Виноградов приходит к диалектическому определению права, имеющему и историко-политическое и историко-философское измерения. По его словам, с практической «стороны оно примыкает к общеполитической истории, как со стороны умозрительной к истории философских систем»¹⁰⁷. Соотношением этих двух уровней объясняется взаимодействие самобытно-исторической и универсально-логической составляющих в праве. «Придавая отвлеченным противоположностям несколько схематическую определенность, – писал ученый, – можно сказать, что национально-историческая оправа каждой школы правоведения обособляет ее, замыкает в отдельное звено, тогда как диалектическая преемственность философского мышления обеспечивает связь между этими звеньями, соединяет их в непрерывную цепь, которая продолжается и до наших дней и которую мы передаем грядущим поколениям»¹⁰⁸. И здесь же Виноградов дает утвердительный ответ на вопрос о возможности рассмотрения истории права с всемирно-исторической точки зрения: «Как часть истории цивилизации развитие правоведения имеет именно всемирно-исторический характер»¹⁰⁹.

Виноградов, однако, не ограничился пространным теоретизированием по поводу важности изучения права для истории, а истории для права, но попытался реализовать этот подход в своих конкретно-исторических исследованиях. О непосредственном перенесении метода права на историю он, в частности, писал в «Villainage in England»: «И вот диалектическое исследование юридических форм, которое обнаруживает в них противоречия и искусственное соединение совершенно различных понятий, серьезно помогает нам проникнуть в про-

цесс исторического наслаивания идей и фактов, наслаивания, неустранимого при всех стремлениях юристов к единству и логике»¹¹⁰. Право – наиболее точный и удобный из имеющихся показателей тех исторических изменений, которые происходят в сфере социальных отношений. Историческое правоведение может помочь историку не только осуществить выборку исторических фактов, но и дать им смысловую интерпретацию в зависимости от трансформации юридического мышления и смены правовых представлений. Здесь Виноградов усматривал уже идеологический момент в отношении юриспруденции к истории. «Оно, – писал ученый о правоведении, – может показывать течение действительной истории. В данном случае историк права устанавливает наиболее существенные черты бесчисленных событий. Но цель может также состоять в том, чтобы проследить жизнь правовых идей в их действии и противодействии условиям, и для этой цели занимающийся исторической юриспруденцией вынужден группировать ее материал скорее в соответствии с разделениями и отношениями идей, чем фактов. Другими словами, в порядке следования хронологии правовой истории: из чего следует идеологичность исторического правоведения»¹¹¹. Право – своеобразный исторический индикатор, позволяющий отслеживать и фиксировать социальные трансформации. «В известном смысле оно, – писал Виноградов о праве, – самый ценный продукт сил, действующих в истории общества, как раз вследствие своего формализма и тех теоретических тенденций, которые сообщают очень определенную, хотя и искаженную несколько форму социальным процессам, находящимся в сфере его действия»¹¹².

Собственную исследовательскую позицию Виноградов обозначал как изучение внутренней истории, важное, но не исключительное значение в которой придавалось анализу правовых отношений. Поясняя свой подход в магистерской диссертации «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии», которую Виноградов писал намеренно по контрасту к книге П.Н. Кудрявцева «Судьбы Италии», он отмечал в автобиографическом очерке: «Происхождение феодальных отношений всецело посвящено так называемой внутренней истории, и притом хозяйственной, правовой и политической, а не религиозной и культурной»¹¹³. В докторской диссертации «Исследования по социальной истории Англии в средние века» правовой акцент уже становится доминирующим. Как указывал Д.М. Петрушевский: «Виноградов сразу же ста-

новится на почву чисто юридического изучения социальных отношений средневековой Англии»¹¹⁴, в отличии от экономической точки зрения Ф. Сибом.

Примечания

- ¹ Богословский М.М. [П.Г. Виноградов]
- ² Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 3.
- ³ Ibid. P. 15.
- ⁴ Ibid. P. 52.
- ⁵ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. I. P. 192.
- ⁶ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 318.
- ⁷ Ibid. P. 317.
- ⁸ Ibid. P. 214.
- ⁹ Виноградов П.Г. История правоведения. (курс для историков и юристов). Лекции, читанные в Императорском Московском Университете в осеннем семестре 1908/9 года. Литография. М., 1908. С. 222.
- ¹⁰ Там же. С. 19.
- ¹¹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права.
- ¹² Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 467–468.
- ¹³ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 14–15.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 347.
- ¹⁷ Ibid. P. 344.
- ¹⁸ Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 4.
- ¹⁹ Ibid. P. 47.
- ²⁰ Виноградов П.Г. История правоведения. С. 13; см. тоже: Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 11.
- ²¹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 6.
- ²² Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 34.
- ²³ Виноградов П.Г. Практика английских государственных учреждений // Лой С. Государственный строй Англии. М., 1910. С. 3.
- ²⁴ Там же. С. 7.
- ²⁵ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 320–323.
- ²⁶ Ibid. P. 470.
- ²⁷ Ibid. P. 422.
- ²⁸ Ibid. P. 380.
- ²⁹ Ibid. P. 210.
- ³⁰ Исторические основы английского административного права.

Речь академика П.Г. Виноградова, предназначавшаяся к прочтению в торжественном годовом собрании Российской Академии Наук 29 декабря 1917 года. Пг., 1918. С. 2.

³¹ Там же.

³² *Vinogradoff P. The Russian Problem.* P. 26.

³³ *Виноградов П.Г. История правоведения.* С. 219.

³⁴ Там же. С. 220.

³⁵ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II.* P. 256.

³⁶ *Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк.* С.22.

³⁷ Там же. С. 21.

³⁸ *Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения.* С. 160.

³⁹ Там же. С. 158.

⁴⁰ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I.* P. 119.

⁴¹ *Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения.* С. 159.

⁴² Там же. С. 158.

⁴³ Там же. С. 160.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 161.

⁴⁷ Там же. С. 161.

⁴⁸ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II.* P. 212.

⁴⁹ Ibid. P. 250–251.

⁵⁰ Ibid. P. 231.

⁵¹ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I.* P. 103.

⁵² *Виноградов П.Г. История правоведения.* С. 220.

⁵³ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I.* P. 104.

⁵⁴ *Виноградов П.Г. История правоведения.* С. 221.

⁵⁵ Там же. С. 222.

⁵⁶ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I.* P. 108.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid. P. 110.

⁵⁹ Ibid. P. 111.

⁶⁰ Ibid. P. 113.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. P. 114–115.

⁶³ Ibid. P. 115–118.

⁶⁴ Ibid. P. 121.

⁶⁵ Ibid. P. 123.

⁶⁶ Ibid. P. 134–135.

⁶⁷ Ibid. P. 79–86, etc.

⁶⁸ Ibid. P. 80.

⁶⁹ *Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения.* С. 157.

⁷⁰ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II.* P. 256.

⁷¹ Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения. 157–158. «Один из принципов, провозглашаемый экономическим монизмом – отрицание ценности права» (*Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. II. P. 256.*).

⁷² *Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. II. P. 256.*

⁷³ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 138.*

⁷⁴ *Ibid. P. 137.*

⁷⁵ *Ibid. P. 140.*

⁷⁶ Графский В.Г. Павел Виноградов как историк права // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 97.

⁷⁷ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 141.*

⁷⁸ *Ibid. P. 143.*

⁷⁹ *Ibid. P. 145.*

⁸⁰ *Ibid. P. 136.*

⁸¹ *Ibid. P. 136–137.*

⁸² *Ibid. P. 146.*

⁸³ Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 13–14.

⁸⁴ *Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. II. P. 258.*

⁸⁵ *Ibid. P. 348–349.*

⁸⁶ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 155.*

⁸⁷ *Ibid. P. 157.*

⁸⁸ *Ibid.*

⁸⁹ Виноградов П.Г. Задачи правоведения // Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета. М., 1909. С. 7.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 8.

⁹² Там же. С. 9.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения. С. 154.

⁹⁵ Там же. С. 155.

⁹⁶ *Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. II. P. 254–255.*

⁹⁷ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. VII.*

⁹⁸ Виноградов П.Г. История правоведения. С. 11.

⁹⁹ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 4.*

¹⁰⁰ Виноградов П.Г. История правоведения. С. 18.

¹⁰¹ *Vinogradoff P. The Collected Papers. Vol. II. P. 205–206.*

¹⁰² *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. VII.*

¹⁰³ *Ibid. P. 160.*

¹⁰⁴ Виноградов П.Г. История правоведения. С. 13.

¹⁰⁵ *Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 3.*

¹⁰⁶ Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 10.

¹⁰⁷ Там же. С. 11.

¹⁰⁸ Там же. С. 12.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ *Vinogradoff P.* Villainage in England. P. 128.

¹¹¹ *Vinogradoff P.* Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 155.

¹¹² *Vinogradoff P.* Villainage in England. P. 127.

¹¹³ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 70.

¹¹⁴ Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. С.10.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

История в широком смысле есть ни что иное, как социальный опыт человечества. Жизнь человечества ориентирована на будущее, но его корни в прошлом и они простираются иногда очень глубоко в прошлое.

П.Г. Виноградов «Цели и методы правоведения» (1923)

И методологическая сторона исторических разысканий Виноградова, и сосредоточенность на проблемах социальной истории постепенно выработали у ученого обобщенный взгляд на исторический процесс и эволюцию общества, что, в частности, сказалось в разработке им теории прогресса. Именно касаясь вопроса о прогрессе и социальной эволюции, исследования Виноградова приобретали социологическую окраску. Хотя, надо сказать, отношение Виноградова к социологии не было однозначно положительным. Сам историк с недоверием воспринимал умозрительные построения новой на то время науки. «К теоретической социологии он, — аттестовал Виноградов свое отношение к позитивной науке об обществе, — относился скептически ввиду малой обоснованности и схоластической отвлеченности ее положений. В историческом процессе его главным образом интересовала социально-экономическая и правовая сторона. Задачей истории он считал объективную реконструкцию исторических фактов в их органической причинной связи»¹. Критического порицания со стороны ученого удостоивались и «терминологические экзерсисы» Е.В. Де Роберти, и «парадоксальные фантазии» Л. Уорда. Виноградов, вероятно, неоднократно прямо выражал свое отношение к еще не утвердившейся в своем научном статусе социологии. Некоторые исследователи, отталкиваясь от этих высказываний историка, противопоставляли подход Виноградова социологическим поискам эпохи. В шестом томе Венгровского словаря Н.И. Кареев в статье о Виноградове писал по этому поводу: «Вообще, по-видимому, он рано начал относиться с некоторым недоверием и даже известного рода предрешением к общим теориям историко-философского и

социологического характера»². И далее, касаясь общеисторических взглядов ученого, Н.И. Кареев отмечал, что «вполне ясно и определенно он нигде не изложил своих историологических воззрений»³. Впрочем, такая оценка не помешала Н.И. Карееву в «Основах русской социологии» причислить Виноградова вместе с В.О. Ключевским к «историкам-социологам»⁴. В курсе по русской историографии направление Виноградова Н.Л. Рубинштейн классифицировал, как «школу социальных исследований»⁵. К сторонникам органической теории в социологии относил Виноградова А.Л. Шапиро, непосредственно сближавший его в этом отношении с Г. Спенсером⁶. Аналогичную оценку Виноградова, как последователя социального биологизма в духе Г. Спенсера, давал и Б.Г. Могильницкий⁷. Однако, по мнению А.Л. Шапиро, органическая точка зрения в полной мере не была применена Виноградовым в конкретных исторических исследованиях. «Перенесенная на социальную жизнь биологическая эволюционная точка зрения совмещалась у Виноградова с идеей всемирно-исторического развития и совершенствования культуры, и перенесенная из биологии мысль о рождении, росте и умирании обществ – с идеей бессмертия культуры, умственного и нравственного прогресса», – подводил итог социологическому подходу Виноградова историограф⁸.

Гораздо более определенно о социологической составляющей исследований Виноградова высказывался Д.М. Петрушевский. Он усматривал социологизм исторических изысканий ученого как в самой постановке проблем, так и в способах их разрешения. Объяснение исторических явлений на основе целой совокупности отношений, прежде всего, социальных, экономических и правовых, согласовывающееся в целом с позитивистской идеей многофакторности исторического процесса, вписывало конкретные факты в единую и универсальную систему социальной эволюции. Включение фактов в эволюционный поток трансформации социальных форм по существу выступало их объяснением, если можно так выразиться, смысловым образом их оправдывало. «Такая постановка исторического изучения, – писал Д.М. Петрушевский, – направляющая его на исследование соотношений между явлениями, составляющими содержание исторического процесса, есть уже постановка социологическая в самом подлинном значении этого слова, и она, несомненно, присуща всем историческим работам Виноградова. Но не только в этом проявляются социологические тенденции исследовательской работы Ви-

ноградова. И самые темы его работ по существу социологические»⁹. Далее Д.М. Петрушевский уже больше навязывал Виноградову собственное понимание задач и методов исторической социологии. Виноградов, согласно его трактовке, «оставался социологом, ставившем себе целью выяснение типического и в этой более узкой сфере индивидуального и конкретного»¹⁰. «Но Виноградов, — развивал Д.М. Петрушевский свои неокантианские соображения, — не столько социологически мыслил и ставил себе по существу социологические задачи, устремляя свое внимание на типическое и давая идеально-типические построения с помощью чрезвычайно строгих приемов исследования огромного и разнообразного материала, непосредственно к индивидуальным явлениям относящегося, и таким образом являлся блестящим представителем эмпирической социологии (термин введен Максом Вебером). Ему далеко не чужды были и чаяния теоретической социологии, мечтающей о законах общественного развития...»¹¹.

То, что Виноградов не был чужд теоретической социологии иллюстрируют его рассуждения о социологической эволюции и прогрессе, хотя сам ученый больше склонялся к социально-историческим исследованиям. Признавая необходимость создания новой науки об обществе — социологии, — он непосредственно соотносил ее с нуждами истории. Социология давала возможность обобщения, т. е. осмысления исторических фактов, обосновывая тем самым научный статус историографии. «С каждым годом, можно сказать — с каждым днем, — отмечал Виноградов в своей первой лекции «О прогрессе» 4 февраля 1898 г., — среди мыслящих людей нашего общества все настоятельнее и настоятельнее становится запрос на осмысленное изложение исторических фактов, на построение науки об обществе, социологии, которая достойно завершила бы ряд наук математических, естественных и философских, на определение законов и обобщений, которые внесли бы ясность и правильность в хаотическое многообразие исторического материала»¹².

Проект социальной истории, который Виноградов пытался реализовать в своих частных исторических изысканиях, прямо вытекал из идеи «внутренней истории». Образцом подобного рода исследований для русского ученого служили работы Фюстель де Куланжа. В том же ключе были подготовлены магистерская и докторская диссертации ученого. Цель «Исследований по социальной истории Англии в средние века», отмечал Виноградов в нумерованном предисловии,

состояла в том, чтобы «разъяснить именно социальный процесс, который важен не только сам по себе, но и объясняет многое в том, что происходило над ним в истории государства и духовной культуры»¹³. Акцент на преимущественном анализе социальных отношений не являлся исключительным признаком виноградовских исследований. Социальную сторону исторического процесса сделали предметом своих научных разработок и другие современники ученого. «Известные нам лекционные курсы Кареева, Виноградова, Петрушевского, посвященные различным разделам всеобщей истории, – замечал Б.Г. Могильницкий, – при всем разнообразии рассматриваемых там вопросов, различии в оценке отдельных явлений и процессов объединяет одна общая черта. Все они имеют своим предметом социальные отношения соответствующей эпохи, в эволюции которых усматривается ее основное содержание»¹⁴.

Главный исследовательский интерес Виноградова был сконцентрирован на выявлении экономических и правовых аспектов, способствовавших становлению феодальных отношений. Уточняя позднее свою исходную позицию, он писал: «Вместе с тем центр тяжести исследования все более переходит в разработку экономических отношений, земельного и сословного права»¹⁵. А в курсе по истории средних веков признавался, что преимущественно «выделял для изложения на лекциях социальную и политическую историю»¹⁶. Социологизм исследований сказывался, в частности, в том, что по убеждению ученого, «появление феодализма было скорее результатом общих тенденций, чем особых частных национальных черт»¹⁷. Историю культуры подробно, впрочем, им не рассматриваемую, Виноградов вводил в контекст своих социально-исторических экскурсов. «История духовной культуры, – пояснял он, – представляет несомненно процесс также первостепенной важности, и притом процесс, который так переплетается с историей культуры социальной, что отделение без остатка одной от другой в сущности говоря не мыслимо»¹⁸.

История культуры отождествлялась Виноградовым прежде всего с историей мысли, с историей человеческого интеллекта, основными проявлениями которого выступают философия и литература. Ученый не считал себя специалистом в истории этих областей человеческой деятельности и видел существенное различие как в предмете, так и в методе исследования интеллектуальной и социально-политической историй. «С тех пор, как люди стали людьми, – начинал издали свое

рассуждение Виноградов, – стали размышлять над тем, что совершается около них самих, с этих пор сменяли друг друга в истории известные метафизические, нравственные и научные воззрения. И выяснение причин, в силу которых руководящие идеи следовали друг за другом так, а не иначе, является высоко интересным. Таким образом, область мысли можно отделить от таких областей истории, в которых рассматриваются политические и общественные соединения, и дать ей особое название, правда не особенно походящее, – истории культурной. Надо прибавить, что, хотя история, философия и литература входят в общую историю, как науку синтетическую, но по существу дела задачи у них несколько иные. Для историка философии главный вопрос заключается не в том, почему человеческая жизнь выдвинула данные проблемы, а в том, насколько эти проблемы служат для разрешения задач будущего; история мысли важна для него, как ряд попыток, и вопрос о генезисе, об условиях самой эволюции, о влиянии сложных, совершенно не вытекающих из теории, условий, толкнувших мысль на известный путь, становится второстепенным. А историк интересуется философскими системами только как определенными моментами в развитии народа. Для историка литературы важен, например, Петрарка с точки зрения развития литературных форм; а для историка вообще – преимущественно как показатель настроения, как симптом общественного движения»¹⁹. Научный подход к прошлому предполагает преимущественное изучение политических, экономических и правовых отношений, поскольку явления подобного рода лучше известны и лучше поддаются более точному (в идеал, количественному) описанию. Научный подход предполагает движение от более известного к менее известному. Исходя из этого утверждения, Виноградов писал: «Историю мысли я оставляю в стороне главным образом потому, что считаю особенно важным в самом начале исторического изучения выяснить материальные и политические основы развития. Вы спросите, почему? Потому что с точки зрения исторического метода материально-хозяйственные и социально-политические явления раскрыты с несравненно большей ясностью и законченностью, с большей научностью, чем явления, составляющие область истории мысли. В данном случае приходится мириться с известною последовательностью в развитии самой науки»²⁰. Большая научность социально-экономической и политической истории, конечно, не означает абсолютной научности. История никогда в полной мере по всеобщности и необхо-

димости своих выводов не приближается к естествознанию. Речь идет лишь о том, что заключения о политических и социально-экономических процессах, происходивших в прошлом, более точны, более конкретны, более материальны, если хотите, чем рассуждения об исторических особенностях мышления и художественного видения. «В сущности говоря, — подытоживал Виноградов, — все исторические методы с научной точки зрения недостаточны, потому что, при известной сложности человеческих отношений, приходится в значительной степени работать над фактами прошлого, которые в высших своих формах почти не подлежат сравнению, как факты естественных наук. И всего более это можно отнести к фактам истории мысли, философии и литературы, происходящим однажды, сравнение возможно только самого общего характера»²¹. История мысли или история культуры, не имея строгой доказательной системы заключений, может обращаться, например, к художественному методу воспроизведения исторических фактов, восполняющему наше знание о прошлом и делающее его если и не более точным, то более убедительным.

Так, постепенно, на основе анализа прежде всего хозяйственных и юридических явлений, определялся проект социальной истории. Сам Виноградов рассматривал подобные исследовательские приоритеты как соответствующие современному уровню развития историографии. «Развитие исторической литературы, — писал он, — выдвинуло изучение социальной истории позднее всех остальных частей науки. Если вообще научная разработка истории является делом нашего столетия, то история общественная принадлежит преимущественно его второй половине»²². «Замечено, — продолжал он ту же тему в английском издании своей диссертации, — что большая важность социальной стороны истории была признана позднее, чем другие аспекты этого исследования»²³. Он пояснял в предисловии, «что можно назвать социальной историей — экономическое развитие наций, их классовое деление и формы кооперации»²⁴. Социальная история теснее всего связана с политической экономией и юриспруденцией. Они многое проясняют в исторических явлениях и дают возможность сравнивать, но в то же время «их объект наблюдения менее сложен, чем явления человеческого сознания, морали или даже политической организации»²⁵.

Внимание к политическим, экономическим и правовым вопросам означает прежде всего изучение социального строя²⁶. Более того, социальный строй лучше всего постигается через

его историю. Здесь история соприкасается с современностью. «Общей истиной» называл Виноградов представление о том, что знание о настоящем дается через его историю. «Одна из принципиальных идей, – писал он, – к которой приходишь изучая социальные институты, состоит в том, что существует неявная связь между нынешними сторонами таких институтов и их прошлым»²⁷. В монографии «Английское общество в одиннадцатом столетии», продолжая исследования, начатые в «Villainage in England», Виноградов в полной мере применил свой социально-исторический подход. Книга не содержит специального теоретического введения; ученый реализует проект социальной истории на материале английского средневековья. Давая в начале работы экспозицию исследования, раскрывающую схему социально-исторического подхода, он писал: «Я хотел проанализировать принципы правовых институтов эпохи, порождающих общественное устройство. Право всегда тесно связано с интересами бизнеса, экономическими силами, социальными взаимодействиями эпохи: цель права – регулировать их и в то же самое время развитие права способствует развитию этих различных интересов бизнеса, экономических сил и социального взаимодействия. В широком смысле я желаю подойти к правовой истории со стороны социальной истории. Я постараюсь, во-первых, рассмотреть решающие политические факторы общественной жизни и проследить влияние публичного права на общество; во-вторых, исследовать экономические факторы общественной жизни и проследить влияние земельного и частного права на регулирование отношений в сельском хозяйстве; в третьих, исследовать классы и группы, вырабатываемые совместно политическими и экономическими обстоятельствами, и проследить главные черты права как персонального статуса, определяющего жизнь этих классов. В связи с этим общим планом я намерен разделить свой том на два очерка – один трактует общество в его отношениях к правительству, другой трактует землевладение и классовое распределение земли, как принципиальный элемент экономической организации в одиннадцатом столетии»²⁸.

Социальную направленность исторических работ Виноградова отмечали еще современники. Академики И. Янжул, А. Лаппо-Данилевский и М. Дьяконов, дававшие заключение о научных трудах ученого во время его выборов в сверхштатные академики в 1913 г., указывали, что хотя Виноградов и избирается как историк-медиевист, его исследования написаны «под влиянием общего интереса к "социальной науке", главным об-

разом в ее приложении к изучению сельской и "аграрной" истории Англии, а также под некоторым впечатлением социально-экономических отношений нашего недавнего прошлого»²⁹. Коллеги Виноградова и первые историографы его наследия В. Бузескул и Д.М. Петрушевский также отмечали социально-исторический уклон его трудов: «П.Г. Виноградов исследовал, как мы видели, преимущественно явления социально-экономической жизни и правовые. Он отдавал предпочтение исследованию истории социального строя»³⁰, «Виноградов является прежде всего и главным образом социальным историком с юридическим, правда, подходом к социальному процессу»³¹. «Виноградова интересуют не юридические нормы и институты сами по себе в их правовом существе и в их эволюции, — разъяснял тут же Д.М. Петрушевский, — а общественные группы в их генезисе и сложном, многообразно обусловленном процессе их развития и взаимодействия, и изучение юридических идей и институтов является для него лишь одним из средств для исследования и упразднения этого социального процесса»³².

В качестве примера можно привести исследование Виноградовым средневекового английского поместья. «Я попытался дать в ней, — аннотировал историк задачу своей книги "Средневековое поместье в Англии", — общий очерк развития манора, как социального института, проходящего через все стадии английской истории»³³. В каждую историческую эпоху, утверждал он, можно выделить свое «социальное ядро». Для античности это город-государство, «civitas», «Πολις», для средневековья — поместье, различающееся в зависимости от «исторической обстановки»: французское «Seigneurie», немецкое «Grundherrschaft». «В маноре, подобно классическому "городу-государству", сосредоточиваются экономические, социальные и политические идеи и учреждения», — пояснял Виноградов в начале книги³⁴. Тщательно проанализировав социальные, хозяйственные и правовые функции средневекового английского поместья, историк пришел к следующему выводу: «Манор есть, во-первых, поместье, окруженное держаниями; во-вторых, он является комбинацией управляющих классов и подчиненных классов, военных и рабочих; и, наконец, в-третьих, он служит единицей местного управления»³⁵.

Разбору античных социальных концепций был посвящен обязательный семинарий Виноградова на четвертом курсе историко-филологического факультета по «Афинской политике» Аристотеля, незадолго до того открытой. «Можно сказать, что

“Политика” Аристотеля, — передавал мысль Виноградова литографированный курс его лекций, — как сочинение философско-историческое и социологическое еще не превзойдено; в наше время подобного сочинения нет; у нас нет такой работы, которая на основании современного материала излагала бы общие условия и законы развития государства»³⁶. Разбору частных аспектов правового характера концепции Аристотеля Виноградов посвятил статью, опубликованную в 1909 г. в двух номерах журнала «Гермес»³⁷.

Общей теоретической основой социально-исторических построений Виноградова стала идея эволюции. «Итак, — рассуждал он свой подход в лекциях “О прогрессе”, — остановимся на некоторых общих положениях, вытекающих из самого понятия жизненной эволюции, и посмотрим, не приложимы ли они в одинаковой степени к организмам природы и организмам истории»³⁸. Эволюционный подход исходит из органических и биологических представлений. Идея эволюции, признавался Виноградов, — «идея, в сущности биологическая, извлеченная, с одной стороны, из учения о развитии функций и органов живых организмов, с другой, — из истории развития самих органических видов от простейших до самых сложных»³⁹.

Задавая органицистскую интерпретацию общественных процессов, Виноградов писал: «социальная жизнь, также как и индивидуальная жизнь, есть органический процесс, а не механическое изобретение»⁴⁰. Более адекватно, полагал он, можно описывать общественные явления в таких выражениях, как «социальная биология», «социальная гигиена», «социальная патология»⁴¹. Предпочтительнее говорить не об анатомии, а о физиологии общества, рассматривать не структуры, а функции⁴². Органы социального целого выполняют определенные функции, которые в свою очередь зависят от потребностей, возникающих у общества. Одним из таких органов является рассматриваемая Виноградовым на примере Англии система местного самоуправления⁴³.

Сам по себе органический взгляд на исторический процесс не был новинкой в историографии. Еще в XVIII в. просветительская историография часто злоупотребляла биологическими метафорами, рассматривая, например, исторические периоды по аналогии с возрастом живых организмов. Эвристическая ценность такого подхода не иссякла, казалось, и в XIX в. Свои профессиональные знания о живом успешно трансплантировали в философско-исторические концепции старшие современники Виноградова Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев.

Органическое рассмотрение социологических проблем предлагали П.Ф. Лилиенфельд и А.Н. Стронин. Виноградов в этом отношении не был новатором. Биология, как активно развивающаяся наука о живом казалась ему лучшей опорой набирающей научный вес социологии. Согласно ученому, «развитие общества в основе своей является органическим или, пожалуй, подобным органическому»⁴⁴. Некоторая неуверенность, звучащая в этом утверждении, сменяется надеждой на то, что данные биологии могут быть отнесены к общественным наукам с большим успехом, чем достижения других дисциплин, например, психологии. Конечно, сближение с психологией вполне возможно для выработки социологии или научной истории. Но обобщения, полученные на основе данных психологии пока не могут быть «приложены с успехом к материалу общественных наук»⁴⁵. Иное дело биология. «В конце концов история анализирует жизнь обществ, и потому самому она не может остаться чужда влиянию учений биологии – науки о жизни», – формулировал Виноградов свою позицию в самом общем виде⁴⁶.

В исследованиях по историческому правоведению Виноградов специально касался вопроса о возможности построения науки об обществе на основе психологии. Возможность эта состоит в том, что индивидуальная психология, на первый взгляд, является источником социальной жизни. Однако метод психологической интроспекции не охватывает всей полноты личности и упускает ее сущность. «Корректное определение сущности человеческой личности, – уточнял он, – состоит в том, что человек является общественным существом»⁴⁷. Ближе к рассмотрению социальной сущности человека продвигается народная или социальная психология, которую ученый анализировал на примере учения Г. Тарда. Виноградов признавал, что хотя тардовская концепция подражания и не решает все разрабатываемые социальной наукой проблемы, но «несомненно играет значительную роль в формировании социальных типов»⁴⁸. Организация общества сложнее индивидуального организма, или, по крайней мере, не во всем ему подобна. Во всяком случае это верно в отношении ментальных и психологических аналогий между индивидом и обществом. «Общества всех видов состоят из индивидов, – рассуждал исследователь, – но они не существуют и не обладают сознанием в том же смысле, в каком существуют индивидуальные личности, известные благодаря тому, что они обладают сознательным существованием»⁴⁹. У общества нет того

единства сознания и психики, которым обладает индивид. Общество вбирает в себя и объединяет многообразие проявлений индивидуальных сознаний, но не унифицирует их. «Общество конституируется посредством комплекса отношений, — пояснял Виноградов, — а не физического единства. Его сознание есть коллективный результат социального взаимодействия и суммирования бесчисленных индивидуальных верований, желаний и эмоций»⁵⁰. Психология общества и законы социальной психологии коррелируют с индивидуальной психикой, но вполне независимы от нее и самостоятельны в своих проявлениях. Особенности коллективной психологии не выводимы из специфики индивидуальной психики. «Тем же путем социальное общение, хотя и возникает между индивидами, развивается по собственным направлениям, а не следует буквально за побуждениями индивидуальной психики», — завершал Виноградов свои рассуждения⁵¹.

Итак, основа общества — индивид. «Если же относится к обществу, как к отдельному организму, — еще раз напоминал историк, — то придется отметить, что в этих отдельных организмах действуют два своеобразные фактора, фактор коллективного сознания, которое походит на сознание индивидуальное, но не совпадает с ним, и фактор преемственности, который зависит не только от происхождения, но и от усвоения сознанием. Эти основные пункты различия сводятся в сущности к тому, что, как бы мы ни представляли органически целостное общество, как бы ни представляли тесной связи его частей, в конце концов неделимое в обществе будет индивидуум, и общество останется собранием индивидуумов, между тем, как каждый из них не есть простое собрание в свою очередь неделимых отдельных частей, клеточек»⁵². Аналогия между индивидуальным организмом и обществом, как видно, имеет и свои пределы. Органицизм — это все-таки метафора, и ее логика не должна замещать сам предмет исследования и становится логикой мышления. Рассуждения по аналогии имеют пределы своего применения.

Пример приложения биологии к истории Виноградов, в частности, делал в курсе истории средних веков. Определенные формы политической жизни и государственного устройства историк воспринимал в качестве признаков соответствующего возраста общественного организма. «Представительство и конституционализм, — намекал Виноградов на свои политические предпочтения по ходу медиевистских штудий, — тем и любопытны, тем и важны, тем и могущественны, что они не являются средствами,

придуманными умными людьми для известных определенных отношений, которые можно, пожалуй, переправить, поставить иначе, но являются результатом роста, признаком известной формы развития, которая наступает в известный момент с большой силой»⁵³. До конституционализма надо в буквальном смысле дорости.

Согласно эволюционной точке зрения история не противопоставляется природе и не выводится из природы как ее в определенной степени новое состояние. История представляет с природой единый процесс и подчиняется, хотя и с некоторыми ограничениями, тем же закономерностям, которые действуют в природе. Эволюционное движение истории вторит эволюционной поступи природы. В истории, рассуждал Виноградов, мы видим обособленные живые организмы, которые могут образовывать «федерации» или «сцепления органических форм». В свою очередь, эти федерации также могут восприниматься как целое, как самостоятельная особь. Аналогичный процесс можно наблюдать и в обществе: «Семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы, преследующие свои цели и поддерживающие свое существование во взаимодействии с окружающей средой»⁵⁴. Неявно повторяя ход мысли П.Ф. Лилиенфельда, Виноградов полагал, что каждый человек подобно клеточке в целом организме принимает участие в различных сторонах социальной жизни: в семье, государстве, церковной организации, производстве, научном, художественном, литературном процессах. «В каждом человеке, – уточнял историк, – перекрещиваются и так или иначе комбинируются очень много отдельных эволюций. Жизнь общества – синтез всех этих эволюций, с преобладающим влиянием той или другой, но с известным влиянием каждой»⁵⁵.

Прямым источником эволюционных воззрений Виноградова была, на что он сам указывал, социологическая система Г. Спенсера. Позитивизм служил Виноградову общей основой всех его теоретических заключений и обобщений. Требования, предъявляемые им к научной истории, соответствуют главным постулатам позитивизма: изучение явлений, а не сущностей вещей, использование идей и методов добытых естествознанием, отказ от любых метафизических предпосылок в исследованиях. Однако русский ученый достаточно трезво оценивал концепцию Г. Спенсера, видел ее недостатки и ограниченность. «Спенсер, – писал он, – старался придать ей механическое обоснование, чтобы без остатка свести ее на законы единства

существа и сохранения энергии, но при этом философском синтезе утрачивается целый ряд конкретных и существенных определений эволюции и получается возможность спешно, без критики набивать в нее, как в какой-то мешок, самые разнообразные явления всех возможных порядков»⁵⁶. Более строгое следование методам биологии и ее выводам кажется Виноградову более последовательным способом выдержать научность исторических поисков. Он пишет, что «для исследования исторических явлений лучше иметь в виду не общую механическую теорию сосредоточения материи и рассеяния движения (как у Г. Спенсера. — А.М.), а постановку эволюционного принципа в применении к биологии. Дело в том, что человек, чем бы он ни был помимо своей животной природы, во всяком случае, есть, между прочим, и животное. Биологические законы к нему поэтому несомненно приложимы, если бы даже они и не были достаточны, чтоб объяснить всю его деятельность»⁵⁷. И все же Виноградов полностью принимает главную идею спенсеровской социологии — идею дифференциации частей при интеграции целого. В формулировке Виноградова она звучит следующим образом: «Внешнему взаимодействию и росту соответствует эволюция внутренней организации»⁵⁸.

Наиболее адекватно понятия эволюции или развития, которые фактически употребляются Виноградовым как синонимы, применимы для объяснения таких общественных форм как государство, народ, племя и т. п. Для объяснения других сфер жизни, например, литературы, науки, нравственности, хозяйства, оно применимо несколько в ином смысле. Понятие общественной эволюции, уточняет историк, приложимо к ним не буквально, а по аналогии⁵⁹. Эволюционистский замах Виноградова ограничивался сферой общественно-политических, правовых и экономических явлений. Зато его объясняющая сила здесь поистине казалась ученому безграничной. В очерченных пределах эволюционизм готов найти оправдание любым явлениям. Даже мировая война и спровоцированные ею в России события, приведшие к революции, уже не кажутся Виноградову сбоем в уверенной поступи эволюционизма. Это особенно примечательно, поскольку эволюционная точка зрения всегда служила русскому ученому теоретической опорой того прогрессистского оптимизма, которым был проникнут весь XIX в. и который Виноградов в полной мере разделял. Мировая война, конечно, заставила историка задуматься над происходящими событиями, их смыслом и возможными последствиями. Свои размышления он представил в нескольких попу-

лярных очерках, адресованных прежде всего английским читателям. В 1915 г. в Лондоне Виноградов опубликовал брошюру «Русская проблема», в которую вошли лекция «Россия после воны», прочитанная в Шеффилде и Ноттингеме, и письмо в газету «Таймс» «Россия. Психология нации» (14 сентября 1914 г.). Здесь Виноградов в основном дает очерк социально-политической истории России в XIX в., которым иллюстрирует свои рассуждения о государственном состоянии России, ее перспективах и шансе на мирное и прогрессивное развитие. Виноградов видит, что английскому общественному мнению трудно понять происходящее в России, а ее современная политическая ситуация просто шокирует людей на Западе. Заметна растерянность и самого Виноградова: разразившаяся война была для него, вероятно, неожиданностью. Но все же, «то что произошло», успокаивает он себя, «есть только проявление скрытых сил, скопившихся до столкновения»⁶⁰. «Но вдумчивый наблюдатель, — признается ученый, — понимает, что происходящее не вызвано тем или другим действием правительства, а есть проявление общей эволюции нации»⁶¹. Эволюционной точкой зрения отчасти объясняется и такая, «случайная» на первый взгляд, тема исторических экскурсов Виноградова, как славянофильство.

Эволюционная точка зрения не обязательно означает веру в безусловное прогрессивное развитие человечества. Историческое развитие не всегда идет по прямой. Н.И. Кареев, например, выражал это в понятии «колеблющаяся эволюция», хотя, при этом, и сохранял убеждение в поступательном в конечном счете движении истории. Виноградов также в качестве одной из заслуг эволюционизма считал конец «оптимистическим заблуждениям», согласно которым «мир вертится вокруг судьбы людей и служит их стремлениям к счастью»⁶². Однако главную заслугу эволюционизма он видел все же в перенесении в общественные науки органической точки зрения. «Затем, — пояснял историк, — эволюционный метод делает возможным совершенно новую обработку общественных наук на основе сближения их с биологией»⁶³. Главным результатом применения эволюционного подхода в истории можно считать переплетение ее с антропологией и социологией. «Никто не будет отрицать, — писал Виноградов в "Villalnage in England", — что историческое исследование все более и более расширяется в сторону того, что сейчас называют антропологией и социальной наукой»⁶⁴. Это дает возможность исторической науке проникнуть в те сферы прошлого, которые раньше были

для нее недоступны. Такова, в частности, генетическая социология или, по словам Виноградова, «туманная область ранней этнографии и начальной истории»⁶⁵.

В широком смысле социальная наука включает в себя целый ряд взаимодополняющих друг друга дисциплин. «С нашей точки зрения, — писал Виноградов в одной из поздних работ, — разделы социальных исследований могут быть классифицированы на пять основных групп: (1) антропология, (2) исследование культурных взаимодействий, (3) экономика, (4) политика и (5) юриспруденция»⁶⁶. Первую группу составляют география в ее антропологическом аспекте, этнография, «как обзор расовых и племенных делений»⁶⁷, физическая и социальная антропология и праисторическая археология (*prehistoric archeology*). Последняя занимает принципиальное место в группе, поскольку теснее всего соприкасается с естественными науками, прежде всего, со сравнительной анатомией и геологией.

В одном из лекционных курсов он прямо говорил о том несомненном интересе, какой для историка представляют начальные этапы общественной жизни. Причинно-следственная зависимость, окутывающая все происходящие события и уводящая исследователя все дальше и дальше в темные закоулки прошлого, неизбежно ставит вопрос о своеобразной исторической первопричине, т. е. о том элементарном в социальном и историческом отношениях состоянии, с которого началось последующее историческое движение. Если современная Виноградову политическая и социальная конфигурация Европы, по его мнению, восходит к средневековью, то насколько фундаментальны должны быть события «праистории», если воспользоваться термином, встречающимся у П.Н. Милюкова. И все же наши знания этого периода очень приблизительны. Историческое их изучение если когда-нибудь и выйдет из сферы пожеланий, не сможет опереться на достаточное количество фактов. Изучение «праистории» — задача не только, а может быть и не столько истории, сколько социологии, которая должна, с одной стороны, набросать общую схему социальной эволюции, а с другой, концептуально-догматически проинтерпретировать ее этапы. «Начало всякой истории, есть, собственно говоря, — рассуждал Виноградов, — величина совершенно неопределенная и произвольная, потому что всякая историческая группа, прежде чем стать исторической индивидуальностью, имела свой доисторический период, весьма длинный и имевший большое влияние на весь последую-

щий ход событий. Хотя в этот период проникнуть весьма важно и любопытно, но это не всегда удастся»⁶⁸.

Недостаточность сведений о ранних периодах человеческой истории теперь может компенсироваться данными антропологии и социологии, т. е. представлениями об идентичности социальной организации примитивных обществ и универсальности этапов общественной эволюции. «Но для истории доисторического периода, если можно так выразиться, — пояснял Виноградов в «Очерках западно-европейской историографии», — свидетельства источников имеют наименьшее значение, да и изучения материальных остатков культуры недостаточно: приходится опираться на антропологию и сравнительное языкознание»⁶⁹. Проблемой происхождения общества на основе изучения первобытных народов занимался, в частности, английский историк Г. Мэн, о котором много писал Виноградов и продолжателем дела которого он себя ощущал. Основная заслуга Г. Мэна — разработка сравнительно-исторического метода.

Другим методологическим подспорьем генетической социологии является метод пережитков, или, по выражению Виноградова, «переживаний и аномалий», «засевших» в современности. Пережитки могут быть поняты только в соотношении с ушедшими историческими эпохами; они «получают смысл только в связи с прошедшим»⁷⁰. Согласно ученому, «с точки зрения строгого метода, к переживаниям относятся только те факты, которые в наблюдаемое время не ладят с общим строем быта... нельзя раз навсегда путем сознательной работы отделаться от остатков прошлого»⁷¹. Не разрабатывая подробно данный методологический прием, Виноградов касался его лишь в самых общих чертах. Например, в курсе по истории Греции он утверждал, что «первоначальная история всегда замешана в позднейшей. События сменяются, чередуются, но каждое последующее носит следы предыдущего. Мы окружены пережитками того, что уже отжило и продолжает существовать, как материал, напоминающий нам о том строе, когда он действовал, как живой. Если мы обратимся к современному быту, то увидим, что в повериях, обрядах, обычаях, даже законах есть множество фактов и условий, которые нам совершенно чужды, которые остались от прежнего времени и прежде имели смысл. Главным критерием при определении этих остатков является их коренное противоречие с окружающим бытом»⁷². И тут же Виноградов замечал: «Особенно сильно переживание в истории права»⁷³. Л.С. Моисеенкова, объединяя

виноградовский метод «переживаний» с ретроспективным методом, давала следующее пояснение: «Суть метода заключалась в постепенном движении исследователя от фактов, хорошо представленных в источниках поздней эпохи, к восстановлению свидетельств о более ранних, древнейших периодах истории»⁷⁴. Методом пережитков при изучении истории права активно пользовался М.М. Ковалевский.

Органическая точка зрения на общество не только дает плодотворные аналогии, позволяющие лучше понять социальные процессы, исходя из принятого параллелизма между индивидом и обществом, но и способствует укреплению научного статуса исследований общественных явлений. Образцом здесь служит не только биология, но и такие подтвердившие свою научную значимость дисциплины, как физика и химия. «Крайне необходимо установить, – требовал Виноградов, – понятие социальной “науки” подобно естественным наукам, как физика, химия, биология, что в недавнем прошлом было предпринято, главным образом, Контом и Спенсером: целое, можно было бы сказать, субстанционально, оно имеет право на независимое существование»⁷⁵. В то же время естественные дисциплины не способны полностью заменить методологическую сторону социальных исследований. «Социальные образования, – признавал ученый, – устанавливают свои собственные стандарты и для своего научного изучения требуют специфических методов, удерживающих их собственный предмет»⁷⁶. На фоне специальных дисциплин, изучающих общество (политическая экономия, сравнительное религиоведение и фольклористика, сравнительная политика и сравнительное правоведение), социология выступает как «общая (general) наука об обществе»⁷⁷. Ее обобщающий характер вызван многообразием самой социальной жизни, постигаемой в исследовании посредством «комбинирования различных объяснений». Аналитическое изучение общества также вполне допустимо, однако многоаспектность общественных явлений все же заставляет признать неустранимую синтетичность предмета социологии. Недостающую точность абстрактным положениям социологии способно придать использование статистического метода, который может применяться как в описательных, так и в аналитических целях. Иными словами, он, с одной стороны, способен охарактеризовать ситуацию или направление развития, а с другой, способен выявить доступные наблюдению пусть порой и изменчивые факторы, влияющие на эту ситуацию и развитие.

Социология, по словам Виноградова, «внутренне связана» с историей, хотя методы и цели истории и социологии вполне независимы друг от друга. Связь обнаруживается в том, что «фундаментальная черта исторического мышления»⁷⁸ — синтетичность. С этой точки зрения история занимается социальными реальностями, трактуемые ею как сложные состояния и сложные процессы, элементами которых выступают личности, нации, события. Здесь историк действует посредством оценки и размышления над тем, что ему известно, над тем, что является для него в определенном смысле очевидным. Итоговая же реконструкция зависит не только от «рефлексивного сравнения и дедукции, но и от художественной интуиции»⁷⁹. Так же как и общая социология, история стремится проследить связи между различными сторонами социальной жизни; история на множестве примеров иллюстрирует взаимозависимость факторов общественной жизни. Не менее важной оказывается и аналитическая сторона исторического знания. И, наконец, история «в качестве метода присутствует в развитии всех ветвей социальной науки в ее аналитической работе»⁸⁰.

Виноградов не ограничивался общими рассуждениями об эволюционной точке зрения в общественных науках. Он формулировал базовые понятия, позволяющие уяснить специфичность исторической эволюции. Эти понятия отражают структуру «общественных форм». К самой общей из них относятся *общественные союзы*, ставящие общие цели, концентрирующие коллективную волю, провозглашающие примат целого над частями. «Говоря об общественных формах, — пояснял Виноградов, — мы прежде всего имеем в виду общественные союзы, сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью, в которой выражается воля союза; воля эта господствует над волей отдельных лиц, входящих в состав союза, и в известном случае может осуществляться в виде принуждения»⁸¹. В юридических исследованиях Виноградов уточнял принципы, на которых строятся общественные союзы или ассоциации. «Имеются, таким образом, — писал он, — некоторые элементарные требования, предъявляемые к участникам ассоциации: они не должны причинять друг другу вреда, не должны добиваться несправедливого преимущества друг над другом, не должны поступать так, как если бы их личная воля и удовольствие были все, а воля и интересы других ничто»⁸². К общественным союзам относятся государство, церковь, семья.

В современной историографии, замечал Виноградов, общественные союзы привлекают все большее внимание исследователей. Социальная история по преимуществу становится историей общественных союзов, а не политических отношений и событий. Начинает осознаваться зависимость политических отношений от сложившейся системы общественных союзов. В литографированном издании 1893 г. курса по истории средних веков Виноградов подробно объяснял специфику общественных союзов и, соответственно, обращенного на них исторического исследования. Приведу полностью данное рассуждение историка. «Но если мы посмотрим ближе, то окажется, что политическая история не только не единственный предмет исторической литературы, но даже, быть может, и не главный. Анализируя государство, можно прийти к тому взгляду, что оно представляет преимущественно внешнюю защиту, посредническую силу среди соединений, которые государственного характера не имеют. Люди живут вместе, помогают друг другу, организуются для труда материального и духовного не всегда в государственных учреждениях. Последние помогают разбираться в возникающих спорах; но ведь споры и столкновения есть явление исключительное в истории гражданского общежития, и при нормальных условиях люди организуются без постоянного участия суда и принудительной власти. Например, соединения семейно-родовые возникают не в силу закона, данного государством, не как учреждения политические, а вследствие естественных причин, вызывающих образование союза помимо какой бы то ни было принудительной силы. Такой же характер имеет соединение единоверцев, соединение, которое может сделаться церковью и даже вступить с государством в борьбу. Далее, могут возникнуть частные союзы для торгово-промышленных целей, для взаимной защиты, союзы которыми создается всякий гражданский оборот. В хозяйственной и умственной деятельности люди не могут идти врозь, они разумно соединяются, но подобные соединения, хотя и подвергаются государственной регламентации, но вытекают из сущности дела, из необходимости разделения труда, кооперации. Одним словом, создается группа отношений, которые в современной юридической и исторической науке называют общественными в противоположность политическим. Понятно, обе группы отношений тесно соприкасаются, но по существу далеко не одно и то же: первая является последствием естественных соединений, вытекающих из общности стремлений, а вторая — последствием принудитель-

ной силы. В настоящее время и юристы, и историки обращают особенное внимание на историю отношений первого рода, потому что теперь совершенно ясно стало для осведомленного наблюдателя, что отчасти, если только не по большей части, самые государственные установления до некоторой степени выходят из общественных группировок, высшая форма которых есть образование классов. Последние, вытекая в своей основе из хозяйственных факторов, из распределения и организации труда, стали в конце концов могущественной политической силой и придавали политической истории демократический или аристократический, феодальный или свободнодоговорный характер»⁸³.

Политическая история, история государства издавна занимала исследователей. В этом ключе написаны большинство исторических сочинений. Философское обоснование такому пониманию историографии, как отмечал Виноградов, дали еще Аристотель и Гегель. «Можно обратить внимание главным образом на государство, — характеризовал русский ученый данную историографическую традицию, — как на высшую форму соединения отдельных личностей. И действительно, иногда история государства, история учреждений, созданных для охраны и высшего направления жизни и деятельности отдельных лиц, — выставлялась, как самая существенная часть исторического процесса вообще»⁸⁴.

В государстве, как типе политических отношений конкретнее и ярче всего реализуется принцип власти. Власть всегда, явно или неявно, строится на принуждении; политические отношения (в том числе и государство) — еще и на взаимных обязательствах. «Когда приходится организовать власть и защиту, — замечал Виноградов в курсе по истории средних веков, — организовать средства принуждения, является запрос на форму власти с определенными правами и с определенными средствами для их проведения, тогда то и возникают политические отношения»⁸⁵.

В настоящее время государство, полагал исследователь, представляет собой сложную организацию, выполняющую все виды социальных функций: оборона страны, международные отношения, судопроизводство, забота о здоровье населения, контроль над системой образования, регулирование производства и торговли и т. д. «Самая прямая и совершенно необходимая черта политической жизни государства состоит в приведении в порядок общественных сил для того, чтобы обеспечить социальное взаимодействие вместо насилия», — раскры-

вал Виноградов назначение государства⁸⁶. Итак, государство призвано обеспечить социальное взаимодействие и порядок. Для этого оно берет на себя право окончательного формулирования юридических норм и применение санкций для проведения этих норм в жизнь.

Однако в современном понимании и функционировании государства заметно противоречие между индивидом как общественным атомом и требованиями государства. «История нас ясно учит, в данном случае, — писал Виноградов, — что в общественной жизни мы имеем дело с конфликтом принципов, каждый из которых необходим для человеческого развития, но ни один из них не имеет права утверждать абсолютное превосходство над другими. Принцип свободы в крайнем выражении приводит к анархии; также как государственная власть, подавляя всякую индивидуальную свободу, создает такие условия которые могут вызвать эмиграцию, сепаратизм, революции»⁸⁷. В статьях, написанных в последние годы Виноградов неоднократно возвращался к той мысли, что современное государство должно учитывать общественное мнение и нести определенные обязанности перед своими гражданами. Соблюдение паритета между индивидуальной свободой и целями и потребностями государства — необходимое условие социального развития в настоящее время. Тем не менее, современные тенденции социального развития все яснее указывают на примат государства над обществом и индивидом. Указывая в статье «Забота о населении в исторической перспективе» на существующие по этому вопросу точки зрения, Виноградов писал: «С тех пор как люди начали сознательно относиться к формам общежития и рассуждать о задачах государственных союзов, два противоположных течения обозначились в их политическом мышлении. С одной стороны, сгруппировались те, кто не доверяет государственному вмешательству, ограничивает его требованиями обороны и судебного разбирательства и возлагает упования на свободное от стеснений развитие индивидуальных сил и добровольных коопераций. С другой, стоят защитники “заботы о населении” сторонники покровительственного и уравнивающего влияния государства в хозяйственной и культурной области. В наше время без всякого сомнения преобладает второе течение: с каждым годом оно усиливается и одерживает новые победы»⁸⁸. Природа социальных отношений предполагает поиск компромисса различных интересов. Признавая возрастающую роль государства в современной жизни, Виноградов предлагал

государству в качестве такого компромисса принять на себя обязанность «заботы о населении». «Выработка нормальных отношений между синдикатами рабочих, совокупностью общества, представленного государством и законными интересами отдельных лиц, — полагал он, — представляется самой важной и самой сложной задачей нашей эпохи. Ясно, во всяком случае, что *забота о населении* при определившихся условиях должна быть признана едва ли не главной обязанностью правительственных органов и общественного мнения»⁸⁹. Возрастающая роль общественных союзов способствует укреплению социальных тенденций в современном государстве. В несколько иной терминологии можно говорить об эгоистической и альтруистической тенденциях в современной жизни. Они имеют не только моральное значение, но и необходимы для дела кооперации, объединения усилий для выживания или более эффективной деятельности, без чего не может существовать ни одно общество. «Человек, — писал Виноградов в 1923 г. в статье «Юридические лица», — является социальным существом в том смысле, что никакое начинание не может быть исполнено без некоторого рода социальной кооперации. Общества, в котором индивиды действовали бы поодиночке не существует; все общества основываются на том факте, что их члены действуют совместно»⁹⁰. Социальные отношения в значительной степени обнаруживаются, проявляются благодаря тому, что регулируются посредством права.

Следующий уровень составляют *общественные группы*. Согласно Виноградову, «общественные группы, которые так или иначе обособились от окружающей среды, выработали исторические черты, специально их характеризующие, обладают даже сознанием своего обособления и средствами более тесного сближения между составляющими его членами, но не обладают юридически определенной волею и властью»⁹¹. Примером общественной группы является народ. Народ наделен единством сознания, но единство воли обретает лишь перейдя в государственную форму.

Двигаясь далее по классификационной лестнице «общественных форм», мы приходим к *племен* или *расе*. Здесь принцип единства выражен еще слабее. По существу он сведен к антропологическому сходству или антропологическому типу, сформированному общим происхождением или общими естественными условиями, но лишенному единства сознания и воли. Так, обозначаются три признака, на основе которых Ви-

ноградов проводит свое различие «общественных форм» – власть, сознание, типическое отличие.

Помимо таких более специальных и конкретных терминов, как общественные союзы, общественные группы и племя, можно пользоваться понятием «общества как совокупности всех кругов жизни, всех групп...»⁹², т. е. понятием общества в широком смысле. Виноградов также говорил о синтетичности и условности такого понимания общества. Вот что он писал: «Необходимо лишь иметь в виду, что понятие “общества” синтетическое и условное. Оно не подчиняется определенному отграничению и может быть обращено в ту или другую сторону, смотря по тому, на какой признак мы обратим преимущественное внимание. Во всяком случае, эта высшая синтетическая комбинация, подобно первому составному элементу – отдельному человеку, – характеризуется прежде всего многообразием своих проявлений и перекрестными связями между всеми этими проявлениями»⁹³.

Разъяснением точки зрения Виноградова могут служить его замечания в курсе истории средних веков. Здесь он также говорил о понятии общества в широком и узком смыслах. Согласно историку, «понятие социальной области можно брать и очень широко и очень узко: с одной стороны, можно понимать социальное развитие в смысле развития общества в его целом, т. е. общества как суммы всех материальных и духовных взаимодействий между людьми... в смысле развития общственности»⁹⁴. Сюда же, в дополнение к формам кооперации и хозяйственных отношений, Виноградов включает обмен мыслями, духовное общение. Понимая важность духовных процессов в обществе, он, тем не менее, практически не выделял их из социальной истории. Общество в узком смысле более определено, согласно Виноградову, связано с экономическими процессами. «В этом случае, – пояснял он, – термин берется прежде всего с точки зрения материального состава и материальных отношений между его членами... Это – взаимодействие прежде всего материальное, взаимодействие людей, которые, входя друг с другом в разнообразные отношения, располагаются по отношению к труду, капиталу, производству и потреблению в известных определенных группах»⁹⁵. Ограничение социальной сферы материальными отношениями дает основание для противопоставления общества государству. В обществе концентрируется экономическая деятельность, в государстве – политическая. В совокупности они определяют социальный строй. «Социальный строй во всяком месте, – пояс-

нял Виноградов, – во всякий данный исторический момент является комбинацией, главным образом, двоякого рода условий: он создается, во-первых, под влиянием экономических и во-вторых, под влиянием политических условий»⁹⁶.

Объединение индивидов в общество – неизбежный, естественный процесс. «Человек, по преимуществу, – перефразировал Виноградов известное определение Аристотеля, – общественное существо. Социальное общение предписывается ему природой... если социальное общение требуется человеческой природой, то какой-либо *порядок* есть необходимое условие социального общения»⁹⁷. Простейшая форма такого объединения – кооперация. Исходным элементом общества Виноградов, следуя либеральным установкам, признает личность. Изначальная, почти инстинктивная потребность в социальном общении дополняется осознанием приносимой совместной деятельностью пользы. Человек не только тяготеет к совместной жизни, но и нуждается в поддержке со стороны других людей. Правда, первоначальные общественные союзы могут оказывать чрезмерное давление на личность. Подавление личности – характерная черта всех ранних человеческих союзов. Однако мы видим в истории постепенное освобождение личностного начала. И это уже признак исторического прогресса. Рассматривая английское средневековое общество, Виноградов делал следующее общее заключение о древнейших формах кооперации: «Ни при каком общественном строе личность не может жить в одиночку в полной независимости от других. Во многих отношениях ей приходится рассчитывать на помощь и поддержку своих сотоварищей; и хотя в древности формы кооперации не были столь разнообразны и не приводили к таким результатам, как в настоящее время, – существовавшие социальные группы проявляли большую силу, чем в нашу эпоху. Отдельная личность была слабее – с одной стороны, вследствие недостаточности знаний и технической выучки, с другой – вследствие незначительного развития государственности. Было бы неправильно утверждать, что факторы, порождавшие общинные и кооперативные отношения, совершенно поработили индивидуальное начало: последнее несомненно имело много случаев высказаться, но естественные социальные группы, возникавшие и развивавшиеся сами собой, независимо от прямого соглашения и договора, оказывали весьма могущественное влияние на жизнь народа»⁹⁸.

Даже великие люди, крупные исторические деятели не свободны полностью от влияния своей социальной среды и

эпохи. Виноградов специально не занимался вопросом о великих людях в истории. Его размышления по этому поводу фрагментарны и случайны. Так, разбирая историческую концепцию Л. фон Ранке, он, в частности, писал: «Великий человек есть живое сосредоточие общих течений своего времени: рассмотрев общие течения, необходимо принять во внимание и жизненную искру, которая сводит их в индивидуальность»⁹⁹. Эволюционная точка зрения, по-видимому, заставляла Виноградова несколько принижать значение великих людей в истории, которые либо аккумулируют в своей деятельности общую тенденцию социальной эволюции, и в этом смысле зависимы от нее, либо пытаются нарушить ее органический ход, и в этом смысле вредны. Но даже при таком социальном устройстве, где, казалось бы, господствует группа, индивид стремится проявить свою личную инициативу. Самодеятельность личности потому неустраима из истории, что она соответствует человеческой природе. История показывает, что лишь тот социальный институт укреплялся и добивался успеха, который оставлял или предоставлял возможность личности проявить себя. В начале средних веков это смогла сделать Церковь. «Такой общественной силой, — писал Виноградов о поддержке Церкви в раннем Средневековье, — было стремление индивидуума выйти, так сказать, вперед, стремление, которое существует всегда, потому что всякая индивидуальная личность, как бы тесно она не была связана со своим родом, имеет свои стремления, имеет нечто законченное, нечто свое»¹⁰⁰.

Еще один неизбежный этап социальной трансформации, сопровождающий освобождение личности — отделение гражданского общества от государства. В разнообразных, возникающих путем кооперации, общественных союзах проявляется «весьма естественное стремление пришедшего к самосознанию общества — приобрести самостоятельность, выйти из-под опеки государственной власти и повлиять на нее в свою очередь»¹⁰¹. Историк напоминает, что государство не исчерпывает всего многообразия социальных отношений и не может подменить собой общество. «Государство и общество совпадают, если смотреть сверху, причем государство как бы прикрывает общество. Но на деле это не совсем так, — раскрывал Виноградов оптический обман такого совмещения, — разве одна десятая всех граждан принадлежит непосредственно к управляющему классу... Полная историческая характеристика должна иметь в виду как государство, которое управляет, так и общество, которое управляется»¹⁰².

Аналогия между организмом и обществом, определяющая ход мысли Виноградова, побуждает его признать целями исторического процесса те же цели, которыми руководствуется индивид – поддержание существования и удовлетворение потребностей. В то же время либеральная ориентация историка указывает на необходимость согласования интересов общества и личности. «Каждый организм общественный, – рассуждал ученый, – также является целым, которое преследует подобные цели (поддержание существования и удовлетворение потребностей. – А.М.), но преследует их не безусловно и самопроизвольно, а в зависимости от того, что он служит так или иначе интересам и потребностям отдельных личностей, его составляющих. Между той и другой целью всегда существует известный антагонизм, потому что общественный союз должен до известной степени жить на счет составных элементов, ограничивать их и эксплуатировать их»¹⁰³. Эгоизм целого над частями допустим лишь в известных пределах. При невыносимости ига целого, например, государства над социальными группами или индивидами, возможен их переход в другой общественный организм или, по словам историка, «отлив интересов и нравственных сил из одного союза в другой»¹⁰⁴. В качестве иллюстрации Виноградов приводил отношения между Римской империей и христианской церковью в первые века нашей эры. Между интересами внешнего развития общества и стремлением его членов к личной свободе и благосостоянию необходим компромисс. Этот компромисс лучше всего достигим, если само общество в качестве целей будет ставить улучшение жизни своих граждан; но и гражданин должен преследовать цели более общие, нежели только достижение личного благополучия. Личный эгоизм ничуть не лучше эгоизма общественного. Симфония общественных и личных целей может регулироваться стремлением к истине, разумности и справедливости. «Таким образом, – подытоживал ученый, – поскольку целью общества для его собственного преуспевания должно быть удовлетворение лучших потребностей и стремлений его граждан, жизнь всей совокупности, общества, вместо того, чтобы остаться коллективным эгоизмом, становится идейным и нравственным процессом. Таким образом, обществу не чуждо, а напротив врожденно все лучшее, к чему может стремиться отдельный человек, и если последний может и должен ставить себе целью жизни достижение истины, разумность, справедливость, свободу, а не только удовлетворение своих непосредственных нужд и желаний, то в этой идей-

ной работе призвано принять участие общество со всеми многообразными силами своей кооперации и сознательного устройства»¹⁰⁵.

Индивидуальное поведение и относительно других индивидов, и относительно общества регулируется прежде всего началами разума и нравственности, причем нравственность в трактовке Виноградова полностью поглощается разумностью. «Сознательное мышление нормального человека, — постулировал он, — характеризуется далее тем, что оно разумно, т. е. что оно подчиняется мерилам логики и нравственности»¹⁰⁶. Цитируя И. Канта, противопоставлявшего должное и сущее, историк указывал на то, что «противоречие между тем, что случается, и тем, что должно было случиться, лежит в основе всей человеческой морали»¹⁰⁷. Нравственный долг довлеет в научных изысканиях. Здесь он служит гарантом объективности исследования. Точнее говоря, стремление к объективности воспринимается Виноградовым как долг ученого. Примером такого морально выдержанного и, как следствие, объективного (т. е. максимально истинного) исследования для него служили работы А. де Токвиля¹⁰⁸.

Принцип долженствования, пусть и не в такой безусловной форме, заложен и в юридических отношениях. «Целью права, — писал Виноградов в «Очерках по теории права», — является установление правил поведения, правил о том, что следует делать и чего следует воздерживаться»¹⁰⁹. Однако помимо предписаний морали и требований права существуют и другие правила поведения, регулирующие реальную жизнь общества: правила приличия, обычаи, условные нормы, например, профессиональные или сословные. Правовые или моральные нормы — лишь одни из таких правил поведения, отличающиеся от прочих большей строгостью, требовательностью и обязательностью, но не всегда большей распространенностью. «Только что характеризованные правила, — Виноградов имеет в виду перечисленные правила поведения, — образуют род лестницы, в которой каждая ступень предполагает более строгие обязательства, чем предшествующая ей. Обычай более принудителен, чем мода; условный кодекс более повелителен, нежели обычаи; и правила морали более абсолютны, чем правила, вытекающие из общественных условностей. Наконец, юридические обязанности могут быть названы более обязательными, чем моральные предписания»¹¹⁰. Поясняя далее, мыслитель писал, что в основе градации правил поведения и соответствующих им форм лежат «различные комбинации по-

буждений личной совести, инстинктивного повиновения и внешнего давления»¹¹¹. Мода как форма поведения, например, больше руководствуется личным вкусом, чем общественным давлением. Цель моды не важна; она строится на подражании и поэтому распространяется «как бы стадным образом»¹¹². Обычаи опираются, как правило, на личные отношения, воспроизводят атмосферу межличностных отношений. Обычаи «направлены к тому, чтобы облегчить бег колес социального строя, смягчить отношения между знакомыми, друзьями, начальниками и подчиненными посредством благожелательности и взаимной оценки; их приходится приобретать воспитанием и привычкой, но в конце концов они становятся почти инстинктивными»¹¹³. Задача условных норм – ограничение и спецификация обязанностей. Нравственные же требования, хотя они более безусловны и даже абсолютны, нежели другие правила, могут быть приняты исходя из представления о личной пользе и выгоде. В качестве основы моральных норм может быть допущен разумный эгоизм, вполне логично выводимый из необходимости согласования личных и общественных интересов. С точки зрения Виноградова, «как бы ни была груба нравственная природа человека, он, обыкновенно, признает моральные правила, поскольку они могут гарантировать его собственные интересы»¹¹⁴.

Как и всякий организм, общество вынуждено регулировать свои взаимоотношения со средой. Это приводит к дифференциации функций и органов общества на внешние и внутренние, на занятые поглощением и ассимиляцией. По словам Виноградова, происходит «внутренний процесс дифференциации и интеграции функций и органов»¹¹⁵. Такова эволюция исторических и общественных организмов. Однако вполне возможен и обратный процесс, т. е. остановка в развитии, коснение, отказ от изменений. «Закон взаимодействия с окружающей средой, – продолжал свою мысль исследователь, – находит себе блестящее подтверждение в истории обществ. Мало того, что каждая общественная форма принуждена приспособляться к окружающим условиям, как естественным, так и историческим, все ее существование связано с вопросом, сумеет ли она привлечь к себе достаточное количество людей, материальных средств, духовных сил и переработать этот материал для своих целей»¹¹⁶.

Проблема взаимоотношений общества со средой, а также биологические аналогии в духе спенсеровского эволюционизма наводят социологические размышления Виноградова на

вопрос о смерти общества или, по его словам, «вопрос об остановке развития и гибели общественных организмов»¹¹⁷. Поднятая Виноградовым в лекциях «О прогрессе» тема не была новой в отечественной социологической литературе, да и жанр популярных лекций, по-видимому, не предполагал чрезмерную оригинальность в подходе и трактовке проблем. Из старших современников Виноградова о причинах гибели общественных организмов рассуждали П.Ф. Лилиенфельд и А.И. Стронин. Схожий взгляд развивал коллега Виноградова по историческим занятиям Н.И. Кареев. Причиной смерти организмов, и индивидуальных и общественных, полагал Виноградов, служит «несоответствие между давлением среды и внутренней энергией, или устаревшими и окостеневшими приспособлениями»¹¹⁸. В этом – подобие, но есть и различие. Смерть общества не означает полную аннигиляцию, разложение всех частей общественного организма, но скорее перегруппировку и новую комбинацию составляющих его союзов и объединений. Разлагающая тенденция не охватывает все общество целиком; параллельно ей даже могут набирать жизненную силу другие части общества. «Вследствие того, что в одном и том же обществе развиваются одновременно несколько общественных союзов, – разъяснял свою точку зрения Виноградов, – не может быть случая полного и окончательного уничтожения известного общества или распада его на первоначальные элементы – на отдельных людей. В непрерывной истории общества может совпадать появление признаков прогрессирующего развития в одном отношении с появлением признаков разложения в другом»¹¹⁹. Примером прогрессирующего союза в первые века нашей эры, приводит Виноградов историческую иллюстрацию, может служить христианская церковь, а примером разлагающегося союза – Римское государство. Римское государство было побеждено германскими племенами, но германское язычество было побеждено римской церковью. Падение Римской империи, таким образом, не новый этап развития германских племен, а трансформация римских общественных форм. «Факт всемирно-исторической передачи и перекрестных влияний, – заключал ученый, – является в этом случае настолько капитальными, что научная история принуждена отодвинуть совершенно на второй план этнографические признаки и сосредоточить внимание на истории единого преобразующегося общества»¹²⁰.

Можно говорить не столько о смерти, сколько о вырождении или перерождении исторических организмов. Причина вы-

рождения – обособление, выпадение из всемирно-исторического процесса. По словам Виноградова, «чем резче обособление, тем более шансов вырождения для общественного порядка. Затрата, которая происходит при развитии духовных и политических идеалов, повышенное напряжение политической и культурной деятельности требует нового запаса материала с заменой истраченных политических и социальных сил новыми, а тут как раз такого обмена и нет; образуется группа, которая живет полной жизнью, но которая обрекает себя на бесплодие»¹²¹. Спасением от губительного изоляционизма может служить следование общечеловеческим идеалам.

Более того, некоторые части распадающегося общественного союза могут войти в состав вновь образующегося. Таково, например, в конце античной эпохи римское право. Восприятие римского права в Средние века – излюбленная тема Виноградова. Ей он, в частности, посвятил один из своих семинаров в Московском университете, опубликовав по его результатам небольшое исследование «Римское право в средневековой Европе» (М., 1910). «Так называемая рецепция римского права, – возвращался ученый к привлекавшему его сюжету для иллюстрации возможности и плодотворности культурных заимствований в истории, – составляет одну из загадок всемирной истории. Каким образом могло случиться, что сложные гражданские отношения императорского Рима были применены к быту политически раздробленной и чуждой по духу среды? Не было ли само понятие «современного римского права» – нелепым парадоксом?»¹²² Обобщая свои исторические познания, Виноградов указывал на преемственность социальных форм, на заимствование общественных союзов и их элементов как всемирно-исторический процесс. Ученый видел единство социально-исторического развития, итогом которого становится пополняющаяся от эпохи к эпохе общечеловеческая культура. «Вследствие таких сцеплений и переходов между сменяющимися общественными союзами, – развивал Виноградов свою мысль в духе универсалистского оптимизма, – оказывается, несмотря на эволюционный характер отдельных процессов, что завязывается в истории непрерывная культурная цепь, звенья которой выковываются отдельными эпохами и отдельными общественными организмами, но которая сама по себе составляет известное целое и простирается над всеми этими эпохами и организмами. В этом смысле можно говорить о всемирно-исторической культуре и утверждать, что она бессмертна, поскольку, вообще, бессмертно человечество»¹²³.

Всемирная история на конкретном историческом материале подтверждает представления об исторической преемственности и непрерывной культурной традиции. Более того, всемирная история как область исторических исследований не возможна без этих представлений. «Особенно приходится отмечать, — развивал свою мысль Виноградов, — что история человеческого общества не может и не должна быть разложена на ряд процессов, которые все время начинаются сначала. В этом смысле, существует историческое воспитание, традиция, процессы более поздние уже не начинаются сначала, как более ранние, они считаются с тем, что было раньше и отправляются далее. С этой точки зрения можно говорить о всемирной истории, о преемственности между народами»¹²⁴. Историю отдельных стран и народов также следует рассматривать с всемирно-исторической точки зрения, поскольку ни один национально-исторический процесс не начинается на пустом месте. У народа, выходящего на историческую сцену, были предшественники, а, значит, он уже встроен во всемирную историю. Он может осознавать или нет эту преемственность, но в любом случае он несет груз исторических задач, ролей, целей, функций и т. п. своих предшественников. «Всякий новый фактор, — продолжал ученый, — который входит в историю, уже обременен ее остатками, традициями целого ряда времен и поколений. С этой точки зрения было бы роковой ошибкой разрезать общую историю на целый ряд отдельных кругов. Но, хотя мы предполагаем преемственность развития, тем не менее она не исключает возможности объяснять развитие народа. Это рассмотрение ничего общего не имеет с попытками построить провиденциальные планы всемирной истории»¹²⁵.

Еще большим историческим оптимизмом и предвкушением новых успехов космополитической культуры была проникнута речь Виноградова «Накануне нового столетия», произнесенная 8 октября 1900 г. в Историческом музее в Москве на чтениях, устраиваемых возглавляемых им Педагогическим обществом при Московском университете. Рубеж двух столетий, намечающий уже итоги целого тысячелетия и манящий перспективами нового века, побуждал многих мыслителей вынести уходящему столетию оправдательный приговор, плавно переходящий в пребывающую еще в эмбриональном состоянии футурологию. Взять хотя бы старика Б.Н. Чичерина, откликнувшегося новым временам брошюрой «Россия накануне двадцатого столетия». На рубеже веков в России возникла своеоб-

разная мода, стимулируемая успехами XIX в., на обобщение достижений уходящего столетия и уяснение тенденций последующего развития. Анализ подобного рода литературы мог бы послужить основой интереснейшего исследования. Но упоение бесконечным прогрессом и бессмертной культурой продолжалось не долго. Новый век принес и новые настроения. Быстро наступило чувство пресыщения плодами культуры, и та «культурная цепь», о которой с таким восхищением писал Виноградов, очень скоро стала восприниматься в качестве стесняющих творчество оков. Когда же технические блага цивилизации под аккомпанемент гуманистических и либеральных идей переросли в мировую войну, и вовсе заговорили о конце культуры и кризисе современной цивилизации. Заговорили, в том числе ученики Виноградова – Р.Ю. Виппер и М.О. Гершензон. В работах самого Виноградова второй половины 1910-х гг. заметна какая-то интеллектуальная оторопь, недоумение по поводу происходящих в России событий. Он пытается их объяснить, набрасывая социальную историю России в XIX столетии, выстраивающуюся по эволюционно-прогрессистскому сценарию. Виноградов так и не смог выйти за пределы начертанной им в лекциях «О прогрессе» схемы, объединяющей всемирно-историческую и эволюционную точки зрения. Подразумевая единство социальной эволюции и исторического развития, он писал: «В этом направлении работают два могущественных условия – преемственность духовной жизни между различными общественными союзами и постоянное взаимодействие между развитием социальным и личным, взаимодействие идейного и нравственного свойства»¹²⁶. Объединяет их общая прогрессивная тенденция, которую Виноградов толковал как кумулятивное накопление достижений в науке и образовании, прикладных знаниях и технике, в социальных отношениях. Частным проявлением такого прогресса служит более гуманное и справедливое отношение к побежденным и рабочему классу.

Однако не следует понимать прогрессивное развитие как неотвратимый процесс. Прогресс – одна из возможных конфигураций исторического процесса. «И приходится сказать, – признавался Виноградов, – что наличный исторический материал не оправдывает слишком всеобъемлющих, слишком самоуверенных указаний на ход исторического прогресса»¹²⁷. Поэтому, продолжал он, «...метод исследования: необходимо сначала рассмотреть в чем состоят сущность и особенности исторического процесса, а затем уже ставить вопрос, куда ведет

этот процесс, насколько он обещает прогресс, круговорот или какую бы то ни было другую форму движения»¹²⁸.

Виноградовские рассуждения об историческом прогрессе, опирающиеся на эволюционную точку зрения и благожелательно встреченные слушателями, не были новостью в российской науке. Идею исторической эволюции сделал центральным моментом своей эклектической концепции Н.И. Кареев, уделив ей значительную часть в двухтомных «Основных вопросах философии истории» (1883). Ученик Виноградова П.Н. Милюков в 1896 г. выпустил отдельным изданием первый том своих знаменитых «Очерков по истории русской культуры», где в теоретическом введении специально сосредоточился на проблеме социологической эволюции. Уже после виноградовских лекций, зимой 1898–1899 гг., в Москве к чтению публичных лекций об истории идеи прогресса приступил другой ученик Виноградова, к тому времени уже его коллеги по кафедре всеобщей истории Московского университета, Р.Ю. Виппер. Лекции Р.Ю. Виппера составили книгу «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», выпущенную в 1900 г., а затем несколько раз переиздававшуюся. Сам Виноградов помимо Г. Спенсера указывал на Т.Н. Грановского, как на мыслителя, определившего его научный подход. «Идея прогресса, – сочувственно излагал он взгляды Т.Н. Грановского, – является первою основой исторического мирозерцания. Под ее влиянием история распадается на всемирную и на всеобщую. Всемирная – обнимает все народы, захватывает весь этнографический материал. Всеобщая – выделяет то, что вошло вкладом в человеческую культуру, описывает и объясняет прогрессивное движение человечества... Поступательное шествие обуславливается тем, что идет вперед не единый народ, а сменяющие друг друга путники»¹²⁹. Статья о Т.Н. Грановском была опубликована в «Русской мысли» в 1892 г., т. е. вскоре после работы о московском славянофильстве. Любопытно, что в статье о лидере западников, чьи публичные лекции 1843–1844 гг. стали одним из главных поводов к размежеванию двух партий, Виноградов излагает позицию Т.Н. Грановского в терминах славянофильской концепции. В интерпретации Виноградова заметна явная, в том числе и терминологическая, перекличка с теорией Н.Я. Данилевского.

Впрочем, Виноградов не следовал в данном случае идее многонаправленности исторического процесса и, приступая к лекциям о прогрессе, уже всецело подчинял свою мысль пред-

ставлению о единственности социально-исторического развития. Ход его рассуждений инициировался следующим образом: «Для образованных людей обязательно так или иначе выяснить свое положение относительно этого капитального вопроса: идет ли человечество вперед, и что значит для него идти вперед? Если оно идет вперед, то каким путем и под влиянием каких сил»¹³⁰. В брошюре «Накануне нового столетия» он развивал свой взгляд на прогресс на основе конкретного исторического материала XIX в. Здесь особенно отчетливо проявлялся европоцентризм его подхода, сочетающий просветительский оптимизм, во многом еще питающийся естественно-правовым схематизмом, с представлением об исторических и неисторических народах. Прогресс виделся ему как непрерывный процесс совершенствования человечества и улучшения жизни. «Мы справляемся с теперешними задачами, потому что во многих отношениях стали сильнее наших предков. Общество наше лучше общества XVIII века», – уверенно констатировал Виноградов¹³¹. Прогресс затрагивает не только материальную, но и нравственно-интеллектуальную сторону человеческой жизни. И здесь Виноградов видел кумулятивное наращивание знаний, сознания и совести. «Выросло наше *знание*, – пояснял он, – и мы стараемся широко распространить и применить его... Выросло *сознание*: мы яснее видим, где стоим, что нам нужно и что вредно, к чему надо стремиться и чего избегать. Возросла и *совесть*: мы замечаем и осуждаем многое, на что наши предки глядели притупившимся взором»¹³². Указывал историк и на два главных пути социального прогресса: «коллективное сознание нужд и коллективное сознание права»¹³³. «Дорога к всемирно-историческому призванию остается по-прежнему одна – от мрака к свету!» – патетически завершал свою лекцию о московском славянофильстве Виноградов¹³⁴.

Многогранность прогресса требует и синтетического подхода. Только обозревая исторический процесс с различных сторон можно уяснить направленность прогресса. Однако смысл прогресса, если допустить такое выражение, не ограничивается обзором прошлых судеб человечества. Прогресс, черпая материал из прошлого и как бы метаисторическим способом выстраивая его в объясняющую последовательность, обращен в будущее. Внося логичность в историю, прогресс, тем не менее, говорит не о прошлом, а о будущем. Для историка идея прогресса важна тем, что вносит смысл в исследуемые им факты. Собственно говоря, для той философской традиции, к

которой в целом принадлежал Виноградов, т. е. позитивизма, идея прогресса и составляет смысл истории. Более того, идея прогресса непосредственно перекликается с концепцией многофакторности исторического развития. Идея многофакторности, оппонируя монистическому взгляду на историю, объясняет социально-исторический процесс исходя не из однолинейной причинно-следственной цепи, а из представления о закономерности как пучке необходимых зависимостей географического или природно-климатического, расово-антропологического, индивидуально-субъективного и ситуативно-исторического планов. Вторя идее многофакторности и как бы продолжая ее логику, прогресс и тенденции исторического движения рассматриваются как развитие в одном направлении нескольких базовых социально-исторических характеристик. К такому относятся прежде всего познание, сферы политики и морали. Общий прогресс можно таким образом понимать как прогресс в области знания, политики и моральных отношений. Различные мыслители делали акцент на какой-то одной из этих характеристик. Интегрирующая позитивистская установка предлагает их рассматривать в совокупности. Сумма достижений в морали, политике и науке дает общее представление о прогрессе и еще раз подчеркивает его интеллектуальный, по преимуществу, характер.

Историография идеи прогресса наглядно демонстрирует, как постепенно складывалось синтетическое видение прогресса. Идея прогресса зародилась в XVIII в. Виноградов рассматривает четырех мыслителей просветительской эпохи: Кондорсе, Руссо, Гердера и Канта. Каждый из них ограничивал прогресс лишь одной сферой деятельности и на ней сосредоточивает свои рассуждения. Не повторяя подробно ход мысли Виноградова, приведу лишь его обстоятельный итог: «Обозревая в общем работу главных трех течений мысли XVIII-го века, просветительного, чувствительного и критического, по вопросу об историческом прогрессе, мы приходим к заключению, что при резком противоречии друг с другом они дополняют друг друга в том отношении, что каждое избрало для своих наблюдений и выводов лишь одну сторону дела и провело эти наблюдения с резкой односторонностью, так что тот, кто следит за их политикой, как бы обходит предмет кругом, осматривая то одну, то другую сторону его. Ради ясности схемы можно было бы, пожалуй, сказать, что Кондорсе, Гердер и Кант рассматривают исторический процесс с точки зрения ума, сердца и воли, выдвигая и выбирая наиболее подходящие, разрубая и игно-

рируя факты, мало удобные и посторонние их основным идеям. Еще точнее будет сказать, что один сосредоточил свое внимание на роли познавательной способности людей, другой – на значении нравственного начала человечности в отношениях между людьми, третий – на вероятном ходе политического совершенствования. Но затем все трое стоят на почве XVIII-го века, все трое чувствуют необходимость растолковать историю, еще не зная ее, все трое смотрят в будущее, даже когда утверждают, что наблюдают прошедшее, все трое чувствуют приближение великого переворота и веруют в его благодатное влияние»¹³⁵.

Историографические перипетии идеи прогресса в XIX в. не столь разнообразны. Виноградов видит здесь два варианта, два истолкования прогресса: идеалистический и позитивистский. Наиболее яркие представители этих двух подходов – Гегель и Спенсер. Учение Гегеля, на котором сказалось противоречие между философией и исторической жизнью, Виноградов определяет как идеалистическое, синтетическое и диалектическое. Излагая гегелевский подход, исследователь дает и его критику. Главное возражение Виноградова сводится к следующему: «Он (Гегель. – А.М.) принял свое положение, положение своего времени и народа за высшее и окончательное определение, тогда как по его же толкованию оно должно было быть только скоропреходящим моментом развития; не трудно раскрыть софистику, которая заключается в игре словами: свобода, необходимость, дух, материя, в применении таких общих категорий к весьма мелким явлениям исторической жизни»¹³⁶. Ко второму подходу – спенсеровскому – Виноградов относился менее критично. Напротив, он присоединялся к основным его положениям, рассматривая исторический процесс с органической точки зрения.

Гегель и Спенсер с разных сторон освещают две господствующие научные идеи XIX в. – закономерности и развития, – распространение которых сопровождало победное шествие прогресса. Для обозрения плодов прогресса Виноградов находит подходящий повод – наступление нового века и, соответственно, подведение итогов века девятнадцатого. «Попробуем же собрать несколько впечатлений от работы уходящего века», – так формулировал он свою задачу в докладе «Накануне нового столетия»¹³⁷. Сравнивая мир в 1800 и 1900 г., ученый видел прежде всего «глубокие перемены в распространении культуры»¹³⁸. Правда, нарастание культурности рисовалось Виноградову в несколько пренебрежительных и по-ев-

ропейски снобистских тонах. «...не отмечено, – констатировал он, – попятного движения образованности перед варварством»; он фиксировал «приобретения и рост образованных народов насчет диких, менее образованных»¹³⁹. Просветительский универсализм, воспроизводящий нехитрую схематику естественного права, сочетается у Виноградова с допросветительским делением народов на исторические и неисторические. Варварские племена стоят вне истории; европейцы же, исполняя свою прогрессивную миссию, облагодетельствуют их путем ассимиляции или истребления. На землях, пишет Виноградов о территории Австралии и Новой Зеландии, населенных ранее дикими народами, появились «могущественные отпрыски европейской культуры»¹⁴⁰. Еще большее восхищение вызывают у него цивилизационные успехи США: «...вся же середина и запад теперешнего Союза, области, в которых теперь кишит жизнь, в которых действуют такие города, как Чикаго, представляли пустыни, по которым бродили, охотясь за зверями и ловя рыбу, различные сиуксы, апахи, алгайонквинны»¹⁴¹. «Таким образом, во всех частях света, – подводил Виноградов предварительный итог, – XIX век свидетельствует о *распространении европейского влияния и европейской культуры*»¹⁴².

Кумулятивное нарастание культурно-просветительской цивилизационно-технической мускулатуры – не единственный итог XIX столетия. Развитие средств сообщения и обмена, интенсификация культурных взаимодействий позволяют говорить о глобализации процессов. «Необычайно возрос не только обмен товаров, но и *обмен мыслей*», – замечает Виноградов¹⁴³. Начало XIX в. ему рисуется как «захолустный склад жизни в самых важных центрах, полное невежество относительно всего окружающего, бедность и однообразие мыслей, предубеждение против всего чужого»¹⁴⁴. Успехи прогресса Виноградов в основном прослеживал на примере самой «передовой страны» – Англии. Происходящие изменения вовлекают в цивилизационный процесс все новые и новые народы и сферы жизни. «В наше время, – задавал ученый масштаб прогрессивных изменений, – дела и люди все более и более выходят из узкой обстановки различных закоулков, приходится считаться с мировыми рынками, присматриваться к условиям отдаленных стран, учиться понимать людей чужих государств и народов: сцена раздвинулась, запас идей возрос, а главное – возросла быстрота их обращения между людьми. В этом смысле можно сравнить роль открытий XIX века разве только с изобретением книгопечатания»¹⁴⁵.

Прогресс затрагивает все сферы человеческой жизни и деятельности, но прежде всего сказывается в сфере экономики и «сознательности». Виноградов описательно подходит к решению своей задачи: показать прогрессивные изменения. Он указывает те тенденции, которые, на его взгляд, могут иметь продолжение в XX в. В экономике это рост промышленности на основе машинного производства и расширение кредитной системы. В политической области наблюдается укрепление гражданского общества, или, по его словам, «самодеятельности общества», «общественного самоуправления»¹⁴⁶. Получит продолжение государственное регулирование отношений в производстве. «Вмешательство государства во имя нравственного начала», – как обозначал его Виноградов¹⁴⁷. Появилось социальное страхование и пенсионная система. В сфере просвещения продолжается развитие начального, женского и университетского образования. Прогрессивные настроения проникли и в неподатливую область международных отношений. Гуманистические ценности стали обязательным компонентом дипломатической риторики. «И важно не только то, что уже осуществилось или осуществится: драгоценно зарождение в жестокой борьбе политических интересов и на пустынной почве дипломатических канцелярий идей широкой гуманности, “утопий” – как говорят приверженцы грубой действительности – например идей ограничения вооружений, постоянного международного посредничества во избежание войны»¹⁴⁸.

Люди викторианской эпохи были убеждены, что совершается «прогресс в мире в направлении свободы и миролюбия», – подтверждал Виноградов в 1920 г. в статье «Кризис современной юриспруденции» свои прежние наблюдения¹⁴⁹. Казалось, что конфликты можно решать политическими, а не военными средствами. Достижения в науке и образовании демонстрировали прогресс в интеллектуальной сфере.

Еще одна примечательная тенденция, обозначенная Виноградовым, – возможное возрастание роли азиатских народов. Историк отмечал «факт мировой важности – быстрые шаги европейского влияния и европейской культуры среди колоссальных масс монгольских государств Азии, которые так долго и так упорно отгораживались от всего чужого»¹⁵⁰. Впрочем, Виноградов достаточно скептически смотрел на будущее азиатских народов; не они являются носителями прогресса, не им отведены главные роли на исторической сцене. В этой связи недооценивал он и «желтую» фобию В.С. Соловьева. Как писал Виноградов, «является страх перед “Желтой Грозой”, –

страх, при зрелом обсуждении, едва ли основательный, случится, надо думать, одно из двух: или желтые действительно воспримут европейскую культуру, и в таком случае можно будет примириться с некоторыми неизбежными уступками этим новым членам семьи цивилизованных народов, или, — что гораздо более вероятно, — они не совладают в большей своей части с наплывом новых идей и порядков, и в таком случае никакие частные заимствования не дадут им перевеса над европейцами»¹⁵¹. Судить о справедливости предположений Виноградова даже спустя столетие сложно. Синтез азиатских культурных традиций с европейскими в полной мере еще не завершен.

Примечания

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. С. 293.

² Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 164.

⁵ Рубинштейн Н.П. Русская историография. М., 1941. С. 497, 578.

⁶ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993. С. 495.

⁷ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. С. 179.

⁸ Там же. С. 497.

⁹ Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. С. 23.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 254.

¹³ Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

¹⁴ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. С. 199.

¹⁵ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 71.

¹⁶ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 14.

¹⁷ *Vinogradoff P. Foundation of Society (Origins of Feudalism) // Cambridge Medieval History. 1913. Vol. VIII. Ch. XI. P. 654.*

¹⁸ *Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 15.*

¹⁹ *Виноградов П.Г. История средних веков. М., 1893. С. 24–25.*

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Там же. С. 25–26.

²² *Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. С. 1.*

²³ *Vinogradoff P. Villainage in England. P. 4.*

²⁴ Ibid. P. V.

²⁵ Ibid. P. VII.

²⁶ *Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 г. М., 1899. С. 217.*

²⁷ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. I. P. 303.*

²⁸ *Vinogradoff. P. English Society in the Eleventh Century. Oxford, 1908. P. 12.*

²⁹ Приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения Императорской академии наук 23 октября 1913 г. (к § 433).

³⁰ *Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 181.*

³¹ *Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. С.21.*

³² Там же. С. 22.

³³ *Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. С. 5.*

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 293.

³⁶ *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. (литография) С. 5.*

³⁷ *Виноградов П.Г. Аристотель о восстановлении нарушенного права // Гермес. Научно-популярный журнал античного мира. 15 марта. № 6 (30). 1909. С. 252–256; 1 апреля № 7 (33). 1909. С. 282–290.*

³⁸ *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 294.*

³⁹ Там же. С. 291.

⁴⁰ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 324.*

⁴¹ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. I. P. 222.*

⁴² *Vinogradoff. P. English Society in the Eleventh Century. P. 12.*

⁴³ *Виноградов П.Г. Местное самоуправление в Англии. СПб., 1903.*

⁴⁴ *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 294. «Общественная жизнь, – повторял Виноградов ту же мысль много позже, – как всякая форма жизни, зависит не от механических отношений, а от законов органического развития» (Виноградов П.Г. За и против республики // Исторический архив. 1997. № 2. С. 54.).*

⁴⁵ Там же. С. 292.

⁴⁶ Там же.

- ⁴⁷ *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 61.*
- ⁴⁸ *Ibid. P. 63.*
- ⁴⁹ *Ibid.*
- ⁵⁰ *Ibid.*
- ⁵¹ *Ibid. P. 66.*
- ⁵² *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 50.*
- ⁵³ *Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 6.*
- ⁵⁴ *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 295.*
- ⁵⁵ *Там же. С. 296.*
- ⁵⁶ *Там же. С. 291.*
- ⁵⁷ *Там же. С. 294.*
- ⁵⁸ *Там же. С. 300.*
- ⁵⁹ *Там же. С. 298.*
- ⁶⁰ *Vinogradoff P. The Russian Problem. P. V.*
- ⁶¹ *Ibid. P. VI–VII.*
- ⁶² *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 291–292.*
- ⁶³ *Там же. С. 292.*
- ⁶⁴ *Vinogradoff P. Villainage in England. P. VI.*
- ⁶⁵ *Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии*
// Журнал министерства народного просвещения. 1883. Август. Ч. ССХХVIII. С. 390.
- ⁶⁶ *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 75.*
- ⁶⁷ *Ibid.*
- ⁶⁸ *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. С. 19.*
- ⁶⁹ *Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии.*
С. 391.
- ⁷⁰ *Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 93.*
- ⁷¹ *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1896–97 ак. г. С. 30.*
- ⁷² *Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. С. 20.*
- ⁷³ *Там же. С. 21.*
- ⁷⁴ *Моисеевкова Л.С. Об исследовательских принципах русского*
медиевиста П.Г. Виноградова // История и историки. Историографи-
ческий ежегодник. 1981. М., 1985. С. 214.
- ⁷⁵ *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 66–67.*
- ⁷⁶ *Ibid. P. 65.*
- ⁷⁷ *Ibid. P. 67.*
- ⁷⁸ *Ibid. P. 73.*
- ⁷⁹ *Ibid. P. 74.*
- ⁸⁰ *Ibid.*
- ⁸¹ *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 296.*
- ⁸² *Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 10.*
- ⁸³ *Виноградов П.Г. История средних веков. М., 1893. С. 23–24.*
- ⁸⁴ *Там же. С. 23.*

- ⁸⁵ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 19.
- ⁸⁶ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 350–351.
- ⁸⁷ Ibid. P. 377.
- ⁸⁸ Виноградов П.Г. Забота о населении в исторической перспективе // Забота о населении в Англии. Лондон, 1920. С. XI.
- ⁸⁹ Там же. С. XXX.
- ⁹⁰ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 328.
- ⁹¹ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 296.
- ⁹² Там же. С. 298.
- ⁹³ Там же. С. 300.
- ⁹⁴ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 17.
- ⁹⁵ Там же. С. 18.
- ⁹⁶ Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 г. Литография. С. 258.
- ⁹⁷ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 9.
- ⁹⁸ Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. С. 134–135.
- ⁹⁹ Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 221.
- ¹⁰⁰ Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 г. С. 227.
- ¹⁰¹ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Ноябрь. Ч. ССXXXVI. С. 187.
- ¹⁰² Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции ординарного... 1897/8 уч. году. С. 12.
- ¹⁰³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 300.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 301.
- ¹⁰⁶ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 11.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 11–12.
- ¹⁰⁸ Виноградов писал: «...в общем Токвиль сумел выдержать ответственную роль ученого, т. е. судьи. Он был слишком крупный человек, чтобы гоняться за мелкими партийными прибылями, и слишком идеалист, чтобы на минуту усомниться в силе и пользе истины» (Виноградов П.Г. Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1896. С. 5.).
- ¹⁰⁹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 12.
- ¹¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹¹⁵ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 302.
- ¹¹⁶ Там же. С. 303.

- ¹¹⁷ Там же. С. 305.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. С. 306.
- ¹²⁰ Там же. С. 307.
- ¹²¹ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 398.
- ¹²² Виноградов П.Г. Россия и Европа. С. 205–206.
- ¹²³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 307.
- ¹²⁴ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 50–51.
- ¹²⁵ Там же. С. 51.
- ¹²⁶ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 308.
- ¹²⁷ Там же. С. 293.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 56.
- ¹³⁰ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 255.
- ¹³¹ Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. М., 1902. С. 27.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 312.
- ¹³⁴ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 126.
- ¹³⁵ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 272–273.
- ¹³⁶ Там же. С. 279.
- ¹³⁷ Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. С. 5.
- ¹³⁸ Там же. С. 6.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же. С. 7.
- ¹⁴² Там же. С. 8.
- ¹⁴³ Там же. С. 11.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 10.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 11–12.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 18.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 19.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 20–21.
- ¹⁴⁹ Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. II. P. 215.
- ¹⁵⁰ Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. С. 8.
- ¹⁵¹ Там же.

РУССКАЯ ПРОБЛЕМА

Исторические труды Виноградова по европейскому Средневековью были по достоинству оценены на Западе. И его приглашение в Оксфордский университет – лучшее тому подтверждение. Однако, как это часто бывало с русскими учеными, оказавшимися за границей, занимаясь дома европейскими исследованиями, в Европе они становились специалистами по России. Виноградов не был здесь исключением. Еще в 1891 г. он взялся за новую для себя тему о славянофилах, после переезда в Англию в 1901 г. читал лекции о реформах Александра II в Кембриджском университете¹, а затем периодически выступал с лекциями и публиковал работы по социальной истории России, в основном XIX в. Первая мировая война и революции в России стали дополнительным стимулом для разработки российской проблематики. Как замечает А.В. Антощенко, «с начала Первой мировой войны политическая публицистика Виноградова по русской проблеме практически оттеснила на второй план даже его научные исследования, сохраняя доминирующее положение и в работах, публиковавшихся после революции 1917 года»². В письмах, отправленных в эти годы в Россию, Виноградов часто обращался к своим корреспондентам с просьбой содействовать пересылке ему в Оксфорд литературы, «так как книги мне нужны для работы о России»³.

Обращение Виноградова к вопросам русской истории и культуры кажется, на первый взгляд, несколько неожиданным и с трудом вписывающимся в сферу его ученых занятий. Как это может быть ни покажется странным, но его работы по русской проблематике были вызваны обстоятельствами его заграничной жизни. И предназначены они были, прежде всего, иностранным читателям, зачастую носили не чисто научный, а публицистический характер. Первым его опытом в этом направлении стали лекции о славянофилах в Оксфордском университете. Наверное, трудно было найти тему более несоответствующую научным интересам и жизненным установкам историка, чем славянофильство. Единственным исключением личного характера здесь могут служить славянофильские убеждения его отца, которые, правда, никак не сказались на формировании будущего ученого. Действительно, Виноградов со-

здал себе имя в науке исследованиями по истории западноевропейского средневековья, затем много занимался сравнительным правоведением. Славянофильство в этом смысле не вписывается ни хронологически, ни тематически в сферу его научных интересов. По крайней мере, Виноградову были бы ближе и с ученой и с идеологической стороны противники славянофилов — историко-юридическая или государственная школа. Да и сам Виноградов из всего курса о славянофилах решился опубликовать в виде статьи лишь одну лекцию «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства», прочитанную 20 ноября 1891 г. «в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая»⁴. Примечательно, что ученый остановил свой выбор на И.В. Киреевском, которому славянофильство больше всего обязано разработкой философской, а не исторической стороны учения. Примечательно и другое: Виноградов дает в целом положительный взгляд на исходную доктрину славянофильства практически одновременно с резко отрицательной статьей своего ученика П.Н. Милюкова «Разложение славянофильства», напечатанной год спустя в тех же «Вопросах философии и психологии» (Кн. 18). Не берусь судить, но интерес к славянофильству среди русских историков в начале 1890-х гг. был, очевидно, симптоматичен. Для примера укажу на усилившиеся славянофильские симпатии, например, у К.Н. Бестужева-Рюмина. В.О. Ключевский в своей записной книжке пометил под 1893 г. (кстати, вскоре после столь негативно воспринятой им диссертации П.Н. Милюкова): «Разложение славянофильства — пахнет от разлагателя»⁵. Лекции о славянофилах, прочитанные в Оксфордском университете, по свидетельству биографа, не были лишены симпатии к «московскому направлению»⁶. Четверть века спустя Виноградов, побуждаемый обстоятельствами мировой войны и революций в России, вновь обратился к интерпретации славянофильской доктрины, напечатав на английском языке несколько статей⁷. Сам Виноградов, по-видимому, усматривал в славянофилах предшественников развиваемого им эволюционного подхода. В автобиографическом очерке он писал о славянофилах: «Направление это можно признать в настоящее время за "überwundener Standpunkt", как говорят немцы. Оно уступило место эволюционной теории»⁸. С другой стороны, политическим нравам Виноградова импонировал и, по его выражению, «архаический либерализм» славянофилов. «Особенно вызывает удивление, — делился он своими впечатлениями, — духовная самостоятельность и плодотворность этих людей во

время строгой правительственной опеки, их гуманное, всесторонне развитие, их могущественное влияние на окружающее общество»⁹. Гуманизм был взращен дворянской культурой аристократически воспитанных, обеспеченных и досужных людей с утонченными вкусами. «Они выдвинули в нашей истории своего рода гуманизм, литературный и философский», — констатировал Виноградов¹⁰.

Происхождение московского славянофильства, конечно, не то же самое, что происхождение феодализма, хотя некоторые элементы общего подхода все же можно усмотреть. Так, Виноградов в обоих случаях стремится проанализировать более широкий контекст, в который вписывается исследуемое историческое явление, в первом случае это хозяйственно-правовые отношения, во втором, историко-культурные. С подлинной страстью антиквара Виноградов готов признать ценность любых проявлений исторической жизни. «Моя цель была, — пояснял он, — представить попытку исторической оценки исходного момента славянофильства. Такая оценка включает элементы критики, потому что ставит факты в связь развития и раскрывает его преходящий характер. В этом смысле метод учит, что крупные исторические явления имеют всегда свое оправдание. Они не явились даром и не проходят бесследно, хотя впадают в искажения и вызывают оппозицию»¹¹.

Понять славянофильство можно осознав его, с одной стороны, частью более широкого интеллектуального или культурного движения, с другой, представив то место, которое это явление занимает в истории самого народа. Рассматривая тот историко-культурный контекст, в котором зародилось славянофильство, Виноградов называет его «европейской школой», имея в виду связь славянофильства с теми «определенными течениями в западно-европейской литературе», которые можно назвать консерватизмом и романтизмом. Историк подчеркивал европейскую выучку славянофилов и европейски ориентированный, хотя и в критическом направлении, изначальный импульс размышлений славянофилов. «Заметим прежде всего, — уточнял он, — что славянофилы были не менее своих противников знакомы с западной литературой и бытом. Такие люди, как Киреевский, Хомяков, Ю. Самарин, долго и основательно изучали произведения европейской науки и философии. По полноте своей культурной подготовки они, конечно, не уступали никому из русских и западных современников»¹². Виноградов указывал таких предшественников славянофилов, как Шишков, Карамзин, Погодин¹³. Отсюда уясняется и значе-

ние И.В. Киреевского: «Киреевский замыкает цепь между некоторыми коренными взглядами славянофильства и умственным движением Европы в первые десятилетия нашего века. В этом главный интерес его произведений»¹⁴. В консервативно-романтическом движении, в частности, в немецкой исторической школе права, в изучении народной психологии и этнографии вырабатывался новый взгляд на историю как на органический процесс¹⁵, что позволяет указать на научную генеалогию самого Виноградова.

Место славянофильства в историческом развитии русского народа не менее примечательно. Это было время «культурной молодости народа, вступающего наконец в свое умственное совершеннолетие»¹⁶. Метафора возраста, примененная к самому славянофильскому движению не только дает пример приложения органической точки зрения к русской истории, но и поясняет многие крайности и излишества славянофильства. В этот период формируется национальное образование, искусство, философия; и славянофилы ярче других выражают происходящие изменения. Они – «истинные русские националисты», – отмечал Виноградов, не вкладывая в свою оценку никакого негативного значения¹⁷. В этом смысле славянофилы были наиболее органической, т. е. соответствующей периоду-возрасту частью русского общества. По словам Виноградова, «как с Пушкиным и Гоголем Петровская реформа осуществилась в литературе, так с Грановским и Хомяковым стала на ноги научная и философская мысль в русском обществе»¹⁸.

Однако исчерпывается ли указанными чертами сущность славянофильского направления? Во-первых, Виноградов отмечает малое значение славянского вопроса для славянофилов: «...панславизм и славянофильство совсем не синонимы»¹⁹. Во вторых, славянофильство не тождественно москофильству. Славянофильство, критикуя петровские реформы и идеализируя старину, приходит, считает он, к «архаическому либерализму», несовместимому с приматом государственного начала и принесением в жертву единству и силе государства свободных начал земства и личности. Третьей и на самом деле главной чертой славянофильства было стремление выработать новое философское мировоззрение. «Центр тяжести их интересов, – утверждал исследователь, – в установлении нового философского мирозерцания: история и богословие разрабатываются в той степени, как это нужно для проведения идеи этого мирозерцания»²⁰. Изучение прошлого

было подчинено у славянофилов построению историософской и богословской концепции. Историософия, пожалуй, оказалась наиболее разработанной частью славянофильской доктрины. Плодотворнее всего на этом поприще трудились А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. «Историей ни тот, ни другой не пренебрегали, – писал Виноградов, – но интересовались они историей в ее самых общих и, так сказать, философских очертаниях. Даже странные специальные изыскания Хомякова в области средних веков имеют в виду никак не равномерное изучение материала, а подготовку доказательств для философско-исторических обобщений»²¹.

Виноградов, конечно, сознавал, насколько далеки были его собственные философско-исторические пристрастия от положений, отстаиваемых славянофилами. Он критикует их представление о провиденциальной роли России и свойственный славянофилам схематический взгляд на исторические народы, например, отождествление германства с принципом индивидуальности. История, изучая прошлое, позволяет лучше понять современность, но служит плохим советчиком в деле предсказания будущего. Поэтому любые пророчества о судьбе России не только неуместны, но и не соизмеримы с масштабом индивидуального существования, не способного обнять и постигнуть не завершенный еще исторический процесс. «История России заложена в таких громадных размерах и рассчитана, очевидно, на такие обширные периоды, что нет надобности спешить некрологом», – заключал он²². Виноградов признавал, что теоретическое и практическое значение славянофилов велико, многие их идеи оказались жизнеспособными, но в них историк видит уже и «смертную сторону» славянофильства. Более того, религиозные интересы, которым были подчинены исследования славянофилов, затрудняют понимание их идей современными читателями, воспитанными не на религиозных идеях, а на вере во всемогущество науки. «Теологические писания таких славянофилов, как А. Хомяков и Юрий Самарин, – признавал Виноградов, – нелегко читать в наше время; они шли более или менее осознанно к православию и они наполнены диалектическими примерами. Но эти люди боготворили Логос мира не устами, а своими сердцами»²³. Другим выражением «Логоса мира», поклонником которого можно считать самого Виноградова, было правовое мышление, обосновывающее законный порядок человеческих отношений.

В статье «Россия и Европа», написанной Виноградовым, по мнению А.В. Антощенко, по-видимому, в конце 1916 – нача-

ле 1917 г., но в свое время неопубликованной из-за начавшейся в феврале 1917 г. в России революции, историк дополнял высказанные им ранее критические аргументы. «В их культурно-психологических наблюдениях было много глубокого и верного, — писал Виноградов о славянофилах, — но постановка задачи страдала от двух роковых погрешностей: во-первых, следуя немецким философским течениям того времени, славянофилы считали народный характер величиной постоянной и неизменной. Во-вторых, они старались определить те принципы, которые Россия должна внести в последовательное развитие мировых идей»²⁴. Критика славянофильской доктрины развертывается Виноградовым, по существу, с той же органической точки зрения, которую, как он считал, разделяли и славянофилы. Виноградов, в этом отношении, говорит со славянофилами на одном языке и лишь настаивает на более строгом определении и конкретизации самого органического подхода. Так, прежде всего требует уточнения понятие народа, сближаемого с истолкованием индивидуального развития. Как индивид, сохраняя свою идентичность и тождество сознания, меняется с возрастом, изменяются его вкусы, предпочтения, взгляды, интересы, так же и народ не остается неизменным в своей истории. «В долгом развитии своем великие народы видоизменяют свой духовный облик так же, — развивал свою мысль историк, — как это случается и с отдельными людьми, если они проходят по жизненному пути среди сложных условий. Психологическая преемственность не исключает разнообразных *воздействий*, а комбинируется с ними»²⁵. Еще ранее в одном из лекционных курсов, критикуя принципы романтической историографии, он отмечал, что «народный характер есть нечто текучее; сколь бы мы ни раскладывали его на постоянные элементы, нельзя утверждать и доказать, чтобы народ, подобно отдельному лицу не изменялся сильно и резко под влиянием новых обстановок, новых элементов жизни, новых племен... Приняв во внимание, что характер народа изменчив, можно все-таки дать психологические формулы для известных эпох его развития»²⁶. Собственно говоря, Виноградов под видом органической точки зрения проецирует здесь на историческую проблематику широко распространенное в либеральной философско-правовой мысли представление о субстанциональной устойчивости личности при изменчивости ее состояний. Место идентичности сознания личности у Виноградова занимает «психологическая традиция» народа, а место изменяющихся состояний — многообразие историчес-

кой обстановки. Биологический параллелизм индивида и народа, таким образом, смыкается у Виноградова с позитивистской теорией факторов. «Подобные групповые организмы, — пишет он о народах, — отражают в своей жизни как особенности психологической традиции, так и результаты отношений к окружающему миру и к поставленным им в разное время задачам. Таким образом, их судьба зависит никак не от единого фактора цельной народной личности, но от взаимодействия личности и среды»²⁷. Неверное понимание народа, в том числе и славянофилами, делал вывод Виноградов, объясняет и «крушение всех попыток снабдить каждый великий народ собственным и единым культурным "словом" в последовательном ходе всемирной беседы»²⁸.

Вдумчивой критике подвергал Виноградов и взгляды отдельных представителей славянофильского движения. Так, отторжение И.В. Киреевским западноевропейского рационализма, полагал он, вписывается в романтическую реакцию на рациональную философию Просвещения и в целом соответствует периодической смене рационалистических и иррационалистических акцентов в рамках единой европейской культуры. Критика И.В. Киреевским рационализма не выдерживает заявленного противопоставления западноевропейской и русской культуры. «Итак, — заключал историк, — русской народности приписано было назначение, почерпнутое из истории сменяющихся направлений и обостренных противоположностей западной философской мысли»²⁹. Неприемлемым для Виноградова оказывается и признание А.С. Хомяковым православия в качестве основы русского мирозерцания. «Начало это, однако, углублялось до такой отвлеченной формулы, которая лишала его исторической реальности», — предъявлял свою претензию дотошный историограф³⁰. Не соглашался Виноградов и с политической концепцией К.С. Аксакова, а также с идеализацией славянофилами крестьянской общины. У более поздних мыслителей укора удостоились представление Ф.М. Достоевского об отзывчивости и «всечеловечности» русских, что на взгляд Виноградова, лишь указывает на ученичество русского народа у других культур, а также приписывание Н.Я. Данилевским русскому народу начала терпимости, с опровержением которого, настаивал Виноградов, не замедлят многие факты русской истории.

Впрочем, «увлечение» славянофильством не прошло для Виноградова даром. Он не только обнаружил в славянофильстве истоки развиваемой им органической точки зрения на ис-

торию и общество. Отдельные мыслительные конструкции и образы, используемые славянофилами, периодически, возможно безотчетно, проговаривались в его собственных теоретических конструкциях. Приведу показательный в этом отношении пример. Со времени написания статьи о И.В. Киреевском минуло почти четверть века; Виноградов давно уже, променяв свою московскую известность на мировое признание, жил в Англии. Публикуя в Москве в 1915 г. (подготовленное учеником Виноградова М.О. Гершензоном двухтомное собрание сочинений И.В. Киреевского вышло в 1911 г.) введение в курс сравнительного правоведения, читаемого им в Оксфордском университете, он давал свое истолкование сознания. И при этом явно вплетал в рассуждение, представляющее смесь английского эмпиризма с привычным позитивизмом, используемую И.В. Киреевским в наброске концепции «цельной личности» музыкальную метафору, согласно которой гармонично звучат все струны души. Приведу это пространное рассуждение Виноградова: «Мы также (как и животные. – А.М.) подвержены непосредственным импульсам нашей эмоциональной природы, но наряду с этим непосредственным двигателем мы сознаем присутствие в нашем уме совершенно иного духовного процесса. Мы всегда как бы подставляем зеркало нашим эмоциям, идеям и решениям, и вследствие такого самосознания мы переживаем события и действия нашего существования не только в их прямой последовательности, но так же как ряд отражений. Струны нашего духа непосредственно затрагиваются снаружи различными впечатлениями, производимыми встречающимися нам предметами, равно как и физиологическими и духовными событиями в нашем собственном организме. Процесс рефлексии делает для нас возможным переставлять ряды наших впечатлений и воспоминаний, согласовывать их с сознательными целями и сознательно избранными мерилami»³¹.

Еще один пример славянофильских экспликаций несколько неожиданно можно обнаружить в рецензии Виноградова на книгу Р.Ю. Виппера «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма», представляющую собой диссертацию, за которую Р.Ю. Виппер получил докторскую степень, минуя степень магистра. Учение о предопределении в кальвинизме рецензент пояснял отсылкой к богословской концепции А.С. Хомякова. «К церковному учению кальвинизма, – оценивал Виноградов протестантизм по мерке славянофильской доктрины, – можно, как это ни странно, применить замечание Хомя-

кова относительно спасения; вопрос не в том, как человек может спастись, а в том, каким образом Бог спасает человека»³².

Любопытно, что в последней доэмигрантской работе Виноградова – брошюре «Накануне нового столетия» – практически полностью отсутствовал русский материал. Тому, вероятно, были свои причины. Примечательно, что данная работа стала завершением русского периода в жизни Виноградова. Хорошо видно с какими настроениями он покидал Россию. «Накануне нового столетия» в масштабе виноградовской жизни может быть оценена как накануне эмиграции. Итоги XIX в. для России Виноградов сумел подвести в своих публицистических произведениях, инициированных начавшейся мировой войной. Еще в статье «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства» он отмечал, что в XIX в. в России было две эпохи культурного подъема, «когда велика была организующая сила идей»³³ – 1840-е и 1860-е гг. Согласно взглядам ученого, – это два «исторических момента», «из которых один знаменует образование главных теоретических направлений русской мысли XIX века, а другой – появление нового социального строя русской жизни»³⁴. 60-е гг. XIX в. – пора реформ в российском обществе. В лекциях «Реформаторская деятельность царя Александра II» и «Значение современного развития России», прочитанных в 1902 г. в Кембридже, Виноградов пытался показать, что необходимость реформ была осознана русским обществом в результате споров славянофилов и западников, развернувшихся в 40-х гг. XIX в. Желаемые изменения должны были учитывать как самобытные русские исторические начала, так и опыт западных стран. Сочетание этих двух требований в оценке реформ дало А.В. Антощенко основание отнести Виноградова к сторонникам «принципа традиционного историзма»³⁵. Успех реформ, полагал Виноградов, был обеспечен «совместной деятельностью правительства и просвещенного меньшинства, наделенного идеалами справедливости и независимой мысли»³⁶. Посредством реформ реализуется эволюционный путь развития, предпочитаемый Виноградовым. Именно демонстрации благотворности и эффективности эволюционного и реформационного развития посвящен даваемый ученым английским читателям краткий очерк социальной истории России в XIX столетии. «Что мы желаем для России, – делился Виноградов своими мыслями в 1915 г., – так это не ввязываться в революцию с ее фантастическими перспективами и ужасающими реальностями. Мы хотим полной органической реформы наподобие движения шестидесятых

годов, только в большем масштабе»³⁷. «Я уверен в одной вещи, – продолжал он далее, – люди в России, более определенно образованный класс, “интеллигенция” возродят атмосферу великих реформ и смогут всех удивить как в мирное, так и в военное время»³⁸.

Эпоха реформ – один из этапов русской истории. Ее необходимость легче усмотреть, если связать ее с определенным периодом в истории России. Виноградов давал следующую периодизацию русской истории. Первый период он относил к XII–XIII вв. В это время у восточных славян сложились два объединительных центра: Киев и Новгород. Славянское население численно преобладало над соседними финскими и тюркскими народами. Смешение с ними стало одним из оснований позднейшего различия Великороссии и Малороссии. Начало второму периоду (XIII–XIV вв.) положило монгольское вторжение. Россия оказалась в тяжелом положении между Азией и западными странами. Итогом этого периода стало постепенное возвышение Москвы. Третий период или Московская Русь хронологически занимает два столетия (XVI–XVII). Центральным историческим событием этого периода было Смутное время, которое русский народ сумел прежить, восстановив свое историческое тело, объединив коренное население Волги, Дона, Днепра и Двины. Четвертый период – период европеизации – начался в XVIII в. Главными его историческими событиями и приобретениями стали выход к Балтийскому морю при Петре I и к Черному морю при Екатерине II, а также «героическая борьба против французских завоевателей в 1798–1814 гг.»³⁹. Широкая европеизация привела к изменению обычаев и социальных институтов по западным образцам. Плодотворным оказалось взаимодействие с западноевропейской культурой, способствовавшее расцвету литературы и искусства в России XIX в. Социальный прогресс в эту эпоху был менее заметен; но и в этой сфере есть достижения, порожденные реформами 1860-х гг. «Освобождение крепостных, появление местного самоуправления, реформа права и судопроизводства, большие успехи в общественном образовании сделали бы честь любой нации», – заключал Виноградов⁴⁰.

В статье о Т.Н. Грановском Виноградов подмечал культурную восприимчивость и цивилизационную терпимость русского народа. Из этого наблюдения он делал частный вывод о научных предпочтениях русского человека. «Не будет парадоксом сказать, – писал Виноградов, – что именно всеобщая история должна быть русской наукой. Русские имеют еще

меньше права уединяться в своей отдельной национальной культуре, нежели англичане, французы или немцы, на которых, впрочем, такое уединение действует достаточно вредно. С другой стороны, если русскому нужна и близка вся общая гражданственность человечества, зато им нет основания связывать себя изучением одной какой-либо отрасли или нации»⁴¹. «Нет надобности останавливаться на известных всему миру выносливости и здравом смысле русского народа», — отмечал Виноградов положительные черты русских людей⁴². Вспомним, продолжал он далее свою характеристику, «последовательное, неотразимое стремление к образованию... колоссальную жизнеспособность гонимых раскольниковских обществ, наиболее верных старой культуре и наиболее здоровых в нравственном и материальном отношении. Вспомнил сметливость, деловитость и твердость, которые проявляет народ в тех случаях, когда ему сколько-нибудь дано вздохнуть, напр[имер], в артельных организациях»⁴³. Даже крайние проявления революционных событий в России не поколебали веру Виноградова в русский народ, вероятно, только укреплявшуюся от длительного пребывания на чужбине. «Русским народом овладел пароксизм зверского исступления, но в основе это богато одаренный народ, ищущий правды; способный к состраданию и раскаянию», — признавался ученый в своей любви к русскому народу со стороны⁴⁴. Ту же любовь к дальнему он демонстрировал и в статье, нацеленной на английского читателя. «Русский народ по природе своей и наклонностям демократичен, толерантен и охотно прощает свои обиды. Освободившись от самодержавия и успокоившись после революции, он всей душой присоединиться к международному движению в пользу мира и справедливости»⁴⁵.

Взгляд на историческую судьбу русского народа наводит Виноградова на размышления о славянстве, которых он избегал, даже занимаясь московским славянофильством. В газетной заметке «Россия. Психология нации» Виноградов касался вопроса о влиянии географической среды на историю. Признавая, что неблагоприятные географические условия тормозят историческое развитие народа, он писал: «Нация, оказавшаяся в невыгодном положении из-за географии может позднее начать развиваться и тем не менее ее развитие может быть относительно лучше, чем у более удачливых соседей»⁴⁶. Географическое неудобство расселения славянского племени стало «общим местом» отечественной, особенно либеральной, историографии, по крайней мере с С.М. Соловьева. Однако перспек-

тивы славянской цивилизации рисуются Виноградову следующим образом: «Славяне должны иметь свой шанс в мировой истории и время их возмужания ознаменует новый этап роста цивилизации»⁴⁷.

В размышлениях Виноградова о России преобладала «тема – об оправдании и пределах европейского влияния»⁴⁸, или «вопрос о приобщении России к европейской культуре»⁴⁹. При этом необходимо учитывать, что рассуждения историка ориентировались на западного читателя. Их цель – не помочь русским лучше понять самих себя, а выработать понимающее отношение европейцев к русской истории и культуре. Для взаимопонимания, в свою очередь, необходимо, «чтобы установилась некоторая общность мировоззрения, некоторая солидарность в понимании основных требований права и гуманности»⁵⁰. Таково требование Виноградова к союзникам России в войне. Монологичность европейской цивилизации, мало склонной к восприятию ценностей иной культуры, часто приводила к предвзятому мнению о России. Задача, которую ставил перед собой Виноградов: показать, что Россия дает не меньше примеров положительного культурного развития, чем сами европейские нравы и уж тем более не следует интерес к России ограничивать только наблюдением над отрицательными сторонами русской жизни. Контраст культурных достижений на общем низком уровне цивилизационного развития – действительное противоречие русской жизни. «Те трудности и несчастья, которыми наполнена наша ежедневная жизнь, – писал историк, – складываются в одно колоссальное противоречие. Вместо единой цельной России весь мир считается с существованием двух глубоко различных России: с одной стороны – Россия Толстого и Достоевского, Глинки и Мусоргского, Менделеева и Мечникова. Россия великих реформ и общественного прогресса, неистощимой народной выносливости и стихийной веры, с другой – Россия помпадуров и мародеров, чиновничьего произвола, разнузданного хищничества, народного невежества. Эта двойственность – великий недуг, с которым необходимо всеми мерами бороться»⁵¹. Итак, главная слабость России и причина ее неудач, в том числе и военных, в культурной отсталости. Эту точку зрения Виноградов развивал и отстаивая цивилизационную роль университетов в России. «Если что-либо должно быть бесспорным в России, – писал он в начале статьи “Учебное дело в наших университетах”, – так это – истина, что путь к благосостоянию и могуществу открывает народам просвещение: чтобы действовать, надо знать и уметь»⁵². На этом

пути у России много препятствий. Это и обширная территория при малочисленности населения, его отсталость, скудость средств.

Восприятие Европы в качестве образца исторического и культурного развития соответствовало мировоззрению русских западников, к числу которых принадлежал Виноградов. Его биограф отмечал несколько идей и убеждений, служивших Виноградову основой оценки той или иной исторической эпохи или народа: представление о ведущей роли западных наций в истории, парламентаризм как государственное устройство, гарантии безопасности и гражданских свобод, распространение образования и обеспечение академической свободы высшей школы, доступность образования, развитие местного самоуправления⁵³. Доказательством универсальности идеалов, выработанных западноевропейской культурой, могут служить успехи азиатских народов, вставших на западный путь развития. Поражение России в войне с Японией указывает не только на слабость русского самодержавия или бездарность генералов, но и на плодотворность заимствованного европеизма, перерождающегося в технически усиленный милитаризм. Оценка Виноградова звучит как приговор: «Как ни стараются наши самобытники уверить себя и других, что стадо есть общественная организация, наиболее соответствующая духу русского народа, что правовой порядок, гражданская обеспеченность, политическая свобода, — случайные и печальные особенности соседних стран, европейские идеи делают в России свое дело, особенно с тех пор, как их неожиданным союзником явились азиаты Дальнего Востока, опередившие, как оказывается и Китай, и Россию»⁵⁴. То, что Россия вступая в войну была страной более европейской, чем ее восточный сосед, Виноградов не учитывает. Ему важно показать, что неудачи России вызваны незавершенностью процесса вестернизации, что России еще есть чему учиться у Европы. «Многие в России думают, — писал он, — что русским политическим деятелям предстояло просто схватить на лету последние слова переловых партий Европы. Откуда такая гордыня? Не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять западную "буржуазию", которая немало сделала для европейской цивилизации»⁵⁵. Цивилизационный минимум европеизма составляют правовой порядок и политическая свобода. Универсальность западноевропейских цивилизационных стандартов позволяет Виноградову желать судить о России по мерке Новой Зеландии; «по мерке, снятой с карпы», — как писал в XVIII в.

И.Н. Болтин. «Но даже если и невозможно обратить Россию в своего рода Новую Зеландию, — несколько сожалел Виноградов, — зато необходимо усвоить основные начала правового порядка, гражданской обеспеченности и политической свободы, и для успешного их усвоения нельзя не справиться с уроками европейской истории»⁵⁶. Однако, будучи либералом, выдавшем идеал цивилизационного развития на Западе, замечал Фишер, Виноградов оставался русским патриотом⁵⁷. Культивируемый на протяжении двух последних веков европеизм служит хорошим профилактическим средством против шовинизма. Доверие к чужой культуре, отказ от национальной исключительности и культурной самобытности делает, по мнению Виноградова, «маловероятными» претензии России на гегемонию в Европе. «Я, впрочем, думаю, — писал он, — что преобладающая масса русского общества далека от всякого шовинизма и отлично понимает выгоды совместной работы с западными державами»⁵⁸.

Однако положение России как европейского государства сопровождается культурным расколом, начавшимся еще в XVII в. и доведенном до крайности петровскими реформами. Именно этот, отмеченный еще славянофилами, историософский конфликт между европейской образованностью и народной верой и привел, по мнению Виноградова, к революции. «Нигде, кроме завоеванных стран вроде Индии или африканских колоний, — писал ученый в 1918 г., — дифференциация общественных классов не осложнена в такой степени культурными различиями, как в России. Со времени Петра Великого и даже Никона в России соперничают две культурные стихии, глубоко различные и враждебные друг другу: люди западной выучки — интеллигенты всех категорий и люди старой веры — раскольники и православные. Сообщаются эти две группы друг с другом на общем, разговорном языке, но по духовной сущности их мирозозерцание и понимание жизни прямо противоположны. Старый политический порядок был основан на этом дуализме. Бессознательно или сознательно он держался на обуздании темной массы при помощи немецких выучеников и на подавлении этих выучеников тяжестью темной массы»⁵⁹. Раскол разделил на культурные, непонимающие друг друга, миры народ и интеллигенцию, народ и правящий слой, интеллигенцию и бюрократический аппарат. «По воле истории, — рассуждал Виноградов о причинах революции 1905 г., — русская жизнь раскололась: меньшинство надело немецкий костюм и приблизилось к Европе по идеям и стремлениям, громадное

большинство осталось на проторенной московской колее и по настоящее время живет особой, темной жизнью, молится своим богам и таит особые социальные и политические стремления. Народ не только воспитан в невежестве, он думает и чувствует иначе, чем интеллигенция, у него своя культура, и много времени пройдет, прежде чем устранился этот роковой раскол»⁶⁰. Революционное разрешение событий неизбежно. Революция – результат культурного раскола, который, в свою очередь, следствие европеизации России. К такому выводу, возможно сам того не желая, приходил Виноградов. По его словам, «как велико озлобление и какие требования будут предъявлены “господам”, мы узнаем только тогда, когда наступит минута неизбежного расчета»⁶¹. «Главное надо помнить, – предостерегал историк об опасности новой революции, – что радикальное упразднение существующей администрации будет первым шагом к попыткам утверждения новых правительственных властей, – попыткам, которые не могут не сопровождаться кровопролитным истреблением непокорных и разномыслящих. Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозит на последнем пути неслыханные опасности, если не гибель»⁶². Помимо культурного раскола итогом реформы Петра I стало насаждение в России духа утилитаризма, способствовавшего технической модернизации страны, но дорого сказавшегося на ее культурном развитии. Именно лозунгами утилитаризма оправдывались в России нападки на науку, университетское образование, искусство. Первой попыткой преодоления утилитаристской установки стало увлечение философией Шеллинга и Гегеля, а ее выразителями выступили славянофилы.

Культурный раскол в русском обществе – не единственная причина революции. По словам Фишера, Виноградов еще в 1891 г. верил в неизбежность великой войны в Европе, но вот революции в России он не предвидел⁶³. В то же время следует заметить, что решение Виноградова эмигрировать, скорее всего, помимо личных причин и обид, сопровождалось пессимистическим взглядом на ближайшее будущее России. Революционные события 1905 и 1917 гг. заставили историка более определенно высказаться о причинах происходящего. Одна

из них – деградация власти. «Поразительное отсутствие людей в его рядах, – писал Виноградов о царском правительстве в 1905 г., – может быть объяснено лишь долгим отбором неспособных и развращающим влиянием “высшей среды” даже на способных. Отсутствие убеждений и личного достоинства среди исполнителей предначертаний высшей власти сопровождалось циническим презрением к убеждениям и идеалам, где бы они ни обнаруживались, и растаптыванием малейших зачатков самостоятельности и личного достоинства. В погоне за призрачным могуществом государство оказалось несостоятельным в исполнении элементарных обязанностей по отношению к людям, которые имеют сомнительное преимущество состоять под охраной русских законов: мы дожили до назиданий султана русскому правительству на тему об охране жизни и имущества лиц, проживающих в России»⁶⁴. Отсутствие достойных людей и отсутствие идей, т. е. видения перспективы развития страны, в правящем слое и бюрократическом аппарате влечет закономерное недоверие к власти, дискредитирует ее в глазах населения. Отчуждение власти от народа заставляет народ желать поражения своего правительства как внутри страны, так и во вне. Это и стало одной из причин не только революции, но и неудач в русско-японской войне. Как писал Виноградов, «люди, которым так долго вменялась в преступление малейшая попытка политической деятельности, выработали прямо враждебное отношение ко всему, что сколько-нибудь связано с государственностью. Принципы власти, порядка, государственного интереса потеряли цену, потому что они воплощаются в конкретных формах данной власти, данного порядка, данного государства. Патриотизм в смысле чувства национальной солидарности по отношению к чужеземцам стал почти неприличным. Общественное настроение в течение настоящей войны едва ли имеет себе что-либо подобное в истории и до сих пор не совсем понятно за границей. Что русские люди примкнули к хору врагов, злорадно рукоплещущих японским победам, это кажется иностранцам противоестественным... В России общество принуждено бояться побед своих генералов более, чем национальных поражений»⁶⁵. Ненормальность такой ситуации очевидна. Подавленный сообщениями из России, где осталась его мать, Виноградов после 1917 г. старался публично не обсуждать происходящие на родине события. «Это правление Антихриста», – приводил Фишер горькие слова историка⁶⁶.

Свой вклад в дело подготовки революции внесла и рус-

ская интеллигенция, попутно кающаяся в грехах радикализма. Свою оценку роли русской интеллигенции Виноградов профессионально дополнял исторической аналогией. «Нельзя сказать, — писал он, — чтобы все обстояло благополучно в рядах нашей интеллигенции. Долгая неволя во многом испортила ей характер.

Читая знаменитые главы Токвиля о политическом воспитании французской интеллигенции перед революцией, можно думать, что читаешь характеристику современного образованного класса в России: та же склонность к несбыточным фантазиям, прямолинейным шаблонам, отвлеченным построениям, та же вера во всемогущество формальных преобразований, та же желчная нетерпимость к разномыслящим. К этому надо прибавить некоторые местные психические черты, особенно сильно освященные Достоевским и Чеховым — истерические “надрывы”, резкие колебания настроений от фанатизма к отчаянности и апатии, вялость, неряшливость в будничном труде»⁶⁷. В то же время историк не был склонен бесконечно корить русскую интеллигенцию. Он видел и ее положительные черты, в частности, «ее роль в истории народного самосознания должна возрастать вместе с распространением образования. Русская интеллигенция проявляет на каждом шагу способность к самопожертвованию, идеализм, силу братского чувства, которым могли бы позавидовать соответствующие классы на Западе»⁶⁸.

Живя в России, Виноградов оценивал русскую историю и современное состояние страны с точки зрения европейских идеалов. Переселившись в Англию, он, напротив, сменил угол зрения, воспринимал европейские события с русской стороны. По крайней мере, так казалось его английским коллегам. Фишер делится своими наблюдениями о взглядах Виноградова на славянство и о том патриотическом воодушевлении, какое охватило историка с началом мировой войны. «Его взгляды на европейскую историю, — писал биограф, — были всецело русскими. Однажды, когда я процитировал ему лампрехтовский приговор, что величайший подвиг германской расы в Средние века состоял в экспансии на восток, он ответил со страстным выражением: “О! но правдиво о завоевании балтийских славян никогда не говорили”. В самом начале войны его славянский патриотизм разгорелся сильнее и как паломник он мечтал о Царьграде, вырванном из рук мусульман и отданном русскому орлу»⁶⁹. Желание воссоединения второго и третьего Рима усиливалось аналогией между «смыслом»

происходящих событий и эпохой средневековья. «Уже и теперь слышаться иногда голоса, предупреждающие портив идеализма "крестовых походов". Однако, — проводил Виноградов исторические параллели, — не лишено значение сознание, что в этом направлении происходит эволюция, обусловленная всей предшествующей историей и имеющая составить, по-видимому, содержание грядущей истории на многие годы»⁷⁰. Революция в России придала виноградовскому восприятию апокалиптический оттенок. Вместе с этим и развитие современного общества не оправдывало прогрессистских ожиданий Виноградова. В последних статьях он отмечал усилившуюся борьбу интересов и классов в экономической сфере, обострившийся конфликт между индивидуалистическими и коллективистическими идеями в государстве, потрясение моральных устоев и сомнение в их ценности, утрату христианством своего места в европейской цивилизации, трансформацию семейных основ, отношений между полами, ослабление безопасности в государствах.

И все же Виноградов не видел для России другого пути развития, кроме как приобщения к европейской культуре, воспринимаемой им в качестве культуры общечеловеческой. Правда, Виноградов писал об этом еще до, точнее, накануне революционных событий февраля 1917 г., но вряд ли кардинально пересмотрел свои взгляды после. Более того, в приобщении народа к ценностям более развитой культуры, он видел своеобразный закон исторического развития. «Прежде всего отметим, — писал Виноградов, — что заимствование одним народом у другого известных идей, приемов и учреждений не только не составляет родового явления, а, напротив, может быть признанным своего рода законом культурного развития»⁷¹. Историческое развитие народа невозможно в изоляции, т. е. без влияния на него других народов. На конкретном историческом материале исследователь неоднократно демонстрировал, как воздействие соседей стимулировало изменения в исторической жизни народа. Примером тому может служить восприятие германскими племенами римской культуры. Как писал Виноградов в курсе истории средних веков, «во всех случаях, где мы встречаемся с переходом от низшего уровня цивилизации к высшему, мы имеем такой процесс: племя не стоит в одиночестве, оно как бы оплодотворяется извне, получает первые толчки на пути цивилизации в борьбе с соседними племенами, преимущественно, высшими по культуре. Так было на нашей исторической памяти с Греками, Римлянами, Германца-

ми, Славянами. Племя совершенно обособленное едва ли имеет возможность развить культуру исключительно из себя. Это развитие всегда обуславливается влиянием рядом стоящего культурного племени»⁷². В то же время, ученый признавался, что большая образованность народа еще не означает его большую историческую значимость. Тем самым несколько реабилитировалась и очевидная культурная отсталость России. «Из того обстоятельства, что древние римляне были несравненно образованнее напавших на них варваров, не следовало, что за первыми всегда останется преимущество в мировой борьбе. Если бы дело решалось согласно мерилу школьного образования, то пруссаки и австрийцы до сих пор остались бы подвластны наполеоновской династии»⁷³.

Жизнь за границей только укрепила убеждение Виноградова в европеизме, как исторической судьбе России. «Но все сильнее укореняется среди них (англичан. — *А.М.*) мысль, — писал Виноградов с того берега, — что народ русский в этой борьбе (Первой мировой войне. — *А.М.*) проявил свойства великого народа, что с мелкими невзгодами и препятствиями он справится и что, во всяком случае, он не откажется от дела Петра Великого и от места в семье европейских народов. Его будущее — в согласии и мирной, культурной работе вместе с западными братьями. На этом пути, несмотря на все различие учреждений и привычек, найдена общая почва в культе права во всех его явлениях — права международного, гражданского, государственного права, уже давно завоеванного англичанами и сияющего, как путеводная звезда, перед глазами России»⁷⁴. Никакие исторические перипетии и разочарования не подорвали этой цивилизационной веры Виноградова.

Однако в полной мере возможность сближения русской культуры с европейской сложилась не в результате петровских преобразований, а только с отменой крепостного права. Лишь окончательное избавление от крепостного рабства позволяет России встать на западный путь развития. «Можно сказать, — развивал свою мысль Виноградов, — что лишь с отмены крепостного права в 1861 году можно начинать историю нового периода народного просвещения в России, потому что только с этого времени открылся путь для усвоения европейской образованности не только правящим классом, но и "народом"»⁷⁵. Этим объясняется и то значение, которое историк придавал эпохе реформ Александра II. Освобождение и просвещение народа, развитие земских учреждений — вот те мероприятия, которые помогут России вписаться в европейскую ци-

визацию. Приобщение к ней не стоит воспринимать как замену самобытных народных ценностей заимствованными европейскими. В этом процессе Виноградов видел возможность решения тех задач, которые стоят перед человечеством, а, значит, и перед русским народом. «"Человеческое", – разъяснял он, – это задачи науки и религии, политики, права, хозяйства, то, что вытекает из основных условий человеческой природы и мирового развития. Ответы на них получаются не тождественные, в зависимости от тех национальных особенностей, которые должны сказаться сами собой. Но при всем разнообразии оттенков не следует терять из виду, что вопросы о власти и свободе, о преступлении и наказании, о человеческой душе и строении мира, поставлены не для немцев, англичан или русских, а для всех людей. Мало того, несмотря на всю разницу исторических положений, нас соединяет принадлежность к тому или другому кругу мирового развития. Первым и самым обширным кругом, возвышающимся над отдельными национальностями, является христианская культура, со всеми ее разветвлениями в религии, морали и быте. Другой, более тесный, круг возник вследствие возрождения наук и искусств, открывающего новую историю. Третий круг составил в 18 веке вследствие освободительного движения. Четвертый круг формируется в настоящее время в связи со стремлениями к социализации гражданского строя. Не касаясь разномнений и споров, которые возникают на почве каждого из этих кругов, необходимо признать, что историческая жизнь в их пределах настроена на известные гармонические лады, и что поэтому разграничения национальные и государственные не могут воспрепятствовать свободному движению мыслей на всем протяжении образованного мира»⁷⁶. Обозначенные Виноградовым общие основы европейской и русской культуры – христианство, цивилизационная парадигма Модерна и «социализация гражданского строя» – позволяют надеяться, что приобщение к западной культуре может пройти не слишком болезненно, тем более, что в них заложена и идея культурной открытости и восприимчивости.

Революционные события в России, конечно, заставили Виноградова несколько откорректировать свою точку зрения. Но и здесь европейская история могла бы послужить для объяснения происходящих в России процессов. Более того, революция могла выступить, пусть и негативным, но, по крайней мере, формальным подтверждением общности исторического пути России и Европы, уже пережившей в своей истории

серию революций. В России, как, вероятно, и в Европе возрос спрос на ученых, изучающих революции. Медиевистские разыскания Виноградова не могли послужить в этом отношении хорошим примером для проведения широких исторических обобщений и аналогий. Другое дело, оставшийся в России приятель Виноградова Н.И. Кареев. В целом ряде специальных работ Н.И. Кареев исследовал различные аспекты революционных событий во Франции в конце XVIII в. и их причин. Ученики Н.И. Кареева продолжали и развивали подход своего учителя. В 1918 г. по настоянию редакции журнала «Нива» Н.И. Кареев решился на популярное изложение истории Французской революции, вышедшей четырьмя небольшими выпусками с единой пагинацией под названием «Великая Французская революция». Это издание едва ли подняло научный рейтинг ученого или повысило котировки его съедаемых инфляцией гонораров, но, по крайней мере, оказалось востребованным. Занятия Виноградова Французской революцией ограничивались изучением А. де Токвиля, хотя в течении многих лет он и читал курс по истории Франции XVIII в. Тем интереснее выводы, сделанные Виноградовым и поясняющие его собственную политическую программу. В предисловии к переводу «Старого порядка и революции» Виноградов отмечал, что «политическая свобода – вносит необходимую примесь идеализма в демократическую жизнь, которая иначе легко может унизиться до грубого и мелочного себялюбия; лучшей опорой политической свободы в демократиях служит децентрализация и местное самоуправление»⁷⁷. «Революция, – писал он далее, – ломала историческую действительность в угоду отвлеченным теориям. Но могущество отвлеченных теорий сложилось задолго до революции, в ту эпоху, когда общество отвыкало от всякого участия в политической деятельности»⁷⁸. Отсутствие навыков политической свободы в России усугублялось культурной отсталостью и необразованностью населения.

Ко многим навалившимся на Россию несчастьям, последовавшим в ходе революции, добавился и распад страны. Виноградов остро реагировал на отторжение окраин некогда могучего государственного организма. Россия как историческое явление представляет собой живой организм, сложившийся естественным путем, распадение которого болезненно отзывается во всех отложившихся частях. «Было бы чудовищной нелепостью в результате тягостной, но победоносной войны вытолкать Россию в пределы древней Московии, как того желают немцы», – писал историк в 1916 г. о возможном отторже-

нии Польши⁷⁹. Для нормализации положения в России по окончании войны, полагал Виноградов, необходимо решить, каким образом возможна мирная консолидация и как регулировать отношения между народами в многонациональном государстве. Россия – результат тысячелетнего органического развития, поэтому современные неурядицы, уверен ученый, явление временное. Россия сможет преодолеть смуту, пережить революционное лихолетье и восстановится в своих естественных пределах. «Как скоро мы обозрим события в достаточно широком масштабе, – убеждал Виноградов, – мы поймем однажды, что нынешние трудности и беспорядок есть только маленький затруднительный эпизод общего роста»⁸⁰. Из смеси патриотизма и исторических представлений ученого рождается не лишенный утопизма рецепт Виноградова. «Возрождение этого исторического целого, – писал он в 1918 г., – создание которого стоило таких усилий, таких потоков крови, должно, несомненно, составлять одну из главных задач русских патриотов. Обезображенное туловище России, сохранившееся после отпадения Украины, после Брест-Литовского мира, после бегства с Кавказа, не отвечает никаким географическим и историческим потребностям: оно не обеспечивает ни самодовлеющего хозяйственного круговорота, ни политической независимости, ни культурного прогресса... Чтобы воссоединить Украину, Крым, Дон, Кавказ – надо развернуть не знамя централизованной царской власти, от которой так тяжело терпели все народности, а знамя справедливого и великодушного идеализма, начало которого самоотверженно исповедовали лучшие люди России – Толстой, Владимир Соловьев. И это знамя под стать развернуть не монархической реставрации, а русскому народоправству»⁸¹. «Виноградов до конца оставался русским, думавшим все время о России и болевшем за нее», – отмечал настроения историка революционной поры Дионео⁸². Ориентиром для постреволюционного устройства России, согласно Виноградову, должны служить не стихийные инстинкты толпы или властные вождения ее вождей, а лучшие достижения русской культуры, среди которых он усматривал и республиканские начала.

Идеалом политического устройства России Виноградов считал сильную центральную власть. Это необходимо для осуществления исторической миссии России: распространения начал европейской цивилизации на подвластные народы. Первоначально он считал, что такому идеалу может соответствовать конституционная монархия, а ее образцом может служить

современное государственное устройство Германии. Английский вариант конституционной монархии, очень желательный, пока недостижим в России. «По условиям исторического прошлого, громадности территории, сложных и опасных международных отношений, — расставался Виноградов со своими англофильскими симпатиями, — для России скорее подходит система, приближающаяся к германскому конституционному типу, т. е. допускающая значительную самостоятельность и влияние монархического фактора»⁸³. Ориентация на Германию не была изменой европеизму, но лишь более соответствовала русским историческим реалиям. «Что же касается до русских, — продолжал ученый, — то, как бы они ни были враждебны завоеваниям и милитаризму, как бы ни были равнодушны к внешнему могуществу престижу родины, немногие захотят отречься от дела 1812 года и от наследия Петра Великого. И если в виду надвигающегося монгольского, балканского, австрийского и других вопросов нужна не разваливающаяся федерация, а сильная держава, то нужно и единство командования, нужна единоличная власть, воплощающая национальные интересы и могущество»⁸⁴. Выход из революционного кризиса 1905 г. Виноградов видел в совокупной деятельности правительства, интеллигенции и народа. «История покажет, — предрекал он, — насколько осуществима в действительности попытка установить известное равновесие на этой почве между монархией и народовластием, но во всяком случае такого рода попытка и желательна, и неизбежна. Было бы наивно думать, что роль монархии в русской истории окончена или что она может быть сведена на исполнение церемониальных обязанностей; надо стремиться к тому, чтобы роль эта была благотворная, а не обструктивная»⁸⁵. Народоуправство может быть представлено не только парламентом, но и, что существеннее, местным самоуправлением. По словам Виноградова, «важно связать систему возникающего представительства с органическими и постоянно действующими общественными телами»⁸⁶, т. е. опереться на традиции земского и городского самоуправления. Парламенту должен принадлежать контроль над финансами, монарху — над армией.

Революция сделала невозможным возвращение России к монархической форме правления. В отличие от большинства эмигрантов Виноградов не питал реставрационных иллюзий. Не мог он принять и «маниакальную тиранию большевиков»⁸⁷. Будущее России историк видел в конституционной форме правления, гарантирующей права и порядок. Благотворным для

России может оказаться федерализм демократического толка, а не бюрократическая централизация.

Изменения затронули не только Россию; в результате войны в Европе трансформации подверглись политические организации и социальные условия, да и международные отношения в целом. Люди, пережившие мировую войну хотят гарантированного нормального развития, материального и духовного прогресса. Опасность исходит от противостояния двух идей, лежащих в основе современных международных отношений: требования международной справедливости и борьбы наций за самоопределение. Мирным разрешением противоречий должна заняться Лига Наций, а ее руководящим принципом должно быть давно известное положение: «*самосохранение и самосознание государств как исторических организмов*»⁸⁸. Бесплезно наделять Лигу Наций функциями единого федеративного правительства. Такое правительство не сможет гарантировать интересы конфликтующего человечества. В современном мире необходимо расовому сепаратизму и бесцветному интернационализму противопоставить историческую традицию. Здесь исторический пример обретает силу политического аргумента. «Лучшей иллюстрацией исторического государства может служить Великобритания», — констатировал Виноградов⁸⁹. России же, следуя примеру Англии, надо отказаться от идеализма «сентиментальных соображений» и «держаться политики ясно понятых целей». Общй принцип междугосударственных отношений должен быть таким: «Жить и давать жить другим»⁹⁰.

Примечания

¹ Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II; The Meaning of the Present Development in Russia // Lectures on the History of the Nineteenth Century. Cambridge, 1902.

² Антощенко А.В. «Путь приобщения к европейской культуре» Статья П.Г. Виноградова. 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 1. С. 199.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 189. №. 71. Л. 11.

⁴ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 98.

⁵ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 398.

⁶ Fischer H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 69.

⁷ Vinogradoff P. Prophetic Career // British Review. 1915. Vol. XII. № 1. P. 3–14;

Vinogradoff P. The Slavophil Creed // Hibbert Journal. 1915. P. 245–260; Vinogradoff P. Western and Eastern Ideals in Russia // Fortnightly Review. 1919. № DCXXIX. P. 670–677.

⁸ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 73.

⁹ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Там же. С. 125.

¹² Виноградов П.Г. Россия и Европа // Исторический архив. 1997. № 1. С. 208.

¹³ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 118.

¹⁴ Там же. С. 117.

¹⁵ Там же. С. 122–123.

¹⁶ Там же. С. 101.

¹⁷ *Vinogradoff P. Prophetic Career // British Review. 1915. Vol. XII. № 1. P. 3.*

¹⁸ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 100.

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ Там же. С. 104.

²¹ Там же. С. 103–104.

²² Там же. С. 125.

²³ *Vinogradoff P. Prophetic Career. P. 14.*

²⁴ Виноградов П.Г. Россия и Европа. С. 209.

²⁵ Там же.

²⁶ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции... 188[?] г. С. 9.

²⁷ Виноградов П.Г. Россия и Европа. С. 209–210.

²⁸ Там же. С. 210.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 7.

³² Виноградов П.Г. Кальвин и Женева. С. 140–142.

³³ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 99.

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Антощенко А.В. Реформы и власть в России во второй половине XIX – начале XX вв.: иллюзии и разочарования П.Г. Виноградова // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997. С. 16.

³⁶ *Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II // Lectures on the History of the Nineteenth Century. Cambridge, 1902. P. 242.*

³⁷ *Vinogradoff P. The Russian Problem. P. 8.*

- ³⁸ Ibid. P. 27.
- ³⁹ *Vinogradoff P. The Situation in Russia // The Reconstruction of Russia. Oxford, 1919. P. 15.*
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ *Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 58.*
- ⁴² *Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа.*
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Виноградов П.Г. За и против республики. С. 56.*
- ⁴⁵ *Vinogradoff P. The Situation in Russia. P. 25.*
- ⁴⁶ *Vinogradoff P. The Russian Problem. P. 39.*
- ⁴⁷ Ibid. P. 44.
- ⁴⁸ *Виноградов П.Г. Россия и Европа. С. 208.*
- ⁴⁹ Там же. С. 205.
- ⁵⁰ Там же. С. 202.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах. С. 537.*
- ⁵³ *Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 10.*
- ⁵⁴ *Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа.*
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 3.*
- ⁵⁸ *Виноградов П.Г. Мечты о мире // Биржевые ведомости. 1916. 23 марта.*
- ⁵⁹ *Виноградов П.Г. За и против республики. С. 56.*
- ⁶⁰ *Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа. О культурном расколе как причине революции 1917 г. Виноградов писал в статье «Ситуация в России» (Vinogradoff P. The Situation in Russia. P. 16.).*
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 20.*
- ⁶⁴ *Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа.*
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 74.*
- ⁶⁷ *Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа.*
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 74.*
- ⁷⁰ *Виноградов П.Г. Мечты о мире.*
- ⁷¹ *Виноградов П.Г. Россия и Европа. С. 205.*

- ⁷² Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции... 1897/8 уч. году. С. 48–49.
- ⁷³ Виноградов П.Г. Россия и Европа. С. 204.
- ⁷⁴ Виноградов П.Г. Мечты о мире.
- ⁷⁵ Там же. С. 207.
- ⁷⁶ Там же. С. 212.
- ⁷⁷ Виноградов П.Г. Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. С. 6.
- ⁷⁸ Там же. С. 7.
- ⁷⁹ Виноградов П.Г. Мечты о мире.
- ⁸⁰ Vinogradoff P. The Situation in Russia. P. 14.
- ⁸¹ Виноградов П.Г. За и против республики. С. 58.
- ⁸² Дионео. П.Г. Виноградов и революция. С. 250.
- ⁸³ Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 219. 14 августа.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 224. 19 августа.
- ⁸⁷ Vinogradoff P. The Situation in Russia. P. 17.
- ⁸⁸ Ibid. P. 9.
- ⁸⁹ Ibid. P. 10.
- ⁹⁰ Виноградов П.Г. Мечты о мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Прежде чем ее поглотит забвение, историк
должен вновь, в каждый последующий век,
составлять эпитафию на жизнь человека.*

Виноградов П.Г. «Об истории»

«Философско-исторические взгляды П.Г. Виноградова довольно неопределенны», — отмечал академик Е.А. Косминский¹. Вероятно, эта неопределенность, оттеняемая политической неблагонадежностью Виноградова, до сих пор затрудняла изучение его методолого-исторической концепции. Даже следование Виноградова основным положениям позитивистской доктрины мало проявляло суть дела. Причина этого, скорее всего, в стремлении ученого как можно теснее привязать свои методологические штудии к конкретным историческим исследованиям. Неслучайно, предметом своих методологических разработок он, как правило, избирал классические исторические труды. Специально рассматривая вопрос о позитивизме Виноградова, Л.С. Моисеенкова писала: «Отрицая научное значение общетеоретических построений, Виноградов не примкнул всецело ни к одной из философских систем, созданных в позитивизме, а избрал из широкого набора позитивистских постулатов то, что соответствовало его собственным представлениям... Влияние позитивизма выразилось в принятии ученым эволюционной теории, в фактическом подходе к историческому процессу, в идеалистическом объяснении причин его развития. Под воздействием позитивизма, очевидных достижений естественных наук и явилась идея применения "научных методов" в историческом исследовании.

Однако вопреки позитивистскому учению П.Г. Виноградов настаивал на специфике исторического познания. Историк вплотную приблизился к верному пониманию названной проблемы, рассматривая ее главным образом не в теоретическом, а в историографическом плане, который своей предметностью способствовал ряду реалистических наблюдений ученого².

Несмотря на оговорки, не подвергается сомнению принадлежность Виноградова позитивистской парадигме историчес-

кого знания. С.П. Рамазанов вслед за Л.Н. Хмылевым относит Виноградова вместе с В.О. Ключевским к самым влиятельным русским историкам позитивистского направления³. В исследовательской литературе уже указывались особенности позитивистской историографии. «Среди них, – писал Б.Г. Могильницкий о методах позитивистской социологии, переносимых на историю, – следует в первую очередь назвать представление об эволюционном характере развития общества, соединенное с признанием его закономерности; эклектизм (“теория факторов”) в объяснении исторического процесса; сравнительно-исторический метод в изучении общественных явлений. Позитивистское требование изучения “положительных фактов” объективно содействовало обращению ученых к исследованию социально-экономической истории общества, ибо именно в этой форме можно было оперировать относительно надежными фактами, имевшими значение объективной реальности. Именно здесь существовала возможность применения методов и приемов естественных наук, за что так горячо ратовали теоретики позитивизма, к изучению общественных явлений, возможность, нашедшая свое выражение в широком распространении статистических приемов обработки источников»⁴. Позитивизм в свое время способствовал новому пониманию истории. Н.М. Дорошенко отмечает пять положений позитивистского толкования истории: включение в предмет истории социальных и экономических отношений; интерес к социальным движениям, отказ от приоритетного рассмотрения исторических личностей и, соответственно, укрупнение субъекта истории, акцент на массовых явлениях; переход от описания отдельных фактов к установлению многообразных взаимосвязей в общественной жизни; создание различных вариантов теории исторического процесса; применение к истории методов других наук. Вместе с этим она выделяет три варианта «позитивистского понимания предмета и метода истории»: эволюционизм, структурализм и функционализм. Виноградов придерживался как раз эволюционистского истолкования истории. «Подчеркивая направленность истории во времени, – поясняет исследовательница, – эволюционисты взяли на вооружение эволюционную теорию, согласно которой существует единый глобальный процесс развития, подчиненный одним и тем же законам. Следствием эволюционного подхода явилось новое понимание историзма: на смену событиям пришли процессы, на смену фактам – идея закономерности, на смену разобщенности – исторические связи»⁵.

К началу XX в. как в историографии, так и в философии обозначился кризис позитивистской методологии, что, возможно, несколько ослабило и уверенность Виноградова в незыблемости теоретических постулатов позитивизма. По крайней мере он не решился их догматически сформулировать, а ограничился лишь их краткими разъяснениями в специальных исторических и историографических трудах. Методология исторического исследования у него не обрела теоретического суверенитета, а осталась на уровне побочных рефлексий к практической реализации конкретных исследований. Позитивизм в историографии постепенно сдавал свои позиции неокантианству, экономическому материализму, философии жизни и религиозной историософии. «Позитивизм, — уточнял С.П. Рамазанов особенности кризисных явлений к началу XX в., — не учитывал в должной степени своеобразия исторического исследования и социального функционирования науки истории, сложности взаимодействия объекта и субъекта в процессе постижения прошлого и активности субъекта такого процесса. Неспособность позитивизма обосновать цель, характер и способы познания исторической науки адекватно ее природе становилась все более очевидной по мере расширения и углубления исследования прошлого, связанного с совершенствованием техники обработки источников, вовлечением в оборот исторических исследований новых явлений, особенно социально-экономического порядка, преодолением узости европоцентристского взгляда на историю, расширением исторического кругозора ученых»⁶.

Теоретическая неразвитость методологических поисков Виноградова, возможно, объясняется тем, что они принадлежали скорее к преподавательской, чем к исследовательской стороне его деятельности. В Виноградове, как известно, удачно сочетались исследовательская склонность с педагогическим талантом. В противоположность работам по средневековой истории, методологические занятия Виноградова не отличались новизной и оригинальностью, хотя и, безусловно, культивировали исследовательский дух. Среди используемых русским ученым приемов и методов не было таких, которые не были бы более подробно разработаны другими историками. Мастерство Виноградова состояло в их свободном владении и искусном применении, что он и демонстрировал студентам, обучая их на своем примере. Собственно говоря, его задача как педагога состояла в том, чтобы предложить ученикам проверенные и апробированные методы исторической работы, а

не теоретизирование по поводу их. Теоретико-методологическая сторона на практических занятиях Виноградова подавлялась учебно-методической.

В самом общем виде теоретико-методологический подход Виноградова сводился к обоснованию истории в качестве науки, чему ближайшим образом служило перенесение в историографию идеи закономерности и идеи развития. Однако идея исторической закономерности сводилась им, в соответствии с позитивистскими представлениями, к принципу многофакторности исторического развития. Более детальная обработка исторического материала, согласно Виноградову, проходит четыре этапа: установление источников и их критика, «положительная реконструкция» критически выверенных данных и их повествовательная обработка, определение общей схемы «социологической эволюции» посредством сравнительно-исторического метода. В то же время ученый подчеркивал, что на ход исторического исследования непосредственное влияние оказывают современность и внешние обстоятельства. Более того, для успешного постижения многообразия общественной жизни и, соответственно, уяснения многофакторности исторического процесса историческая наука должна войти в соприкосновение с другими научными дисциплинами, как естественными, так и моральными.

Теснее всего история коррелирует с юриспруденцией. Их плодотворный симбиоз представляет историческое правоведение. Виноградов отмечал большой практицизм права по сравнению с другими отраслями знания и считал важным для самоопределения юриспруденции выяснить ее взаимоотношения не только с историей, но и с философией (прежде всего этикой), и с эволюционной теорией.

Право вместе с нравственностью выступают основными регуляторами общественной жизни. Дополнение анализа правовых отношений экономическими составляет проект «внутренней истории»; а вписывание «внутренней истории» в общую схему социологической эволюции дает виноградовскую концепцию социальной истории. При этом Виноградов прямо не увязывал свои социально-исторические построения с той или иной разновидностью теоретической социологии. Исключение составляет спенсеровский органицизм. Однако в нем Виноградов видел не столько теоретическую модель, сколько возможную привязку истории к конкретной естественно-научной дисциплине – биологии. Подобие общества и организма побуждает искать этапы или стадии в жизни общества и ре-

шать вопрос о возможной смерти общественного организма. Вместе с тем концепция социологической эволюции обращает внимание исследователя, с одной стороны, на начальные этапы жизни общества, т. е. на область генетической социологии и праистории, а с другой, заставляет взглянуть на перспективы развития. В целом для эволюционной точки зрения Виноградова характерно чувство социального оптимизма и вера в прогресс.

Осмысление истории как органического явления расширяет восприятие истории, еще теснее вводит историю в круг жизненных процессов. От жизни отдельного человека история приходит к всемирно-историческим построениям. «История есть, – писал Виноградов, – больше чем свидетельство об отдельном человеке, даже великом; история призвана рассказывать биографию не только человека, но и человечества»⁷. Это не просто укрупнение предмета исторического исследования, а восприятие отголосков более масштабных мировых процессов. История дает чувство сопричастности жизни мирового целого; «история дает, более нежели любая отдельно взятая жизнь, ощущение марша и мощи всемирной жизни»⁸. Мир представляется Виноградову как историческая драма, «маскарад веков», назначение и окончание которого неизвестно вовлеченным в него актерам – всем людям. Однако история претендует на постижение мирового целого, по крайней мере, на передачу ощущения его движений. Но она может опираться только на отдельные факты, детали, осколки прошедших событий, видеть большое в малом. По словам Виноградова, «знание деталей способно заменять движение целого»⁹.

Главный вопрос, стоящий перед историком – вопрос о смысле рассматриваемых событий. «В истории, – писал Виноградов в зачеркнутой, но воспроизведенной публикатором части своей статьи, – возможно более чем где бы то ни было, может быть найден некоторый намек ответа на вопрос: в чем смысл всего этого?»¹⁰ Вопросание историка не о частном и случайном, а о главном – о смысле жизни. Для историка этот вопрос встает особенно остро на фоне постоянно фиксируемых им гибели людей и царств, смене поколений, удалении народов в историческое небытие, на фоне смерти, в конце концов. «Но в этом мире, – вещает Виноградов, – где все происходит, история покоряет Время, сохраняя в своем святилище мысли и дела ушедших веков; придавая единство процессу, она делает видимой красоту целого; и преображающей силой Прошлого она изменяет вещи, которые пока настоящее еще

обладало ими, казалось ничего не содержали в себе кроме упадка и отчаяния»¹¹. Историк постоянно имеет дело со смертью, с мертвым, с отжившими, ненастоящими событиями, вещами, людьми, процессами, с тем, чего, казалось бы, нет. Но только ненастоящее подлинно реально. Смысл как целое обозрим только по завершении процесса. Виноградов нехарактерным для себя, нелишенным некоторой доли страстности, языком, несколько наивно, на поэтический лад, рисует фантазматическую картину торжества и реальности смерти. «Только Прошлое истинно реально; Настоящее есть только мучительное, противоречивое претворение в неизменное бытие того, что не существует более. Только умершие существуют в полноте своей: жизнь живущих фрагментарна, сомнительна и подчинена изменению, но жизнь умерших – завершена, свободна от власти Времени, всемогущего правителя мира»¹². В нагнетаемой в статье атмосфере умирания, безысходности, неотвратимости конца, разложения форм, распада судеб, тем не менее, сохраняется возможность смысла. Аннигилирующая оптика смерти в неотвратимой перспективе небытия обесмысливает все земные притязания людей. Но смерть, устанавливая предел жизни, дает и возможность ее постижения. Смерть как исчерпанность, завершенность жизни дает полноту знания о жизни. И этим знанием является история. «Но прошлое, – заканчивал Виноградов свои полумистические откровения, – даже пожирая приходящего потомка Настоящего, живет всеобщей смертью; постоянно, неотвратимо, оно доставляет новые трофеи в свой тихий замок, который строят все века; каждое великое дело, каждая великолепная жизнь, каждое достижение и каждая историческая неудача неизменно сохраняется здесь. На берегах реки Времени грустная процессия человеческих поколений медленно марширует к могиле; в тихой стране Прошлого марш заканчивается, уставшие странники отдыхают, и все их плачи умолкают»¹³.

Примечания

¹ *Косминский Е.А.* Исследования А.Н. Савина по истории Англии // *Косминский Е.А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. С. 37. В другой статье Е.А. Косминский отмечал у Виноградова «смутные философские взгляды на общий ход развития человечества» (*Косминский Е.А.* Изучение истории западноевропейс-

кого средневековья [Работы русских дореволюционных и советских историков] // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. С. 95).

² Моисеенкова Л.С. Слово о Павле Гавриловиче Виноградове. С. 216.

³ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в. В 2 ч. Ч. 1: Постановка и попытка разрешения проблемы. Волгоград, 1999. С. 41.

⁴ Мозильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. С. 110.

⁵ Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1997. С. 51–52.

⁶ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в. В 2 ч. Ч. 2: Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. Волгоград, 2000. С. 124.

⁷ Виноградов П.Г. Об истории. С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 20.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ П.Г. ВИНОГРАДОВА

Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Пер. П.Г. Виноградова. Т. I–II. М., 1877.

Ueber die Freilassung zu voller Unabhängigkeit in den deutschen Volksrechten // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1878. Vol. LX.

Новые ученые работы по феодализму в Италии // Журнал министерства народного просвещения. 1878. Ч. СС. Ноябрь.

Исторические разыскания в итальянских архивах и библиотеках // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ.

Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии // Журнал министерства народного просвещения. 1880. Ч. ССVII. Январь; Февраль; Ч. ССVIII. Апрель; Ч. ССХ. Август; Ч. ССXI. Сентябрь; Октябрь; Ч. ССXII. Ноябрь; Декабрь.

Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.

История средних веков. Лекции 1881–1882 гг. М., 1881.

Феодализм в Италии // Юридический вестник. 1882. Т. VIII.

Новые работы по истории Греции // Русская мысль. 1883. Кн. III.

Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. ССXXVIII. Август; Ч. ССXXIX. Сентябрь; Октябрь; Ч. ССXXX. Ноябрь; Декабрь. Ч.; 1884. Ч. ССXXXI. Январь; Ч. ССXXXIII. Июнь; Ч. XXXIV. Июль; Август; Ч. ССXXXVI. Ноябрь.

Letter on the Hundred Rolls of the County of Warwick Discovered in the Record Office // Athenaeum. 1883. Dec.

English Universities // Fortnightly Review. 1884.

The Note-Book of Bracton // Athenaeum. 1884. 19 July.

The Text of Bracton // Law Quarterly Review. 1885. Vol. I.

Oxford and Cambridge through Foreign Spectacles // Fortnightly Review. 1885.

Molmen and Molland // English History Review. 1886. Vol. I.

Исследования по социальной истории Англии в средние века // Журнал министерства народного просвещения. 1886. Ч. ССXLX. Май; Ч. ССXLVI. Август; Ч. ССXLVII. Сентябрь; Ч. ССXLVIII. Ноябрь; Декабрь; 1887. Ч. ССL. Апрель; Ч. ССLI. Май.

Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

[Рец.] Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон // Русские ведомости. 1887. № 75.

Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн. IV.

The Note-Book of Bracton // Law Quarterly Review. 1888. Vol. IV.

[Рец.:] The Great Roll of the Pipe for the Twelfth Year of the Reign of King Henry the Second. Publications of the Pipe Roll Society. Vol. IX. London, 1888 // Law Quarterly Review. 1888. Vol. V.

История Греции. Лекции профессора Императорского Московского университета П.Г. Виноградова 188[?] г. Б. м., б. д.

[Рец.:] Pipe Roll of 12 Henry II // Law Quarterly Review. 1889.

Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. I.

[Рец.:] Американская демократия (Bryce J. The American Commonwealth) // Русская мысль. 1890. Кн. XI–XII.

Дайси В.В. Основы государственного права Англии. Перевод с 3-го английского издания О.В. Полторацкой под редакцией проф. П.Г. Виноградова. СПб., 1891.

Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1892.

Влияние рек на происхождение цивилизации // Северный вестник. 1892. № 6.

И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11.

Трактат Аристотеля о государстве Афинском // Русская мысль. 1892. Кн. XI.

Развитие демократии в Афинской Политии Аристотеля // Историческое обозрение. 1892.

Первые главы Афинской Политии Аристотеля // Филологическое обозрение. 1892.

Литература об Афинской Политии // Русская мысль. 1892.

Новые работы по истории Греции // Русская мысль. 1893. Кн. III.

Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV.

История средних веков. М., 1893.

Учебник всеобщей истории. М., 1893–1896. Ч. I. Древний мир. М., 1893; изд. 2-е. М., 1894; изд. 3-е. М., 1894; изд. 4-е. М., 1898; изд. 12-е. М., 1912; Ч. II. Средние века. М., 1894; изд. 2-е. М., 1894; изд. 3-е. М., 1897; изд. 12-е. М., 1914; Ч. III. Новое время. М., 1896; изд. 2-е. М., 1896; изд. 3-е. М., 1898; изд. 12-е. М., 1913.

Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. (По поводу книги кн. Е. Трубецкого «Мирозерцание блаженного Августина») // Русская мысль. 1893. Кн. XVII.

Folkland // English History Review. 1893. Vol. VIII.

Т.Н. Грановский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом XVIII. СПб., 1893.

[Рец.:] The Old English Manor. By Ch. Mc Lean Andrews // English History Review. 1893.

[Рец.:] Кальвин и Женева (Р. Виппер: «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма». Москва, 1894) // Русская мысль. 1894. Кн. IX.

[Рец.:] Франция перед революцией (М. Ковалевский: «Происхождение современной демократии». Т. I. Москва, 1895 год) // Русская мысль. 1895. Кн. X.

Задачи всеобщей истории // Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. Киев, 1895.

Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. Перевод под редакцией проф. П.Г. Виноградова. М., 1896; изд. 2-е. М., 1898; изд. 3-е. М., 1902; изд. 4-е. М., 1905; изд. 5-е. М., 1912.

История Греции. Лекции, читанные проф. П.Г. Виноградовым на I и III семестрах историко-филологического факультета в 1896–97 ак. г. М., 1896.

Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей под редакцией П.Г. Виноградова. Вып. I–IV. М., 1896–1899.

Империя VI в. и Юстиниан // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. I. М., 1896.

Подготовка феодализма // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. I. М., 1896.

Альфред Великий // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. I. М., 1896.

Habeas corpus act и его приостановка по английскому праву // Русские ведомости. 1896. № 255.

История средних веков. Лекции, читанные ординарным профессором П.Г. Виноградовым на филологическом факультете Московского университета в 1897/8 учебном году. Б. м., б. г.

Предисловие // Ранке. Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II (в 1854 г.). М., 1898.

История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. М., 1898.

Сорель А. Монтескье. Перевод под редакцией П.Г. Виноградова. М., 1898.

Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 гг. М., 1899.

Geschlecht und Verwandtschaft im Alt-Norwegischen Rechte // Zeitschr. Für Social-und Wirtschaftsgeschichte. 1900. B. VII.

Речь о задачах Педагогического общества // Труды Педагогического общества. М., 1900.

Agricultural Services // Economic Journal. 1900. Vol. X. № 39.
[Рец.:] The End of Villainage in England. By T.W. Page // English
History Review. 1900. Vol. X.

Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901.
Т. V. Октябрь.

История Греции. Лекции, читанные в 1900–1901 ак. г. в
Московском университете. М., 1900.

История средних веков. Курс 1901–1902 гг. М., 1901.

Накануне нового столетия. М., 1902.

Школа на Скандинавском Севере и борьба за нее // Вестник
Европы. 1902. Кн. III.

[Рец.:] Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера // Журнал
министерства народного просвещения. 1902. Ч. CCCXL; то же //
Deutsche Literaturzeitung. 1902.

The Reforming Work of the Tzar Alexander II; The Meaning of the
Present Development in Russia // Lectures on the History of the Nineteenth
Century. Cambridge, 1902.

Wergeld und Stand // Zeitschrift für Rechtsgeschichte. XXIII. Germ.
Abt. Weimar, 1902.

[Рец.:] Les Classes Rurales et le Régime Domaniale France au
Mayen Age. By Henri See. 1901 // English History Review. 1902.

Местное самоуправление в Англии. СПб., 1903.

[Рец.:] Seebohm F. Tribal custom in Anglosaxon Law //
Vierteljahrsschrift für social und Wirtschaftsgeschichte. I Bd. 1903.

О некоторых особенностях родового строя уельских кельтов //
Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-
Буданову. Киев, 1904.

The Teaching of sir Henry Main. An Inaugural Lecture Delivered
in the University of Oxford on March 1 1904 // Law Quarterly Review.
1904. Vol. XX; от. изд. London, 1904; франц. пер. // Revue de Sociologie.
1904. Vol. XII.

Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII.

[Рец.:] Савин А. Английская деревня в эпоху Тюдоров // Журнал
министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCXXV.
Сентябрь.

Аграрный кризис в Римской империи // Научное слово. 1904.
Кн. 7.

Современный государственный строй Англии // Русское
богатство. 1904. № 12.

Sur quelques aspects de l'évolution historique du colonat // Atti
del Congresso internazionale de scienze storiche. Vol. IX. P. II. № XXXIV.
Roma, 1904.

Sulung and Hide // English History Review. 1904.

- The Peasant Caste in Russia // Independent Review. 1904.
 [Интервью:] The People of Russia // Morgenbladet (Oslo). 1905.
 26 Jan.
 Article on Russia // Morgenbladet (Oslo). 1905. 1 April.
 The Growth of Manor. London, 1905; 2-е изд. London, 1909; 3-е изд. London, 1920.
 [Рец.:] Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Очерк из истории разложения феодального строя Англии. Ч. I. 1897; Ч. II. 1901 // Отчет о X присуждении премии митрополита Макария. СПб., 1905.
 Государственный строй Англии // Политический строй современных государств. СПб., 1905.
 Zur Wergeldfrage // Vierteljahrschrift für social und Wirtschaftsgeschichte. III Bd. 1905.
 Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа; № 219. 14 августа; № 224. 19 августа.
 17-е октября // Слово. 1905. 27 ноября.
 Кризис английского правоповедения // Русская высшая школа общественных наук в Париже. СПб., 1905.
 [Рец.:] Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im frühern Mittelalter. Von G. Seeliger // English History Review. 1905. Vol. XX.
 The Customs of Ragusa (Liber Statutorum civitatis Ragusii, compositus anno 1272... ediderunt V. Bogisic et C. Jirecek. Zagrabiae, 1905) // Law Quarterly Review. 1905. Vol. XXI.
 Magna Charta (W.S. Mc Kechnie. Magna Charta, a Commentary on the Great Charters of King John. Glasgow, 1905) // Law Quarterly Review. 1905. Vol. XXI.
 A Constitutional History of Hungary (Akos v. Timon. Ungarische Verassung und Rechtsgeschichte. Berlin, 1904) // Law Quarterly Review. 1905. Vol. XXI.
 [Рец.:] Die Groschufen der Nordgermanen. Von K. Rhanm // English History Review. 1906. Vol. XXI.
 [Рец.:] The King's Household in England before the Norman Conquest. By L.M. Larsen. 1904. // Bulletin of the University of Wisconsin. Hist. Series. 1906. Vol. I. № 2; Zeitschrift für Rechtsgeschichte. XXIII. Germ. Abt. Weimar, 1906.
 [Рец.:] Tribal System in Wales. 2 nd edition. By F. Seebohm // English History Review. 1906.
 Russia at the Parting of the Ways // Fortnightly Review. 1906.
 The First Month of the Duma // Independent Review. 1906.
 Возможно ли формирование либерального правительства // Московские ведомости. 1906. 5 августа.
 История средних веков. Лекции ординарного проф. Московского

университета П.Г. Виноградова. Издание III без перемен, с разрешения проф. И.М. Гревса, с добавлением указателя имен и предметов. СПб., 1906.

[Рец.:] Савин А. Английская секуляризация // Журнал министерства народного просвещения. 1907. Ч. XII. Декабрь.

[Некролог:] Maitland // English History Review. 1907.

An Illustration of the Continuity of the Openfield System // Quart. Journal of Economics. 1907.

[Рец.:] The Economic Development of a Norfolk Manor (1086–1565). By F.G. Davenport. 1906 // English History Review. 1907; Hist. Vierteljahrsschrift. (Leipzig), 1907.

Transfer of land in Old English Law // Harvard Law Review. 1907. Vol. XX.

By Laws of an Oxfordshire Manor. London, 1907.

История правоведения. (Курс для историков и юристов). Лекции, читанные в Императорском Московском Университете в осеннем семестре 1908/9 года. М., 1908.

English Society in the Eleventh Century. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1908.

A History of Local Government. Review: English Local Government from Revolution to the Minicipal Corporation Act. Vol. I and III «The Manor and the Borough». By S. And B. Webb // Nation. 1908. 2 May.

Из оксфордских впечатлений // Московские ведомости. 1908. 28 мая.

О значении городского Народного университета им. А.А. Шанявского // Русские ведомости. 1908. № 228.

Проект нового университетского устава // Русские ведомости. 1908. № 241, 242.

Reason and Consciences in Sixteenth Century Jurisprudence (A Paper Real at the Berlin Historical Congress. August. 1908) // Law Quarterly Review. 1908. Vol. XXIV.

[Рец.:] Rintelen Max. Schuldhaft und Einlagez im Vollstreckungsverfahren des altniederländischen und sächsischen Rechtes // Law Quarterly Review. 1908. Vol. XXIV.

[Рец.:] Hildebrand R. Recht und Sette auf den primitiven wirtschaftlichen Kulturstufen. Jena, 1908 // Law Quarterly Review. 1908. Vol. XXIV.

Romanistische Einflüsse im Angelsächsischen Recht: das Buchland // Mélanges Fitting. Tome II. Montpellier, 1908.

The Transfer of land in Old English Law // Harvard law Review. 1908.

Aristotle on Legal Redress // Columbia Law Review. 1908.

Задачи правоведения // Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета. М., 1909.

Аристотель о восстановлении нарушенного права // Гермес. Научно-популярный журнал античного мира. 15 марта. № 6 (30). 1909; 1 апреля № 7 (33). 1909.

Университетский вопрос // Русские ведомости. 1909. № 1.

Годичные книги английских судов // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909.

Новые работы по социальной истории Англии // Русская мысль. 1909. Кн. III.

Roman Law in Mediaeval Europe. London and New York, 1909.

[Рец.:] Die Geschichte des Englischen Pfaundrechts. von H.D. Hazeltine // Untersuchungen zur Deutschen Staats- u. Rechtg.: herausgegeben von Otto von Gierke. Helf 16. Berlin, 1883 // English History Review. 1909.

The Russian Problem // Journal of the Parliamentary R. Committee. 1909. May.

Teaching and Learning // Morning Post. 1909. 28 May.

Римское право в средневековой Европе. М., 1910.

Практика английских государственных учреждений // Лой С. Государственный строй Англии. М., 1910.

Проблема бедности в Англии // Русская мысль. 1910. Кн. VI.

Средневековое поместье в Англии // Журнал министерства народного просвещения. 1910. Ч. XXX. Декабрь.

Zur Geschichte der Englischen Klassifikation der Vermögensarten // H. Brunner's Festschrift zur 70 Geburtstag. Weimar, 1910.

Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.

Господство права. М., 1911.

[Рец.:] The Vestgothic Code (Forum Judicum). Translat. from the original and edit. by S.P. Scott. Boston, 1910 // Law Quarterly Review. 1911. Vol. XXVII.

A Master of Historical Jurisprudence. Review: The Collected Papers of F.W. Maitland. Edited by H.A.L. Fisher. 3 Vols. Cambridge, 1911 // Nation. 1911. XI.

Social and Economic Conditions of the Roman Empire in the IV th Century // Cambridge Medieval History. 1911. Vol. I. Ch. 19.

[Рец.:] Der Stab in der Germanischen Rechtsymbolik. Von K. von Amira. München, 1909 // English History Review. 1911.

Германское право // Энциклопедический словарь Граната. Т. XIV. Изд. 7-е. СПб., 1911–1912.

Agrarverfassung (England) // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. I. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.

Buchland // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. I. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.

- Ceori // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. I. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Dorfverfassung (England) // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. I. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Feorm // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Finanzwesen (England) // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Folcland // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Galf // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Geistlichkeit (England) // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Grundherrschaft (Englsnd) // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Helbfreie // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Vol. II. Ed. von J. Hoops. Strassburg, 1911–1913.
- Freie Rechtsprechung u. die Athenische Demokratie // Archiv für Rechts-u. Wirtschaftsphilosophie. Berlin, 1912.
- [Гекролог:] Frederic Seebohm (1833–1912) // Economic Jomal. 1912.
- Foundation of Society (Origins of Feudalism) // Cambridge Medieval History. 1913. Vol. VIII. Ch. XI.
- [Peu.:] Mitteis L. and Wilken U. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Vol. II // Klio. 1913. Bd. XIII.
- Essay in Legal History. London, 1913.
- Constitutional History and the Year Books (Creightom Lecture. 3 Febr. 1913) // Law Quarterly Review. 1913.
- [Peu.:] The Origin of Property and the Formation of the Village Community. By J.St. Lewinsky. London, 1913 // English History Review. 1913.
- Common Sense in Low // Home University Library. Williams and Norgate. London, 1914.
- Greek Law // Hastings Encyclopedia of Religion. 1914. Vol. VII.
- Survey of the Honour of Denbigh. (Brit. Academy) // Records of Social and Economic History of England and Wales. Vol. I. London, 1914.
- A Note on Ancient Demesne // Law Quarterly Review. 1914. Vol. X.
- [Peu.:] Dopsch A. Die Wirthschaftsentwicklung der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland. I. Teil, 1912; II. Teil, 1913. Weimar // English History Review. 1914. Vol. XXIX.
- Social Conditions of the Empire // Cambridge Mediaeval History. 1914. Vol. I.

Foundation of Society (Origins of Feudalism) // Cambridge Mediaeval History. 1914. Vol. II.

[Рец.:] Customary Acres and their History Importance (F. Seebohm's Posthumous Work. 1912) // Nation. 1914. 18 April.

Russian and the War // The Times. 1914. 14 September.

Russia: the Psychology of a nation // The Times. 1914. 14 September.

Russian after War // Yale Review. 1914.

United Russia // Saturday Review. 1914. 19 September.

Anglo-Saxon Law // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. II. Cambridge, 1915.

Comparative Jurisprudence // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XV. Cambridge, 1915.

The Manor // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XVII. Cambridge, 1915.

Serfdom // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XXIV. Cambridge, 1915.

Succession // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XXIV. Cambridge, 1915.

Socade // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XXV. Cambridge, 1915.

Folkland // Encyclopedia Britannica. XI ed. Cambridge, 1915.

Villainage // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XXVIII. Cambridge, 1915.

Village Communities // Encyclopedia Britannica. XI ed. Vol. XXVIII. Cambridge, 1915.

Succession // Encyclopedia Britannica. XI ed. Cambridge, 1915.

[Рец.:] Webb B. and S. English Local Government; Maitland F.W. Collected Works; Seebohm F. Customary acres // Nation. 1915.

Очерки по теории права. М., 1915.

Selfgovernment in Russia. London, 1915.

The Russian Problem. London, 1915.

Prophetic Career // British Review. 1915. Vol. XII. № 1.

The Slavophil Creed // Hibbert Journal. 1915.

Россия и Англия // Биржевые ведомости. 1915. 27 февраля.

[Рец.:] The English Borough in the XII th Century. By A. Ballard // Oxford Magazine. 1915. 5 March.

Национальный вопрос в английской литературе // Биржевые ведомости. 1915. 7 июля.

The Causes of the War // Scientia. 1915. Vol. XVII.

A visit to Russia // Law Quarterly Review. 1915.

Growth of the Provincial Self-Government // The Times. Russ. Supplement. 1915. 26 April.

A Russian Political Thinker // Saturday Review. 1915. 7 August.

Мечты о мире // Биржевые ведомости. 1916. 22 марта; 23 марта.
Максим Максимович Ковалевский. Некролог. (Отд. отт. из Известий имп. Академии наук). Пг., 1916.

Англия в костюме защитного цвета // Биржевые ведомости. 1916. 15 апреля.

[Рец.:] English Field System. By H.L. Gray // Oxford Magazine. 1916. 26 May.

Индия // Биржевые ведомости. 1916. 30 июня.

Oxford Studies in Legal and Social History. Ed. by P. Vinogradoff. Vol. I-II. Oxford, 1916.

Year Books of Edward II, 1312-1313. Scolden Society. Vol. XIII. Edited by P. Vinogradoff and L. Ehrlich. London, 1917.

Articles on the Ordeal (Christian and Greek) // Encyclopedia of Religion and Ethics. Vol. IX. London, 1917.

Some Elements of Russian Revolution // Law Quarterly Review. 1917.

Intellectual Intercourse with Russia // New Europe. London, 1917.

Экономические теории средневековья // История экономической мысли. М., 1917.

[Интервью:] The Russian Republic // Tidens Tegn. (Oslo). 1917. 5 April.

Shall Freed Russia bow to Hohenzollen Rule? // Public Ledger (Philadelphia). 1917. 10 May.

The Liberation Movement in Russia // Manchester Guardian. Russ. Supplement. 1917. 7 July.

The Russian Revolution. Its Religious Aspect // Land and Water. 1917. 2 Aug.

Tasks of the Conference // The Times. 1917. 28 Aug.

Magna Carta. C 39. Nullus Liber Homo, etc. // Collection of Essays on Magna Carta. Edited by H.E. Malden. Aberdeen, 1917.

Исторические основы английского административного права. Речь академика П.Г. Виноградова, предназначавшаяся к прочтению в торжественном годовом собрании Российской Академии Наук 29 декабря 1917 года. Пг., 1918.

The Outlook in Russia // Welsh Outlook. 1918. Jan.

[Интервью:] Russia and the Future // Observer. 1918. 10 March.

[Рец.:] Les Origines de l'Ancienne France. Vol. IV. Par J. Flach // Law Quarterly Review. 1918.

Troubled times in Russian History // History: Historical Association. New York, 1918.

The Manner of Intervention in Russia // New Europe. London, 1918.

The Bolsheviks // New Europe. London, 1918.

Through German Eyes. The Fate of Russia // The Times. 1918. 22 Oct.

Introduction // Hübner R. History of Germanic Private Law (The

Continental Legal History Series: under auspices of Association of American Law School. Vol. IV. 1918). Boston, 1918.

Western and Eastern Ideals in Russia // Fortnightly Review. 1919. № DCXXIX.

Russian Realities. The Truth and the Paradoxes // Observer. 1919. 16 Feb.

The Covenant of the League // The Times. 1919. 28 March.

[Рец.:] The Spirit of Russia. By T.G. Masaryk. Transl. by E. and C. Paul. 2 Vols. London, 1919 // Observer. 1919. 13 July.

The Situation in Russia // The Reconstruction of Russia. Oxford, 1919.

Prospects in Russia // Contemporary Review. 1919.

Some Impression of the Russian Revolution // The United Russian Societies Association. Vol. I. 1917–1918. David Nutt. London, 1919.

Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. Oxford, 1920; Vol. II. Oxford, 1922.

Забота о населении в исторической перспективе // Забота о населении в Англии. Лондон, 1920.

The Crisis of Modern Jurisprudence // Yale Law Journal. 1920. January.

Sir Henry S. Maine // The Pelican Record. Vol. XV. Oxford, 1920.

[Рец.:] Charousek's Game of Chess // Oxford Magazine. 1920. 14 May.

[Некролог:] W. Barbour // Oxford Magazine. 1920. 11 June.

South of Russia, the True Focus of Allied Forces // The Times. 1920. 13 July.

Year Books of Edward II, 1312–1313. Scolden Society. Vol. XIV. Edited by P. Vinogradoff and L. Ehrlich. London, 1921.

The Work of Rome – Unity Series IV. Edited by F.S. Marvin // The Evolution of World-Peace. Oxford, 1921.

The Legal Background of Demosthenes' Speech in Zenthemis v. Demon // Revue d'History du Droit. Tome III. Haarlem, 1921.

Russia in the Cross Roads // Contemporary Review. 1921.

[Рец.:] Justice et Système Pénal de la Russie Révolutionnaire de l'Origine au Début de 1920. Par I. Galin // Columbia Law Review. 1921.

Feudalism // Cambridge Medieval History. Vol. III. Ch. XVIII. Cambridge, 1922.

Preface: The Meaning of Legal History – Lecture Notes of the Late W. Barbour // Columbia Law Review. 1922.

[Рец.:] The English Village. The Origin and Decay of its Community. By H. Peake // Oxford Magazine. 1922. 7 Dec.

[Некролог:] L. Mitteis (1859–1921) // Journal of Egyptian Archaeology. 1922. Vol. VIII.

Проблемы образования // Крестьянское дело. 1922. № II.

- Benkendorff Count // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXX. Cambridge, 1922.
- Denikin Anton // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXX. Cambridge, 1922.
- Guchkoff Alex // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXI. Cambridge, 1922.
- Korniloff L.G. // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXI. Cambridge, 1922.
- Lenin V.L. // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXI. Cambridge, 1922.
- Milyukoff P.N. // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXI. Cambridge, 1922.
- Nicholas II // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXI. Cambridge, 1922.
- Kolchak V.V. // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXI. Cambridge, 1922.
- Russia // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXII. Cambridge, 1922.
- Trotsky // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXII. Cambridge, 1922.
- Tchaicovsky N.V. // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXII. Cambridge, 1922.
- Wrangel P.N. // Encyclopedia Britannica. 12 th edition. Vol. XXXII. Cambridge, 1922.
- Перспективы исторического правоведения // Современные записки. 1921. № 7.
- The Roman Element in Bractin's Treatise // Yale Law Journal. 1923. Vol. XXXII.
- Les Marxinies dans l'Ancien Droit Commun Anglais // Revue Historique de Droit. Paris, 1923.
- Rights of Status in Modern Law // Canadian Bar Review. 1923. Vol. I. № 6.
- Historical Types of International Law. Six lectures Delivered in the University of Leiden. 1921 // Bibliotheca Visseriana. Vol. I. Leiden, 1923.
- [Реч.:] International of Legal History. By R. Pound. 1922 // English History Review. 1923.
- Aims and Methods of Jurisprudence // Columbia Law Review. 1924. Vol. XXIV. January.
- Juridical Persons // Columbia Law Review. 1924. Vol. XXIV. June.
- Legal Standards and Ideals and the Juridical Nature of the State // Michigan Law Review. 1924. Vol. XXIII. № 1-2.
- The Foundations of a Theory of Rights // Yale Law Journal. 1924. Vol. XXXIV. № 1.

- Some Problem of Public Law // California Law Review. 1924.
- Custom and Right (Ten Lectures Delivered at the Institute of Comparative Research of Culture). Oslo, 1924.
- Some Considerations on the Method of Ascertaining Legal // Presentation Volume in Honour of O. Balzer. Lwów, 1925.
- Ralph of Hengham as Chief Justice of the Common Pleas // Essays in Medieval History Presented to T.F. Tout. Manchester, 1925.
- [Рец.:] Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters. By R. Kötzsche // English History Review. 1925.
- Quelques Problèmes d'Histoire du Droit Anglo-Normand // Revue Historique de Droit. 1926. April – June.
- Customary Law // Legacy of the Middle Ages. Edited by C.C. Crump and E.F. Jacob. Oxford, 1926.
- The Collected Papers. Vol. I–II. Oxford, 1928.
- The problem of Customary law // Acta Academiae Universalis Jurisprudentiae Comparativae. Vol. I. Berlin, 1928.
- Из писем П.Г. Виноградова. Публикация и примечания К.А. Майковой // Средние века. Выпуск XXII. М., 1961.
- Россия и Европа. Публикация и примечания А.В. Антощенко // Исторический архив. 1997. № 1.
- За и против республики. Публикация и примечания А.В. Антощенко // Исторический архив. 1997. № 2.
- Об истории. Публикация и примечания А.В. Антощенко // Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х – 30-х годов. М., 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ	11
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ	56
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ	96
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ	125
РУССКАЯ ПРОБЛЕМА	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ П.Г. ВИНОГРАДОВА ..	202

Научное издание

Алексей Валерьевич Малинов

ПАВЕЛ ГАРИЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ:
Социально-историческая
и методологическая концепция

Редактор А.М. Большаков

Издательство «Нестор»

Лицензия ЛР №065394 от 08.09.97

195211 Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

Подписано в печать 01.09.2005. Формат 84х108/32.

Печать офсетная. Объем 14,5 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ №180

